

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2024

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2024

ISBN 978-985-589-111-7

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024

[Перейти к сведениям об издании](#) [1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Научное электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

А43 **Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики**
[Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2024. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-111-7.

В сборник вошли научные статьи, представленные на X Международную заочную научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики» (30 апреля 2024 г.), организованную кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь.

Тематика статей затрагивает ряд актуальных направлений исследований в области уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, аспирантов (адъюнктов), магистрантов учреждений высшего образования, а также практических работников правоохранительных органов.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Издание не требует установки на жесткий диск компьютера. При необходимости пользователи могут осуществлять с электронной книгой различные операции. Панель с доступными командами находится в нижней части экрана просмотра книги. Предусмотрен полноэкранный режим просмотра, печать страниц и возможность загрузки файла в формате PDF непосредственно на жесткий диск. На диске расположены 2 файла издания в форматах HTML и EXE.

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024

Научное электронное текстовое издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

Ю. П. Шкаплеров (председатель),

кандидат юридических наук, доцент,

первый заместитель начальника

учреждения образования «Могилевский институт

Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Д. А. Свиридов, начальник кафедры

уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

учреждения образования «Могилевский институт

Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Р. А. Дерюгин, кандидат юридических наук,

начальник кафедры криминалистики

федерального государственного казенного образовательного учреждения

высшего образования «Уральский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

С. И. Довгун, кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

учреждения образования «Могилевский институт

Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

А. Н. Примаков, кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

учреждения образования «Могилевский институт

Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

О. Ф. Воспякова, старший преподаватель кафедры

уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

учреждения образования «Могилевский институт

Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Рецензенты:

доцент кафедры уголовного процесса учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

кандидат юридических наук, доцент *Г. А. Павловец*;

заместитель начальника научно-исследовательского отдела

федерального государственного казенного образовательного

учреждения высшего образования

«Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

кандидат юридических наук *В. В. Колбасин*

Научное электронное текстовое издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox.

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz, Intel® Atom 1.6 GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8 или Windows 10.

Оперативная память: 512 Мб (1 GB рекомендуется для нетбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83 GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии.

Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33 GHz, Intel Atom 1.6 GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше, openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *Е. И. Дзен*
Корректор *Н. П. Ковалькова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 08.10.2024.
Тираж 10 экз. Объем 111 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 11.

Л. Л. Абрамова

*начальник кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

М. В. Коршунов

*слушатель факультета подготовки специалистов
по программам высшего образования
Сибирского юридического института МВД России*

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ ПРИНЯТИЯ И РЕГИСТРАЦИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Стадия возбуждения уголовного дела прошла довольно длительный период от становления до оформления в качестве самостоятельной. Однако по-прежнему остаются нерешенными многие проблемы теоретического и практического толка, связанные с правовой природой, сущностью, предназначением данного этапа в российском уголовном процессе. Формат данной работы не предполагает комплексного переосмысления перечисленных проблем, между тем необходимость поиска более оперативных и экономически продуманных механизмов борьбы с преступностью заставила нас обратиться к проработке возможности включения цифровой формы в современную модель уголовного судопроизводства.

Анализ зарубежного опыта в данной сфере позволяет констатировать, что многие страны активно применяют формы электронного документооборота. Например, в Республике Казахстан на платформе государственных услуг создан Публичный сектор Единого реестра учета преступлений, с помощью которого граждане Казахстана могут не только обратиться в полицию с сообщением о преступлении, но и отслеживать ход расследования. Также заявитель дает свое согласие на отправку ему уведомлений и выбирает удобный для него способ их получения — СМС-сообщение либо же письмо на электронную почту [1, с. 129–135].

В Киргизской Республике сообщения о преступлении с момента поступления в правоохранительные органы также вносятся в электронный Единый реестр [2, с. 308–315]. Данный опыт положительно характеризуется как со стороны заявителей, так и со стороны должностных лиц, осуществляющих расследование. Безусловно, тенденции цифровой трансформации поддерживают и российские процессуалисты. Учеными на комплексном доктринальном уровне исследуются проблемы цифровизации в уголовном процессе [3, с. 15–25; 4, с. 38–46], изучаются практические аспекты применения в судопроизводстве технологии

блокчейн [5, с. 129–135], разрабатываются модели электронного уголовного дела [6, с. 95–101]. Законодательно предусмотрено производство некоторых следственных действий в дистанционном формате с использованием видеоконференц-связи [7]. Вместе с тем существует потребность внедрения цифровых новелл на самом раннем этапе уголовного процесса.

Для более правильного понимания перспектив использования электронной формы в стадии возбуждения уголовного дела считаем необходимым обратить внимание на следующее. Законодатель установил поводы для возбуждения уголовного дела для того, чтобы, с одной стороны, придать процессуальную форму первоначально полученной информации; с другой, зафиксировать «точку отсчета» — начало проведения предварительной проверки сообщения о преступлении. Требования к оформлению заявления о преступлении регламентированы довольно скупо, предусмотрена устная и письменная формы, обязательны отметка о разъяснении ответственности за ложный донос, подпись заявителя (ст. 141 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК)). Обязательным является предъявление документа, удостоверяющего личность. Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель устанавливает требование об обязательном личном присутствии заявителя при оформлении повода — заявления о преступлении. В соответствии с ведомственным нормативным актом, сведения о регистрации заявления вносятся в Книгу учета сообщений о преступлении (далее — КУСП), в ней же отмечается, кто из должностных лиц будет проверять заявление, а также решение, которое принято в ходе проверки [8]. Ведение КУСП осуществляется в бумажном формате. Заявителю при регистрации выдается талон-уведомление, а по окончании проверки направляется сообщение о ее результатах почтовым отправлением либо вручается лично. Приказом Министерства внутренних дел России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» разрешено подать заявление и в электронной форме. Такое право может быть реализовано после регистрации и заполнения установленной формы заявления на официальных сайтах. После того, как электронное заявление поступает в территориальный орган внутренних дел, оно распечатывается и регистрируется как обычное бумажное заявление, далее начальником органа дознания накладывается резолюция о проведении предварительной проверки в соответствии с требованиями УПК.

Нами при помощи экспериментального метода исследования изучена возможность реализации права подачи заявления о преступлении в электронной форме. Установлено, что имеется определенное количество сервисов, которые дают возможность направить обращение в правоохранительные органы, в том

числе на официальных сайтах Министерства внутренних дел России и его региональных подразделений, Следственного комитета Российской Федерации, а также на портале «Госуслуги» (см. рис. 1–4).

В ходе изучения работы данных ресурсов установлено, что существующий порядок подачи заявлений не в полной мере соответствует положениям действующего УПК. Так, через сайты имеется возможность подать обращение в соответствии с требованиями Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ [9] и Приказа Министерства внутренних дел России от 12 сентября 2013 г. № 707 [10]. Но регламентация порядка рассмотрения обращений данными нормативными актами значительно отличается от той, что предусмотрена для «доследственной» проверки в соответствии с УПК. И прежде всего речь идет о сроках: согласно Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, по общему правилу срок рассмотрения обращения составляет 30 суток, а по УПК — 3 суток.

Кроме того, при подаче обращения через сайт (даже если в нем усматриваются признаки преступления) техническая возможность предупредить заявителя об уголовной ответственности по ст. 306 УК за заведомо ложный донос отсутствует. Полагаем, что такое отступление от требований закона может быть формально использовано стороной защиты в свою пользу.

Таким образом, с учетом изученной правоприменительной практики и правового регулирования следует констатировать, что порядок рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях, поступающих посредством информационных сервисов, не в полной мере коррелирует с положениями УПК. Электронный метод принятия и регистрации сообщений о преступлениях является весьма перспективным направлением совершенствования законодательства, требует дальнейшего осмысления, что не снижает, а только усиливает актуальность темы. Возможным решением проблемы могло бы служить: 1) закрепление законодателем в УПК понятий «электронное заявление» или «заявление, поданное в электронном виде» наравне с устным и письменным заявлениями; 2) усовершенствование технического механизма подачи заявлений о преступлениях, а именно возможностей: загрузки документов, удостоверяющих личность; уведомления об ответственности за заведомо ложный донос; регистрации на цифровых сервисах через портал «Госуслуги»; внедрения механизма двухфакторной аутентификации; оформления электронной подписи, в том числе для подачи сообщения о преступлении; автоматического отправления уведомления о принятом сообщении на портал «Госуслуги» либо на электронную почту.

СКРИНШОТЫ ЦИФРОВЫХ ПОРТАЛОВ ПО ПРИЕМУ ОБРАЩЕНИЙ

Рис. 1. Цифровой сервис МВД России по приему обращений

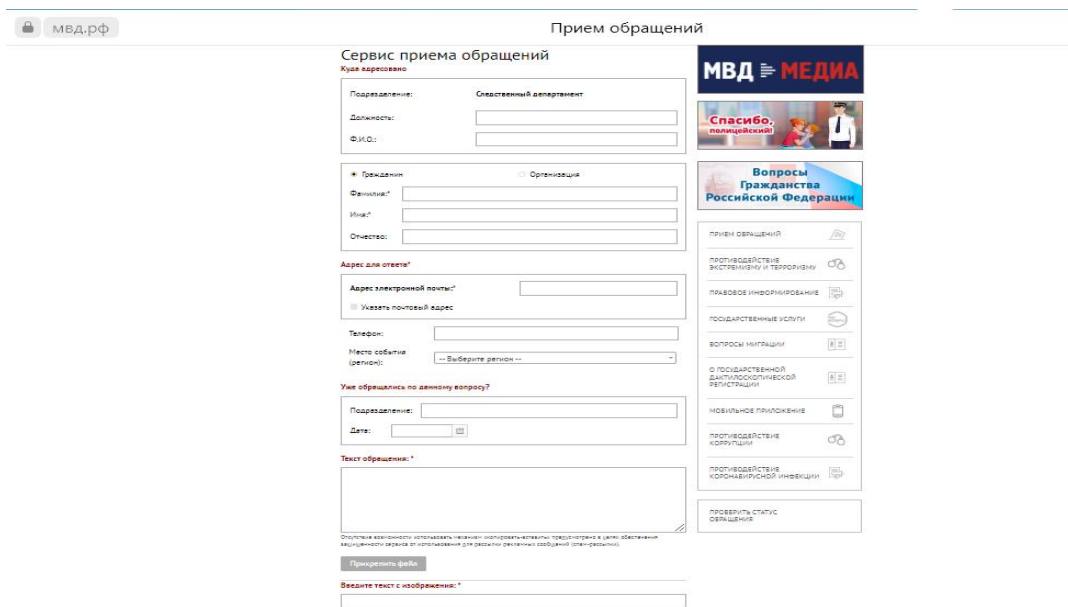

Рис. 2. Цифровая форма обращения МВД России

Рис. 3. Интернет-приемная Следственного комитета Российской Федерации

Рис. 4. Цифровой сервис «Госуслуги» по приему обращений граждан

1. Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. 2022. № 1 (60). С. 129–135. [Вернуться к статье](#)

2. Сманалиев К. М. Реформирование и цифровизация досудебного производства в уголовном судопроизводстве Киргизской Республики // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 9. С. 308–315. [Вернуться к статье](#)

3. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестн. экон. безопасности. 2019. № 1. С. 15–25. [Вернуться к статье](#)

4. Григорьев В. Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников М-ва внутр. дел Рос. Федерации. 2017. № 2 (42). С. 38–46. [Вернуться к статье](#)

5. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юрид. практики. 2017. № 6. С. 226–230. [Вернуться к статье](#)

6. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101. [Вернуться к статье](#)

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 30 дек. 2021 г., № 501-ФЗ : в ред. Федер. Закона от 29.12.2022 г. № 608-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

8. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России, 29 авг. 2014 г., № 736 : в ред. от 09.10.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 мая 2006 г., № 59-ФЗ : в ред. Федер. закона от 04.08.2023 г. № 480-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России, 12 сент. 2013 г., № 707 : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

Н. В. Аврамчик

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь*

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Судебное разбирательство является центральной стадией уголовного процесса, на которой в строгом соответствии с правилами и процедурами, установленными уголовно-процессуальным законом, осуществляется рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу. Как справедливо отмечает Р. А. Паверников, «общепризнанным неотъемлемым стандартом справедливого судебного разбирательства является гласность правосудия» [1, с. 97].

Открытое рассмотрение уголовного дела судом является традиционным для отечественного уголовного процесса. Так, в ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса БССР 1927 г. было закреплено: «Все судебные заседания публичны. Удаление публики из зала заседания допускается... лишь в случаях, где представляется необходимым охранить военную, дипломатическую или государственную тайну, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 166–169-а Уголовного кодекса» [2, с. 9]. Введением в действие Уголовно-процессуального кодекса БССР 1960 г. ознаменован новый этап в развитии уголовно-процессуальной науки, в том числе в связи с провозглашением принципа гласности судебного разбирательства. Статья 13 указанного Кодекса гласила: «Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны» [3]. Перечень дел, по которым допускается закрытое судебное разбирательство, был расширен, и стал включать, помимо дел о половых преступлениях, дела о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, а также другие дела в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц [3].

Ныне действующим Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь 1999 г. (далее — УПК) аналогично закреплен принцип гласности судебного разбирательства, при этом важно отметить, что перечень дел, по которым допускается его ограничение, достаточно сильно расширен.

Так, ч. 2 ст. 23 УПК гласит: «Разбирательство уголовного дела в закрытом судебном заседании допускается лишь в интересах обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, а также по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего

возраста, по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, и в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими» [4].

Особый интерес, как с теоретической, так и практической точки зрения, вызывает возможность проведения закрытого судебного заседания по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста. Несомненно, этот интерес обусловлен в первую очередь особым правовым статусом ребенка, необходимостью защиты его прав и свобод, являющихся ценностным ориентиром развития нашего государства.

Защита государством детства, согласно преамбуле Закона Республики Беларусь «О правах ребенка», является важнейшей политической, социальной и экономической задачей Республики Беларусь [5]. Ряд международных правовых актов, ратифицированных Республикой Беларусь, также содержат особые требования по обеспечению прав и свобод несовершеннолетних лиц, в том числе и в ходе уголовного процесса.

Так, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.) и являющиеся одним из основных международных документов, закрепляющих принципы организации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, содержат требование обеспечения важнейшего принципа правосудия в отношении несовершеннолетних лиц — конфиденциальности. Согласно п. 1 указанных Правил, право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно уважаться на всех этапах, чтобы избежать причинения ему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации [6].

Комитет по правам ребенка ООН в Замечании общего порядка № 24 о правах ребенка в системе правосудия в отношении детей обратил внимание на необходимость соблюдения государствами-участниками, к числу которых относится и Республика Беларусь, правила, согласно которому слушания в рамках отправления правосудия в отношении детей должны проводиться за закрытыми дверями, а исключения из этого должны быть строго ограничены и оговорены в законе [7].

Требование конфиденциальности нашло свое отражение в ранее изложенной ч. 2 ст. 23 УПК.

В продолжение данной нормы п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» предписано проводить судебное разбирательство по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего

возраста, только в закрытом судебном заседании. При этом этим же постановлением судья наделяется правом рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании в отношении несовершеннолетнего, т. е. лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, с обязательным обоснованием такого решения [8]. Анализ данной нормы позволяет сделать вывод о том, что рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в Республике Беларусь допускается, однако не является обязательным требованием.

Говоря о принципе конфиденциальности, следует отметить, что, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», конфиденциальность информации заключается в требовании не допускать распространения и (или) предоставления информации без согласия ее обладателя или иного основания, предусмотренного законодательными актами [9]. При этом очевидно, что в связи с таким конституционным принципом, как гласность судебного разбирательства, позволяющим присутствовать в открытом судебном заседании лицам, не являющимся участниками уголовного процесса, вопрос о степени конфиденциальности актуален при рассмотрении каждого уголовного дела.

Особое значение данный вопрос приобретает как раз при рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, что связано в первую очередь с их возрастными и нравственно-психологическими особенностями, характером совершаемых ими преступлений, возможностью отрицательного влияния со стороны взрослых и др.

Необходимость проведения закрытого судебного заседания вызвана не только возрастными и нравственно-психологическими особенностями несовершеннолетнего, но и спецификой самого судебного разбирательства, во многом отличающегося от стадии предварительного расследования. Так, для судебного разбирательства характерно сосредоточение одновременно в одном месте как минимум нескольких людей с противоположными процессуальными интересами и, как следствие, высокая вероятность психологического воздействия одного участника на другого [10, с. 15].

Полагаем, что закрытое судебное заседание по делам о преступлениях лиц, не достигших к началу судебного разбирательства восемнадцатилетнего возраста, является одним из условий, препятствующих дальнейшей криминализации их личности, а также гарантом их безопасного участия в рассмотрении и разрешении уголовного дела.

Таким образом, учитывая требования международных норм в части обеспечения конфиденциальности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, норм национального законодательства, подчеркивающих особый статус несовершеннолетних лиц, специфики уголовно-процессуальной

деятельности, а также особенности физического и психического развития несовершеннолетних, видится необходимым закрепить возможность рассмотрения в закрытом судебном заседании уголовных дел в отношении обвиняемых, не достигших к моменту начала судебного разбирательства восемнадцатилетнего возраста, изложив ч. 2 ст. 23 УПК в следующей редакции: «Разбирательство уголовного дела в закрытом судебном заседании допускается лишь в интересах обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, а также по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста к моменту начала судебного разбирательства, по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, и в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими».

1. Паверников Р. А. Принцип гласности в доктрине и законодательстве о гражданском судопроизводстве // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2023. Т. 9. № 2. С. 96–102. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики: с алфавитно-предметным указателем. Минск : Изд-во Нар. комиссариата юстиции БССР, 1927. 102 с. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики : 29 дек. 1960 г. : принят Верхов. Советом Белорус. ССР. Минск : Гос. изд-во БССР, 1961. 364 с. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : [приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи 29 нояб. 1985 г.] // Организация объединенных наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 10.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Замечание общего порядка № 24 о правах ребенка в системе правосудия в отношении детей [Электронный ресурс] : [принято Комитетом по правам ребенка 18 сент. 2019 г.] // Организация объединенных наций : [сайт]. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsqIkirKQZLK2M58RF%2F5F0vEnG3QGKUxFivhToQfjGxYjHEjSuHGymkDKTsbN%2Fjn0d8%2BrLDU0sSSEGq1W23Xork3zJrVqvalqWivITSZAi6k> (дата обращения: 10.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

---

8. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : принят Палатой представителей 9 окт. 2008 г. : одобр. Советом Респ. 22 окт. 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

10. Мулюков У. А. Проведение закрытого судебного разбирательства по делам о преступлениях несовершеннолетних как одна из гарантий эффективности осуществления правосудия // Российский судья. 2007. № 1. С. 14–16. [Вернуться к статье](#)

Н. А. Андроник

*доцент кафедры криминалистики
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ИНСЦЕНИРОВКА КАК ПРИЕМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Расследование уголовных дел в большинстве случаев осуществляется в условиях противодействия со стороны различных участников уголовного судопроизводства. Противодействие варьируется от самых простых (дача заведомо ложных показаний, утаивание преступления) до наиболее сложных (например, инсценировка преступления). Преодоление противодействия расследованию преступлений в форме инсценировки является актуальной проблемой и одной из главных задач субъектов расследования.

Инсценировка представляет собой один из сложнейших способов распознавания сокрытия преступления. Для того чтобы установить лиц, виновных в совершении преступления, от сотрудников правоохранительных органов требуется наличие теоретических и профессиональных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Лицо, совершившее общественно опасное деяние, стремится замаскировать собственные следы с целью не быть разоблаченным. При этом необходимо учитывать, что на сегодняшний день преступления совершаются все более изощренными способами, а на этапе подготовки к совершению преступления преступник предпринимает действия по сокрытию следов [1, с. 72].

Например, А. С. Одиноких и О. Я. Баев подразумевают под инсценировкой преступления «умышленное создание преступником доказательств, которые в своей совокупности образуют обстановку, характерную для определенного, желаемого преступником события» [2, с. 43].

Р. С. Белкин отмечал, что «инсценировка преступления — создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц» [3, с. 246]. В. А. Образцов определял инсценировку как «один из видов противодействия правоохранительным органам и которая представляет собой создание видимости события путем целенаправленного внесения в обстановку реального события изменений, направленных на дезориентацию следователя» [4, с. 594].

Исследование указанных ранее определений дает возможность сделать вывод о том, что немаловажным аспектом в инсценировке считается искусственное создание обстановки факта совершения преступления, под которой

понимается определенная жизненная ситуация. В свою очередь, отдельные авторы включают в ее организационную форму, кроме материальной обстановки места события, также и другие элементы, а именно поведение участвующих в преступлении лиц.

Целью инсценировки является предсказуемое и желанное последствие, которого стремится добиться субъект инсценировки по итогам собственных действий. В инсценировке немаловажное значение имеет мотивационная и целевая область деятельности лица, инсценирующего событие.

К криминальным целям следует относить:

1. Использование инсценировки как способа совершения преступления. Так, инсценировка предшествует задуманному преступлению. В первую очередь к таким преступлениям следует относить различные виды мошенничеств, в том числе в сфере страхования. Например, вследствие кражи страховое возмещение могут получить граждане по договору страхования банковского вклада, страхования автотранспорта, страхования имущества в жилом помещении и в других случаях.

2. Желание скрыть кражей иное ранее совершенное преступление или неосторожные действия. Инсценировка в таком случае выступает в привычном для себя качестве — как способ сокрытия следов преступления (проступка). Наиболее тесно, конечно, данный вид сокрытия связан с преступлениями в сфере экономики, совершаемыми должностными и иными лицами. Лицо, присвоив, растратив или иным способом похитив имущество в связи с занимаемой им должностью, вверением ему имущества, предоставлением ему определенных имущественных прав, перекладывает всю вину на вымышленного преступника, тайно похитившего это имущество.

Традиционно в криминалистике различают два вида инсценировок: 1) инсценировка преступления (криминального события); 2) инсценировка некриминального события. Данного рода классификацию поддерживает и И. Я. Моисеенко, который считает, что инсценировкой преступник или иные лица искусственно создают совокупность признаков определенного события, которое может быть преступным или некриминальным по содержанию, обстоятельствам, фактически не существовавших [5].

Важное значение в разоблачении инсценировок преступления имеет осмотр места происшествия. Действия лица по созданию материальной следовой картины на месте происшествия могут осуществляться в двух различных направлениях. В первом случае лицо может прибегнуть к уничтожению следов его пребывания на месте происшествия в момент совершения преступления или после совершения преступления. Во втором случае лицо умышленно раскидывает, оставляет на месте преступления личные вещи, какие-либо биологические следы (например, волосы, выкуренные сигареты и др.) или же вещи, которые

могут принадлежать другим лицам в силу несоответствия образа жизни «подставного» потерпевшего, его личностных характеристик, находящихся на месте преступления предметов (например, оставление предметов женского обихода в квартире, где лица женского пола не проживают). Такие действия позволяют отвести следователя от версии об инсценировке и навести на вполне правдоподобный со стороны след.

Проведение следственного осмотра на месте происшествия при поступлении информации о совершении кражи требует избрания оптимальной тактики в сочетании с тщательным и внимательным изучением как обстановки места преступления в целом, так и отдельных его обстоятельств.

При проведении осмотра места инсценировки кражи следователь должен обратить внимание на такие общие признаки обстановки, как:

- 1) демонстративный характер признаков события преступления;
- 2) наличие признаков различных преступлений;
- 3) сокрытие отдельных признаков на месте;
- 4) несоответствие признаков на месте преступления механизму подлинного преступления;
- 5) противоречие в обстоятельствах происшествия;
- 6) негативные обстоятельства.

Частными признаками могут послужить неоправданные разрушения, нарочитый беспорядок, чрезмерно выраженный характер следов, а также нарушение закономерностей образования тех или иных следов. Для выявления таких признаков следователь должен обладать достаточными знаниями о закономерностях образования тех или иных следов, уметь их правильно оценить и понять.

Все выявленные несоответствия и противоречия должны быть зафиксированы средствами фото- и видеофиксации, а также внесены в протокол следственного осмотра. Так, например, К., инсценировавший кражу у него ноутбука из комнаты его квартиры, искусственно создал обстановку ее совершения, разбросал вещи и посуду в комнатах, а ноутбук спрятал под кроватью в своей комнате. В ходе проведения полного и своевременного осмотра места происшествия ноутбук был обнаружен в указанном тайнике. На ноутбуке посторонних следов пальцев рук, кроме как самого К., обнаружено не было. После чего инсценировщик сам сознался в содеянной инсценировке [6, с. 457].

Указанный пример в очередной раз иллюстрирует, что грамотные действия следственно-оперативной группы на месте происшествия позволяют выявить факт инсценирования кражи на самом раннем этапе расследования. Для этого основная деятельность следователя на этапе расследования должна быть сосредоточена на необходимости моделирования обстановки совершенной кражи на основании показаний лиц, сопоставлении их с материальной следовой картиной и последующем выдвижении версий.

Наиболее верное доказательственное значение в данной ситуации имеют в первую очередь показания потерпевшего. Особый акцент следователю необходимо сделать именно на его допросе и поведении в ходе расследования. Лицо в таких случаях наиболее часто выдают улики поведения, то есть данные о фактах, негативно характеризующих поведение подозреваемого (в данном случае потерпевшего лица), связанное с совершением преступления, — это поступки, свидетельствующие о сознании вины, желании просто покуражиться и виновной осведомленности. К ним также относится повышенный интерес к действиям следователя и ходу расследования. В отдельных случаях наблюдается и противоположное поведение: лицо предпочитает бездействовать, воздерживаясь от каких бы то ни было поступков, которые ему кажутся опасными, что представляется весьма подозрительным и указывает на причастность его к преступлению. Хорошим подспорьем могут послужить различные хитрости, предпринимаемые следователем в отношении допрашиваемого. Так, например, Х., имея умысел на получение страхового возмещения от страховой компании, обратился в полицию с заявлением о краже автомобиля, при этом спрятал автомобиль в одном из заброшенных гаражей, снял с него номера, высверлил замок зажигания, изъясил аккумулятор. В ходе расследования Х. было предложено дать показания с применением полиграфа, на что он ответил согласием, но вскоре явился с повинной [7, с. 208].

При расследовании уголовных дел следователь (дознатель) должен обладать достаточно широким кругозором в сфере психологии преступного поведения, а также механизмов совершения различного рода преступлений и особенностей механизма слеодообразования. Особенно осложняется деятельность по расследованию преступлений, сопряженных с инсценировкой, непрерывным развитием компьютерных технологий, появлением новых способов и средств противодействия расследованию, сокрытию и созданию следов. Данные обстоятельства обязывают сотрудников правоохранительных органов постоянно совершенствовать свой профессиональный уровень. Применение тактико-психологических, логических приемов и технико-криминалистических средств способствует собиранию и правильной оценке имеющихся доказательств причастности лица к преступному событию. Современные криминалистические методы и средства расследования преступлений позволяют выявлять различные формы инсценировок преступлений.

---

1. Виноградова О. П., Андроник Н. А. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учеб. пособие / Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2024. 126 с. [Вернуться к статье](#)

2. Расследование отдельных видов преступлений / О. Я. Баев [и др.] ; под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 1986. 192 с. [Вернуться к статье](#)

3. Криминалистика : учеб. / А. Ф. Волынский [и др.] ; под ред. А. Ф. Волынского. М., 1999. 615 с. [Вернуться к статье](#)
4. Криминалистика : учеб. / под ред. В. А. Образцова. М., 1999. 715 с. [Вернуться к статье](#)
5. Моисеенко И. Я. Классификация преступных инсценировок [Электронный ресурс] // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства : Четвертый Перм. междунар. конгресс ученых-юристов, Пермь, 18–19 окт. 2013 г. : избр. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Статут, 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА. 798 с. [Вернуться к статье](#)
7. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. 260 с. [Вернуться к статье](#)

В. В. Бачила

*профессор кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОВЕДЕНИЕ ТАЙНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГРУЗИИ

Актуальность работы определяется тем обстоятельством, что в теории и практике уголовного процесса постсоветских стран остается дискуссионной проблема использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. С момента обретения независимости эти страны стали активно совершенствовать свое уголовно-процессуальное законодательство в части, касающейся использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном производстве, в результате чего наметились следующие тенденции.

Отдельные страны остались приверженцами советской модели теории доказательств, лишь незначительно подкорректировав ее в части возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Так, например, в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указывается, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Под результатами оперативно-розыскной деятельности, в свою очередь, в соответствии с п. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, понимаются «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» [1]. Следовательно, результаты оперативно-розыскной деятельности могут при определенных условиях стать содержанием уголовно-процессуальных доказательств.

В свою очередь, в Республике Беларусь предприняты шаги, направленные на признание в качестве источников доказательств материалов оперативно-розыскной деятельности. В ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь говорится о том, что источниками доказательств являются материалы оперативно-розыскной деятельности. При этом в ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь говорится о том, что «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены

и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном настоящим Кодексом» [2]. Вместе с тем законодательно не урегулирован вопрос, какие именно материалы оперативно-розыскной деятельности являются источниками доказательств. Тем самым законодатель обозначил достаточно противоречивую позицию.

Несколько иную позицию в этом вопросе заняли законодатели Грузии, Республики Казахстан, Украины. Следует отметить, что эти страны подошли к решению этой проблемы путем использования опыта законодательного регулирования аналогичных вопросов в США, ФРГ, Франции. В уголовно-процессуальном законодательстве были закреплены тайные следственные действия (гл. XVI¹ Уголовно-процессуального кодекса Грузии (далее — УПК Грузии)) или негласные следственные действия (гл. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан), негласные следственные (розыскные) действия (гл. 21 Уголовно-процессуального кодекса Украины), тем самым названные страны значительно отошли от советской теории доказательств, но не отказались от нее полностью.

Кратко проанализируем и охарактеризуем использование института тайных следственных действий в уголовно-процессуальном производстве Грузии [3; 4] и дадим оценку целесообразности его введения в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь.

Прежде всего следует отметить, что уголовно-процессуальный закон Грузии* содержит ряд новаций. Так, например:

– Узаконен принцип дискреции. Означает принятие должностным лицом или государственным органом решения по собственному усмотрению. В соответствии со ст. 16 УПК Грузии, только прокурор принимает решение о начале и прекращении уголовного преследования, пользуясь дискреционным полномочием, при этом он должен руководствоваться публичными интересами.

– Расширено право обвиняемого на сбор доказательств. Статья 39 УПК Грузии гласит: «Обвиняемый вправе за собственный счет, самостоятельно или (и) с помощью адвоката осуществлять сбор доказательств. Доказательства, собранные обвиняемым, имеют равную юридическую силу с доказательствами, собранными стороной обвинения. Если для сбора доказательств необходимо производство следственных или иных процессуальных действий, которые не могут быть самостоятельно произведены обвиняемым или его адвокатом, он вправе обратиться с ходатайством о вынесении соответствующего определения к судье по месту производства следствия. Судья обязан принять все меры

---

* В статье использован неофициальный (машинный) перевод законодательных актов Грузии.

к тому, чтобы стороне обвинения не стало известно о сборе доказательств стороной защиты».

– Введены тайные следственные действия. В соответствии со ст. 141¹ УПК Грузии, к ним относятся: скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и стационарной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция с указанной целью в компьютерную систему средств соответствующего программного обеспечения; определение геолокации в реальном времени; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты); скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка; электронное слежение при помощи технических средств, использование которых не причиняет вреда жизни, здоровью людей и окружающей среде. Допускается одновременное производство нескольких тайных следственных действий.

Уголовно-процессуальный закон Грузии установил определенный механизм проведения тайных следственных действий, включающий:

1. Принципы производства (определены в ст. 143² УПК Грузии «Принципы производства тайных следственных действий»).

В данной норме устанавливаются критерии (доказательства нельзя получить иными средствами, требуют неоправданно больших усилий, должны быть пропорциональны легитимной цели), на основе которых могут проводиться данные тайные следственные действия. Однако не ясно, действуют ли они в совокупности или по отдельности.

2. Порядок производства (закреплен в ст. 143³ УПК Грузии «Порядок производства тайных следственных действий»).

Исходя из ее содержания, производство тайных следственных действий осуществляется в следующем порядке: по определению судьи районного (городского) суда по месту следствия (за исключением отдельных случаев*) на основании мотивированного ходатайства прокурора; на рассмотрение материалов отводится срок в 24 часа; определение судьи оформляется в четырех экземплярах; в случае безотлагательной необходимости оно может начать осуществляться по мотивированному постановлению прокурора без определения судьи с уведомлением суда, и прокурор обязан в срок не позднее 24 часов с начала их производства обратиться в соответствующий районный (городской) суд;

---

* Тайное следственное действие в отношении государственно-политического должностного лица, судьи и лица, обладающего иммунитетом, может производиться по определению судьи Верховного Суда Грузии, на основании мотивированного ходатайства Генерального прокурора Грузии или его заместителя.

проводится на срок, указанный в определении судьи, и может продлеваться с учетом установленной процедуры (по ходатайству вышестоящего прокурора, ходатайству Генерального прокурора Грузии или его заместителя); определен порядок обжалования.

Таким образом, по своему содержанию порядок производства тайных следственных действий очень близок к проведению оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

3. Порядок прекращения и приостановления (определен в ст. 143⁶ УПК Грузии «Прекращение и приостановление тайного следственного действия»).

Ключевые положения рассматриваемой нормы заключаются в следующем: решение о прекращении тайного следственного действия принимает прокурор на основании обращения следователя или по собственной инициативе; определяются основания прекращения; приостановление тайного следственного действия может осуществлять начальник службы защиты персональных данных; государственный орган с соответствующими полномочиями сразу после завершения производства тайного следственного действия составляет протокол.

Во многом порядок прекращения и приостановления тайного следственного действия носит достаточно сложный характер и схож с порядком осуществления оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

4. Учет, хранение, уничтожение, уведомление о производстве и реестр тайных следственных действий (регламентирован ст. 143⁵, 143⁸, 143⁹, 143¹⁰ УПК Грузии).

Анализ данных статей позволяет выделить следующие ключевые элементы: ответственность за надлежащую сохранность полученной информации возлагается на орган, осуществляющий тайные следственные действия, и соответствующий следственный орган; определен порядок уничтожения информации, если она не представляет ценности для следствия; материалы, приобретенные в качестве вещественных доказательств, находятся в суде в течение срока хранения указанного уголовного дела; до завершения тайного следственного действия право на ознакомление с полученной информацией имеют только следователь, прокурор и судья, в отдельных случаях сторона защиты в соответствии с ч. 6 ст. 83 УПК Грузии.

К положительной стороне рассматриваемых норм следует отнести детальный порядок регламентации хранения, уничтожения, уведомления о производстве тайных следственных действий и их реестр в Верховном Суде Грузии, что обеспечивает серьезную защиту прав и свобод граждан.

5. Ограничения, связанные с их проведением (определены в ст. 143⁷ УПК Грузии «Сокращение до минимума производства тайного следственного действия»).

Орган, проводящий тайные следственные действия, а также следственный орган обязаны в пределах своих полномочий максимально сократить мониторинг коммуникаций и лиц, не связанных со следствием.

Подводя итог, следует отметить, что уголовно-процессуальный закон Грузии делает легитимным механизм вторжения в личную жизнь граждан в процессе уголовно-процессуального производства по средствам проведения тайных следственных действий. Однако остается дискуссионным аспект, насколько такой подход оправдан с точки зрения теории доказательств и соблюдения прав граждан.

При этом следует отметить то обстоятельство, что доказательственное положение информации, полученной в ходе производства тайных следственных действий, не имеет никаких преимуществ перед полученной при проведении иных следственных действий. При этом, в отличие от УПК Республики Беларусь, уголовно-процессуальное законодательство Грузии не оперирует понятием «источники доказательств» (хотя и использует в отдельных формулировках).

В соответствии с п. 23 ст. 3 УПК Грузии, под доказательствами понимается «информация, представленная в суд в установленном законом порядке, содержащая эту информацию предметы, документы, вещества или иные объекты, на основе которых стороны в суде подтверждают или отрицают факты, дают им правовую оценку, выполняют обязанности, защищают свои права и законные интересы, а суд устанавливает наличие или отсутствие факта или деяния, ввиду которого осуществляется уголовный процесс, совершение или несвершение этого деяния определенным лицом, его виновность либо невиновность, а также обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности обвиняемого, характеризующие его личность. Документ — доказательство, если он содержит сведения, необходимые для установления фактических и правовых обстоятельств уголовного дела. Документом считается любой источник, в котором информация запечатлена в словесно-знаковой форме или (и) в виде фото-, кино-, видео-, звуко- или иной записи, либо с применением других технических средств».

В свою очередь, в соответствии со ст. 7 Закона Грузии «Об оперативно-розыскной деятельности», к оперативно-розыскным мероприятиям относятся: опрос лица; наведение справок; визуальный контроль; контрольная закупка; контролируемая поставка; исследование предметов и документов; идентификация (отождествление) лица; цензура корреспонденции задержанного и содержащегося под стражей и осужденного; получение идентификационных данных электронной коммуникации; внедрение в установленном порядке секретного сотрудника и оперативного сотрудника в преступную группу; создание

в установленном порядке конспиративной организации; мониторинг отношений по Интернету*.

Вместе с тем анализ содержательной части процессуальных норм показывает, что тайные следственные действия не что иное, как оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, обличенные в процессуальную форму. Именно такой порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, во многом определяется Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральным законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, например, скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция с указанной целью в компьютерную систему средств соответствующего программного обеспечения соответствуют в Республике Беларусь оперативно-розыскному мероприятию «контроль в сетях электросвязи»; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты) — оперативно-розыскному мероприятию «контроль почтовых сообщений»; скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка — оперативно-розыскному мероприятию «слуховой контроль».

Такой подход вызывает ряд вопросов. В частности, каким образом осуществляется борьба с организованной преступностью, коррупционными преступлениями, терроризмом, преступлениями в сфере высоких технологий? Преступления такого рода, как правило, глубоко законспирированы, и для их выявления необходим специальный оперативно-розыскной инструментарий (скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров; снятие и фиксация информации с технических каналов связи; скрытая видеозапись или аудиозапись) в виде оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. В Законе Грузии «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержится возможность проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, а тайные следственные действия возможно осуществлять только после регистрации преступления. На наш взгляд, такой подход в определенной мере снижает эффективность оперативно-розыскной деятельности. Более того, возможно, создает предпосылки для обоснованного возбуждения процедуры следствия. Косвенное подтверждение тому — решение Конституционного Суда Грузии от 25 декабря 2020 г. № 2/2/1276 о признании неконституционным и утратившим силу применительно к п. 7 ст. 31 Конституции Грузии нормативное

---

* Использован машинный перевод названий оперативно-розыскных мероприятий.

содержание 2-го предложения в ч. 2 ст. 13 УПК Грузии, предусматривающее при вынесении обвинительного приговора использование в качестве доказательства показаний сотрудника правоохранительного органа, основанных на информации, полученной из оперативного источника («конфидента», «информатора») или предоставленной анонимным лицом. Хотя ст. 17 УПК Грузии «Предъявление обвинения на основании обоснованного предположения» допускает возможность предъявления обвинения лицу при наличии обоснованного предположения, что оно совершило преступление. Данное обвинение лица является исключительной прерогативой прокурора.

Таким образом, с учетом вышеизложенного представляется нецелесообразным введение института тайных следственных действий в уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь, так как это может привести к появлению ряда правовых и прикладных проблем в уголовно-процессуальном производстве и оперативно-розыскной деятельности.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 9 окт. 2009 г., № 1772 // Законодат. Вестн. Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034> (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Грузии, 30 мая 1999 г., № 1933 // Законодат. Вестн. Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/18472> (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

Д. В. Бутько

*адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, В КОТОРОМ СОЕДИНЕНЫ НЕСКОЛЬКО ДЕЛ

Согласно ч. 1 и 1¹ ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) [1], в одном производстве могут быть соединены: 1) уголовные дела по подозрению или обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений (например, совершении одним лицом двух грабежей); 2) дела по подозрению или обвинению нескольких лиц в совершении, в соучастии одного или нескольких преступлений (например, совместное совершение двумя лицами нескольких краж); 3) дела по подозрению или обвинению нескольких лиц в совершении взаимосвязанных по предмету преступлений (например, сбыт наркотических средств и их приобретение несколькими лицами); 4) дела по подозрению или обвинению в заранее не обещанном укрывательстве этих преступлений или в недонесении о них; 5) дела, возбужденные по факту исчезновения лица, и дела об общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом, связанном с исчезновением данного лица. Кроме того, соединение уголовных дел допускается в случаях, когда лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых (подозреваемых), не установлены, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц [1].

Соединение уголовных дел в ходе предварительного следствия обеспечивает полноту, объективность и всесторонность предварительного расследования. Обоснованное соединение уголовных дел помогает установлению истины по делу, обеспечивает более полное изучение личности обвиняемого, степени общественной опасности деяния, форм и степени вины. Кроме того, соединение уголовных дел обусловлено процессуальной экономией при расследовании уголовных дел, а также соблюдением разумных сроков предварительного следствия.

В теории и практике уголовно-процессуального права сложилось две позиции относительно определения порядка исчисления срока предварительного следствия по соединенному уголовному делу. Согласно первой, срок производства по объединенному делу надлежит исчислять со дня возбуждения уголовного дела, которое возбуждено ранее остальных [2; 3]. При этом в общий срок предварительного следствия должно включаться все календарное время, фактически затраченное на его производство, а совпадающие отрезки времени

должны учитываться один раз. Сторонники второго подхода [4; 5] предлагают срок производства при соединении уголовных дел определять по уголовному делу, имеющему наиболее длительный срок предварительного расследования. При этом наиболее длительный срок поглощает сроки производства по остальным уголовным делам, которые дополнительно не учитываются.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь порядок исчисления срока предварительного расследования по соединенному уголовному делу ранее зависел от факта установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых (подозреваемых) по этим уголовным делам. Если такие лица были не установлены, то общим сроком предварительного расследования являлся наибольший срок производства по одному из соединенных дел (ч. 4 ст. 164 УПК до редакции Закона Республики Беларусь от 26.05.2021 г.) [1]. Во всех остальных случаях срок исчислялся со дня возбуждения дела, которое было возбуждено по времени первым. При этом в общий срок предварительного расследования по такому делу включалось все календарное время, фактически затраченное на его производство (ч. 3 ст. 164 УПК до редакции Закона Республики Беларусь от 26.05.2021 г.) [1].

Белорусскими правоведами неоднократно указывалось на неоднозначность нормы, содержащейся в прежней редакции ч. 3 ст. 164 УПК, которая давала возможность исчислять общий срок предварительного расследования по соединенному уголовному делу или как суммарный срок производств по каждому делу в отдельности, или как срок производства по уголовному делу, которое было возбуждено первым [4, с. 100; 5, с. 55]. Предлагалось установить единое правило исчисления общего срока предварительного расследования по соединенному делу и считать им наибольший срок производства по одному из соединенных дел [5, с. 56].

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [6], с учетом практики применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, законодательного опыта зарубежных стран (например, ч. 4 ст. 153 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а также проведенных научных исследований, в УПК был внесен ряд изменений и дополнений. В частности, ч. 3 ст. 164 УПК была изложена в следующей редакции: «Общим сроком производства по уголовному делу, в котором соединены несколько уголовных дел, является наиболее длительный срок предварительного расследования, затраченный по одному из соединенных уголовных дел. При этом срок производства по остальным уголовным делам поглощается наиболее длительным сроком и дополнительно не учитывается» [1], а ч. 4 исключена.

Для понимания практики определения порядка исчисления срока предварительного следствия по соединенному уголовному делу рассмотрим смоделированные ситуации.

1. 21 апреля 2023 г. в Советском районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь было возбуждено уголовное дело, по которому лицо, причастное к совершению преступления, не было установлено. Спустя два месяца, установленных УПК (ч. 1 ст. 190), на основании того, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не было установлено (п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК), 21 июня 2023 г. предварительное следствие было приостановлено. 10 июля 2023 г. Ленинском районным отделом Следственного комитета Республики Беларусь было возбуждено УД 2 в отношении Петрова, срок предварительного следствия — 2 месяца, до 10 сентября 2023 г. Было установлено, что Петров может быть причастен к совершению преступления, по которому возбуждено УД 1 в Ленинском районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь. Таким образом, несколько преступлений совершены одним лицом (ч. 1¹ ст. 164 УПК), два уголовных дела были соединены 10 августа 2023 г. УД 1 возобновлено 10 августа 2023 г., установлен срок 1 месяц (ч. 5 ст. 190 УПК) — до 10 сентября 2023 г. Используемый срок определяется по дате соединения уголовных дел, т. е. на 10 августа 2023 г.: по УД 1 — 2 месяца, по УД 2 — 1 месяц. Соответственно, наиболее длительным сроком предварительного расследования является срок, затраченный по уголовному делу УД 1, который совпадает со сроком по УД 2. Следовательно, срок по соединенному делу истекает 10 сентября 2023 г.

Рассмотрим другую ситуацию.

2. 25 мая 2023 г. в Центральном районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь было возбуждено уголовное дело, по которому лицо, причастное к совершению преступления, не было установлено. Спустя два месяца, установленных УПК (ч. 1 ст. 190 УПК), на основании того, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не было установлено (п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК) 25 июля 2023 г. предварительное следствие было приостановлено. 15 августа 2023 г. в Советском районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь было возбуждено УД 2 в отношении Иванова. Срок предварительного следствия продлен до трех месяцев до 15 ноября 2023 г. Однако установлено, что Иванов может быть причастен к совершению преступления, по которому возбуждено УД 1 в Центральном районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь. Таким образом, на основании достаточного основания, что несколько преступлений совершены одним лицом (ч. 1¹ ст. 164), два уголовных дела были соединены 25 октября 2023 г. УД 1 возобновлено 25 октября 2023 г., установлен срок 1 месяц (ч. 5 ст. 190 УПК) до 25 ноября 2023 г. Используемый срок определяется по дате соединения уголовных дел, т. е. на 25 октября 2023 г.:

по УД 1 — 2 месяца, по УД 2 — 2 месяца 10 дней. Наиболее длительным сроком предварительного расследования является срок, затраченный по уголовному делу УД 2. Следовательно, несмотря на то, что по УД 1 имеется неиспользованный срок до 25 ноября 2023 г., он теряется, а срок по соединенному делу истекает по сроку УД 2 15 ноября 2023 г.

Таким образом, на приведенных примерах нетрудно увидеть, что действующий порядок исчисления срока при соединении уголовных дел не всегда может быть благоприятным для работы следователя. На основании этого следователю необходимо обращать внимание на определение даты соединения дел, учитывая возможные неблагоприятные моменты для исчисления срока после приостановления и возобновления предварительного следствия. При этом на основании ч. 1 и ч. 1¹ ст. 164 УПК решение о соединении уголовных дел рассматривается как право органа уголовного преследования, а не как его обязанность, на что и указывается многими авторами [4, с. 98; 7].

Однако при решении этого вопроса следователь должен не только учитывать порядок исчисления срока, но и давать полную оценку возможных последствий принимаемого решения. Например, без соединения в одном производстве нескольких уголовных дел невозможно установить наличие квалифицирующего признака повторности, следовательно, не будет дана правильная правовая оценка содеянного преступления. Поэтому, если основание для соединения уголовных дел очевидно, и раздельное предварительное следствие этих дел только помешает их результативному расследованию и завершению, следователь должен принять решение о соединении дел, даже в случае неблагоприятного для него исчисления срока по соединенному делу.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Дробинин Д. В. Соединение и выделение уголовных дел как гарантия их всестороннего, полного и объективного исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Самара, 1999. 16 с. [Вернуться к статье](#)

3. Тумашов С. А. Проблемы соединения и выделения уголовных дел на предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Волгоград, 1998. 24 с. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 т. / И. В. Данько [и др.] ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2017. Т. 1 : Досудебное производство. 265 с. [Вернуться к статье](#)

5. Матвейчев Ю. А. Соединение уголовных дел в ходе предварительного расследования // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2022. № 1 (5). С. 53–57. [Вернуться к статье](#)

6. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-З : принят Палатой представителей 7 мая 2021 г. : одобр. Советом Респ. 7 мая 2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Солтанович А. В. Осуществление прокурорского надзора за законностью соединения и выделения уголовных дел [Электронный ресурс] : метод. рекомендации. Минск, 2015. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

О. Ф. Воспякова

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

Р. А. Шалюта

*курсант 2 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ПСИХИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Действующее уголовное законодательство в содержание понятия преступления включает признаки, отражающие как его внешнее проявление, так и внутреннее содержание. Преступным признается общественно опасное, противоправное, осознанное и волевое поведение лица. Отсутствие хотя бы одной из этих характеристик исключает возможность расценивать деяние лица как преступление.

Наличие воли означает, что человек может управлять своим поведением и не подчиняется воздействию внешних причин, обстоятельств. В теории уголовного права к числу таких обстоятельств относится психическое принуждение, под влиянием которого человек не может полностью либо частично действовать в соответствии со своими желаниями. В чем же его уголовно-правовое значение? В уголовном законодательстве Республики Беларусь принуждение, в том числе и психическое, не предусмотрено в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), оно рассматривается в качестве обстоятельства, лишь смягчающего ответственность. Отсутствие законодательной регламентации деяний, совершенных под принуждением, подчас создает сложности при их правовой оценке в конкретных ситуациях.

Правоприменительная практика Республики Беларусь идет по пути оценки психического принуждения при соответствующих условиях по правилам крайней необходимости. При отсутствии признаков указанного обстоятельства лицо несет ответственность на общих основаниях с учетом вышеуказанного положения ст. 63 УК [1]. Для этого в каждом конкретном случае необходимо решать вопрос о степени подавления волеизъявления лица.

В этой связи представляет интерес такой способ воздействия на психику человека, являющийся по существу разновидностью психического принуждения, как гипноз, издревле известный человечеству. Отношение к гипнотическим техникам, позволяющим манипулировать человеческим сознанием, всегда было и продолжает оставаться неоднозначным. Так, Свод законов Российской

империи 1835 г. и Уложение о наказаниях 1845 г. содержали отдельные положения, предусматривающие защиту от неправомерного использования гипноза. В частности, изнасилование лица, приведенного в состояние «неестественного сна», расценивалось в качестве одного из квалифицирующих признаков (ст. 1526 Уложения о наказаниях); принуждение от непреодолимой силы (в том числе гипноза) учитывалось в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 92 Уложения о наказаниях) [2].

В современных условиях гипноз практикуется как психотерапевтическое средство. Возникает вопрос: может ли он рассматриваться в качестве средства для совершения различного рода преступлений, т. е. носить криминальный характер? Как расценивается гипнотическое воздействие на человека с правовой точки зрения сегодня? Гипноз — это состояние, подобное сну, которое сопровождается торможением коры головного мозга, в результате чего лицо может подвергаться внушению со стороны другого лица. Под воздействием гипноза человек может оказаться в беспомощном состоянии, вследствие чего появляется возможность воздействовать на его волю, в том числе и в незаконных целях. Л. В. Седых определяет противоправный гипноз как воздействие информационного характера на психику человека различными способами, вызывающими у него эмоции страха или гипнотическое состояние, что подавляет его волю и ограничивает способность к свободному самовыражению [3, с. 92]. Определенные знания гипнологии помогают гипнотизеру манипулировать лицом для совершения последним общественно опасного деяния, используя при этом его беспомощное состояние. Владея гипнотическими техниками, криминальные гипнотизеры могут побуждать людей к совершению тяжких и особо тяжких преступлений (например, убийств, причинения вреда здоровью, актов терроризма). Находясь под влиянием гипноза, человек утрачивает контроль над своими действиями, чувствами и выполняет все требования гипнотизера. Гипнотическое внушение — это способность управления волей человека путем убеждения.

Кто в этом случае должен нести ответственность — лицо, совершившее преступное деяние, или гипнотизер? Эта проблема возникла не сегодня, она интересовала многих ученых и ранее. Так, известный русский правовед Н. С. Таганцев считал, что загипнотизированное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности, так как оно не осознавало фактический характер своего общественно опасного деяния и поэтому считается невменяемым [4]. Данный подход не согласуется с законодательным определением невменяемости в современном уголовном праве, поскольку невменяемость характеризуется психическим расстройством (заболеванием), а гипноз — это психическое воздействие гипнотизера на другого человека, психическое принуждение, при котором человек ограничен в управлении своими действиями, хотя психически он здоров.

Ошибки правоприменителей при квалификации преступлений, совершенных с применением гипноза, чаще всего связаны либо с незнанием природы рассматриваемого криминального способа, либо полного отрицания самого факта его существования. Противоправные деяния загипнотизированного лица, находившегося фактически под влиянием психического принуждения, учиненные им по воле гипнотизера, расцениваются как совершенные по собственному умыслу такого лица, за которые оно должно нести уголовную ответственность. Гипнотизер в большинстве случаев в подобных ситуациях остается за рамками правосудия. Несмотря на обозначенные обстоятельства, со стороны законодательных органов нет никакой нормативной реакции.

Под воздействием гипноза может оказаться и потерпевший. В качестве примера обратимся к так называемому цыганскому гипнозу, приемами которого нередко владеют представители этой национальности. Они подходят к человеку и путем определенной постановки слов, интонации, дикции, действий вводят его в состояние транса, при котором тот не осознает фактический характер собственного поведения и не может им руководить. Используя такое состояние, гипнотизеры получают от человека деньги, иные ценности, которые тот сам отдает. Затем потерпевшего выводят из транса, и он не помнит, кому и как отдавал свое имущество.

Криминологические исследования свидетельствуют о том, что жертвами криминального гипноза чаще всего становятся люди, которые не уверены в себе, подвержены каким-либо страхам, что определяется по их внешнему виду и поведению. Нередко они имеют высшее образование. По существу, такие люди невольно провоцируют совершение преступления в отношении себя. Пострадавшие под влиянием гипноза не оказывают сопротивления в момент совершения в отношении их преступления, ведут себя пассивно. Подобные преступления очень сложно раскрывать, так как потерпевшие не помнят происшедших событий.

Исходя из вышеизложенного, по мнению исследователей, заслуживают внимания предложения о признании преступлений с применением гипноза как совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу оказанного гипнотического воздействия не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо было не способно оказать противодействие виновному лицу. Также следует отметить, что у лиц, которые подвергались сильному гипнотическому воздействию или другим видам психического насилия, например, в религиозных сектах, могут возникнуть те или иные психические расстройства, что может расцениваться как умышленное причинение вреда здоровью.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Седых Л. В. Преступления, совершаемые с применением гипноза: особенности квалификации и предупреждения [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Саратов. гос. юрид. акад. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/26-01-2012-1.pdf> (дата обращения: 23.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Седых Л. В. Гипноз как способ психического принуждения // Тр. юрид. фак. Ставропол. гос. ун-та / Ставропол. гос. ун-т. Ставрополь, 2008. Вып. 19. С. 92–94. [Вернуться к статье](#)

4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М. : Наука, 1994. Т. 1. 380 с. [Вернуться к статье](#)

Р. С. Вульвач

*преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ОБЪЕМ ПРАВ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ГЕНОЦИДЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Начатое в апреле 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь расследование уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период поставило перед учеными и специалистами в области уголовно-процессуального права целый ряд вопросов, касающихся как процессуальной стороны при принятии решения о начале уголовного преследования за совершенные злодеяния, так и гарантий по обеспечению защиты прав и свобод каждого гражданина в рамках производства по данному уголовному делу.

Так, автором ранее в своих работах было отмечено, что действующее белорусское уголовно-процессуальное законодательство являет собой достаточную нормативно-правовую основу для привлечения к уголовной ответственности всех ныне живущих лиц, повинных в геноциде не только этнических белорусов, но и всех народов, проживавших на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. В то же время, если обратиться к анализу положений п. 7 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), то представляется возможным констатировать тот факт, что весьма затруднительным является решение вопроса об уголовном преследовании тех лиц, которые на момент расследования и установления их вины уже являются умершими, поскольку, согласно положениям указанной нормы, уголовное дело не подлежит возбуждению, а по уже возбужденному делу производство должно быть прекращено в отношении умершего лица. Исключение составляет только производство, необходимое для возможной реабилитации умершего [1].

Особый порядок производства по материалам и уголовным делам, связанный с реабилитацией умерших лиц, подлежащих привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, регламентирован положениями главы 49² УПК, согласно которым несогласие с отказом в возбуждении уголовного дела или с прекращением производства по уже возбужденному уголовному делу в связи со смертью лица, совершившего преступление и подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, может быть подано его близкими родственниками, членами семьи умершего либо их законными представителями.

При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство в случае отсутствия у умершего тех лиц, которые могли бы быть признаны его представителем, либо если такие лица и установлены, но они не подали заявления о несогласии с отказом в возбуждении уголовного дела или прекращением производства по уголовному делу, а также в случае отказа уже определенного представителя от дальнейшего участия в уголовном производстве либо неявки без уважительных причин такого лица по вызову органа, ведущего уголовный процесс, обязывает принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении производства по уголовному делу на основании п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК в отношении умершего, что регламентировано ч. 1 ст. 468¹⁶ УПК. Данная норма является императивной и устанавливает неукоснительное требование к органу, осуществляющему уголовное преследование, о принятии именно такого решения в обязательном порядке при установлении вышеперечисленных обстоятельств [1].

Складывающаяся ситуация позволяет вести речь о том, что указанные положения уголовно-процессуального закона не дают возможности решения в полной мере задач, поставленных в рамках уголовного процесса, в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа, так как речь ведется о невозможности привлечения к уголовной ответственности каждого из тех, кто совершил преступление. Поскольку лицо, согласно действующему Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее — УК), считается привлеченным к уголовной ответственности только при наличии осуждения виновного лица по приговору суда от имени Республики Беларусь [2].

По мнению автора, указанное правовое препятствие для осуществления правосудия может быть устранено путем внесения дополнений в ст. 468¹⁴ УПК. Видится целесообразным дополнение указанной статьи частью четвертой, в которой предлагается закрепить положения о праве прокурора в рамках предоставленных полномочий в случае неустановления близких родственников умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого либо их законных представителей, а также при наличии обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 468¹⁶ УПК, принимать решение самостоятельно о возбуждении уголовного дела в отношении умерших лиц, совершивших преступления, указанные в ст. 85 УК [1].

Ведя речь о расширении полномочий прокурора в рамках расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, следует также рассматривать вопрос и об обеспечении законных прав и интересов всех участников уголовного процесса, в том числе и тех лиц, в отношении которых предполагается осуществление уголовного преследования, поскольку в противном случае будет нарушен один

из основополагающих принципов уголовного процесса — принцип состязательности. Установление уголовно-процессуального паритета между сторонами в данной ситуации, по мнению автора, может быть достигнуто путем расширения круга лиц, которые могут быть признаны представителем умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, перечисленных в ст. 57¹ УПК. Автор признает целесообразным дополнить указанную статью частью 3¹, в которой необходимо предусмотреть возможность признания в качестве представителя умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого адвоката территориальной коллегии адвокатов по месту ведения уголовного процесса в случае, когда решение о производстве в отношении данных лиц будет приниматься прокурором самостоятельно [3].

Вместе с тем представляется дискуссионным вопрос об объеме прав, предоставляемых представителю, в частности, права отказаться от участия в производстве по материалам и уголовным делам, как то указано в п. 10 ч. 1 ст. 57² УК. Реализация данного права представителем умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, порождает обязанность органа, ведущего уголовный процесс, принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производства по делу в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК, как то предписано положениями ст. 468¹⁶ УПК. А следовательно, утрачивается правовой смысл полномочия прокурора по самостоятельному возбуждению уголовного дела в отношении умерших лиц, совершивших преступления, указанные в ст. 85 УК.

Таким образом, следуя изложенной позиции и поддерживая целесообразность совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, регламентирующего производство по уголовным делам в случае смерти подозреваемого, обвиняемого либо лица, подлежащего привлечению в качестве таковых, автор полагает необходимым внести дополнение в п. 10 ч. 1 ст. 57² УПК, изложив его в следующей редакции: «письменно отказаться от участия в производстве по материалам и уголовным делам, за исключением случаев возбуждения уголовного дела прокурором».

---

1. Вульвач Р. С. Геноцид белорусского народа: уголовно-процессуальный аспект [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом

Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Вульвач Р. С. Проблемы расследования геноцида белорусского народа и отдельные аспекты совершенствования уголовно-процессуального законодательства [Электронный ресурс] // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В. Е. Квашиса, Краснодар, 29 сент. 2023 г. / Краснодар. ун-т МВД России ; редкол.: А. Л. Осипенко [и др.]. Краснодар, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). [Вернуться к статье](#)

В. М. Гриб

*слушатель 2 курса магистратуры
факультета юриспруденции
Академии МВД Республики Беларусь*

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ**

Среди проблем, стоящих сегодня перед обществом, на одно из первых мест выходит проблема наркопотребления и наркооборота. Незаконный оборот наркотиков в Республике Беларусь с каждым годом набирает все большие масштабы, видоизменяясь, приобретая новые формы, подстраиваясь под современные реалии. Необходимо отметить, что все чаще для распространения наркотиков используется сеть Интернет, большую популярность приобретают специально создаваемые сайты, популярные среди молодежи, а также социальные сети и мессенджеры. Наблюдается печальная тенденция: подростки из потребителей наркотиков становятся закладчиками и организаторами дилерской сети.

Во всем мире количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, остается на достаточно высоком уровне, и Республика Беларусь не стала исключением. Так, за 2022 год в сфере незаконного оборота наркотиков вынесены приговоры в отношении 2 467 лиц, из которых 981 лицо было связано со сбытом. Для сравнения в 2023 году количество приговоров в отношении лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, составило 2 230, из которых 819 было связано со сбытом [1].

Из множества обстоятельств, способствующих наркомании, на современном этапе следует выделить относительную доступность в приобретении наркотиков, а также способ совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков посредством глобальной сети Интернет, что обуславливает их высокую латентность. Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием компьютерных технологий (сети Интернет), определяется наряду с другими признаками увеличением криминогенности информационного пространства Глобальной сети, число пользователей которой в мире составляет 2,7 млрд, что оказывает влияние на различные сферы жизни общества и вызывает неадекватное социальное и криминальное поведение отдельных групп людей. Кроме указанных выше социальных проблем, необходимо указать на отсутствие единства научных подходов

применительно к организации расследования данного вида преступности, квалификации действий лиц, их совершивших, а также расхождение взглядов в рекомендациях для практических работников. Актуальность проблемы подтверждается и многочисленными изменениями и дополнениями ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), что требует серьезного осмысления и анализа, обуславливает научную и практическую значимость настоящего исследования.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 328 УК, сложный с альтернативными деяниями. Содержание ст. 328 УК предусматривает ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов — оборот, осуществляемый в нарушение требований Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь [2].

Объективная сторона ч. 1 ст. 328 УК включает в себя совершение таких альтернативных действий, как незаконные без цели сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов [3].

Повышенную уголовную ответственность влекут, к примеру, действия, связанные со сбытом наркотических и психотропных веществ, совершенные группой лиц, в крупном размере (часть 3) либо организованной группой (часть 4). Под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов понимается как возмездная, так и безвозмездная передача одним лицом другому, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи взаймы и иным способом. Установление цели сбыта при незаконных действиях с наркотиками представляет собой на практике значительные трудности. Иногда правоохранительные органы полагают, что цель сбыта можно выявить исходя лишь из факта обнаружения у лица наркотических средств в большом количестве. Пленум Верховного Суда постановил, что о наличии умысла на сбыт могут указывать такие обстоятельства, как предварительная договоренность о поставке наркотических средств, дача обязательства оплатить оказанную услугу наркотиками, приобретение наркотических веществ лицом, их не употребляющим [4]. Большое количество наркотиков, изъятых у виновных, само по себе о цели сбыта с бесспорностью не свидетельствует, а должно приниматься во внимание лишь в совокупности с другими данными, свидетельствующими о цели сбыта. Подлежат оценке, в частности, данные об источниках существования лиц, привлекаемых к ответственности, стоимости приобретенных наркотиков, их употреблении либо неупотреблении указанными лицами [5, с. 147].

На сегодня преобладающим способом распространения наркотиков является сбыт посредством интернет-магазинов, занимающихся реализацией наркотических средств и психотропных веществ бесконтактным способом. Примером могут служить интернет-магазины, известные в глобальной компьютерной сети Интернет как SCORPION SHOP, «Тещин клад». В подобных интернет-магазинах действует преступный механизм по планированию, организации и совершению преступлений, основанный на предварительной объединенности (соорганизованности), управляемости, устойчивости, согласованности и сплоченности всех входящих в состав организованной группы участников. Описываемые интернет-магазины используют в программе Telegram учетные записи с различными именами пользователей, где предоставляют информацию о структуре интернет-магазина (организованной группы), преступном характере предлагаемой деятельности, завуалированной под легальную, порядке и размере оплаты данной деятельности, порядке, условиях вступления и нахождения в организованной группе. В состав организованной группы, помимо организаторов (руководителей), входят: лица, осуществляющие кадровые подбор и обеспечение; лица, осуществляющие финансово-экономическое обеспечение преступной деятельности организованной группы (главный бухгалтер, бухгалтер, трейдеры); райтеры (лица, выполнявшие граффити с рекламой интернет-магазина и его ассортимента), администраторы чатов интернет-магазинов, операторы, операторы продаж, кураторы, основные кураторы, «перевозчики», «проверяющие» (лица, проводящие проверку преступной деятельности курьеров), «мукомолы», «коллекторы» (лица, в обязанности которых входило физическое наказание (избиение, истязание и др.) участников организованной группы за нарушение ими условий работы либо обман организаторов (руководителей) указанной организованной группы), лаборанты, оптовые и розничные курьеры, а также лица с иными обязанностями.

Анализ следственной практики, произведенный при расследовании уголовных дел данной категории, позволяет констатировать, что наибольшую сложность при квалификации действий и доказывании вины участников организованной группы вызывают так называемые спортики. Термин «спортики» получил наибольшую популярность и последние несколько лет тесно связан с магазинами, торгующими запрещенными веществами. Обычно термином «спортики» обозначают молодых людей атлетического телосложения, сотрудников наркомаркетов, выступающих в качестве карателей провинившихся с точки зрения наркоторговцев курьеров (закладчиков), своего рода «коллекторы» наркобизнеса.

В обязанности коллекторов входит выполнение следующих, возложенных на них организаторами (руководителями) организованной группы функций: получить сведения от организаторов (руководителей) и иных участников

организованной группы о лицах, в отношении которых необходимо применить наказание, с описанием действий, которые необходимо выполнить в отношении данных лиц; с целью получения в качестве заработной платы денежного вознаграждения, по указанию организаторов (руководителей), кураторов организованной группы, с соблюдением их требований о способе воздействия на лиц, нарушивших условия работы, обманувших их, а также осуществивших порчу, уничтожить имущества организованной группы, привести в исполнение назначенное этим участникам организованной группы наказание (осуществление физического или психологического воздействия, причинение телесных повреждений, побоев, избиение, истязание, либо иное наказание), предоставить отчет в виде видеозаписи с места преступления, свидетельствующий об исполнении наказания, с целью последующего распространения видеозаписей среди иных участников организованной группы для их устрашения; при отсутствии полных анкетных данных лиц, нарушивших условия работы либо обманувших организаторов (руководителей) и иных участников организованной группы, осуществить мероприятия, направленные на их установление; подыскание подходящих мест, с целью дальнейшего направления к ним совместно с организаторами (руководителями) и иными участниками организованной группы лиц, нарушивших условия работы либо обманувших организаторов (руководителей) организованной группы; подыскание лиц в качестве помощников (для выполнения вышеуказанных действий), с последующим предоставлением о них сведений организаторам (руководителям) и иным участникам организованной группы для производства оплаты подысканным лицам, курьерам за оказанную помощь; выполнение иных функций. Организаторы наркобизнеса обещают «спортикам» финансовую независимость и легкий доход, однако, как показывает практика, данные лица привлекаются к уголовной ответственности по нескольким статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь и получают большие сроки наказания.

Личный опыт автора позволяет проиллюстрировать сказанное примером. Так, Фрунзенским (г. Минска) районным отделом Следственного комитета Республики Беларусь окончено производство уголовного дела в отношении граждан Х., К., Д., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 328 УК (незаконные с целью сбыта приобретение, хранение, перевозка и незаконный сбыт наркотических средств и особо опасных психотропных веществ в крупном размере, совершенные организованной преступной группой), а также ч. 3 ст. 182 УК (похищение человека), ч. 1 ст. 154 УК (истязания), ст. 186 УК (угроза убийством), ч. 2 ст. 149 УК (причинение менее тяжких телесных повреждений), ч. 3 ст. 207 УК (разбой).

В Республике Беларусь в настоящее время имеется три вступивших в законную силу приговора суда в отношении так называемых спортсменов, наказание по каждому назначено на срок свыше 10 лет лишения свободы.

Как показывает практика, при расследовании преступлений данной категории и квалификации действий «спортсменов» особую сложность представляет установление связи последних с конкретным интернет-магазином по продаже наркотиков, а также установление вида и массы наркотических веществ, которые сбыли «спортсмены» в составе организованной группы. В привычном понимании так называемые коллекторы напрямую не участвуют в сбыте наркотиков, к примеру, не делают закладки, не отправляют координаты с закладками наркотиков потребителям. При расследовании уголовных дел данной категории и квалификации действий «спортсменов» по ч. 4 ст. 328 УК первоначально устанавливается, по заданию какого интернет-магазина работали «коллекторы», как правило, у них имеется переписка с заданиями магазина, координаты, где они должны встретиться с так называемым недобросовестным работником наркомагазина, которого следует «наказать», фотография паспорта последнего (при трудоустройстве в интернет-магазин по продаже наркотиков условием является предоставление фотографии с паспортом). Также «спортсмены» изготавливают и публикуют видеоролики с фиксацией выполненного задания, зачастую это жестокие избиения, сопровождающиеся мучениями и истязаниями потерпевших. Пострадавшими от действий «спортсменов» являются лица, которые также вовлечены в незаконный оборот наркотиков, как правило, «недобросовестные закладчики». «Спортсменам» в вину вменяются действия по приобретению, хранению, перевозке с целью сбыта, а также сбыт наркотических средств и психотропных веществ в тех массах, которые сбыл интернет-магазин по продаже наркотиков в интересующий период (дату). Установление данных фактов сбыта возможно посредством имеющихся сведений в Едином государственном банке данных о правонарушениях, а также посредством информационной базы Следственного комитета «След». Кроме того, действия «спортсменов» квалифицируются по иным статьям Особенной части УК по степени тяжести причиненных телесных повреждений, истязаний, завладения имуществом потерпевших. Как мы видим, напрямую не выполняя действий по приобретению, хранению, перевозке, сбыту наркотиков, действуя в составе организованной группы, «спортсмены» несут такую же ответственность, как и иные ее участники (организаторы, закладчики и иные).

Таким образом, эффективность применения норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, обуславливается, прежде всего, потребностью унификации практики применения данных норм. Необходимо осознавать, что проблема повышения эффективности выявления,

раскрытия и расследования сбытов наркотических средств, совершенных организованной группой, требует совместных усилий со стороны правоохранительных органов, внедрение и использование научных положений в следственной практике, что позволит оказать серьезное противодействие наркопреступности.

---

1. Статистика [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 02.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-3 : принят Палатой представителей 27 июня 2012 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.10.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 30.09.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Майоров А. А., Малинин В. Б. Наркотики: преступность и преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 304 с. [Вернуться к статье](#)

С. И. Довгун

*профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Под допросом в уголовном процессе Республики Беларусь понимается получение органом уголовного преследования от лиц показаний об обстоятельствах совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, имеющих значение для дела и подлежащих доказыванию.

Процесс формирования показаний включает в себя следующие этапы:

1. Восприятие информации и переработка с учетом особенностей характера человека.
2. Запоминание и переработка с учетом пережитых событий.
3. Воспроизведение посредством субъективной обработки, отражающей важность передаваемой информации.
4. Обратная связь, «коррекция показаний» [1, с. 138].

Суть допроса заключается в получении от допрашиваемого лица устной информации (показаний) об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела [2, с. 244–245].

Показания несовершеннолетних, как и взрослых, строятся на общих основаниях и проходят определенный процесс формирования. Следует отметить, что процесс формирования показаний состоит из получения и накопления информации, ее фиксации и сохранения, воспроизведения и передачи лицам, производящим допрос; получения, обработки процессуальной интеграции и повторения показаний допрашивающим [3, с. 238].

Особенности показаний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей и их формирование определяются следующими критериями: меньший объем знаний и опыта, чем у взрослых, меньшая способность к концентрации внимания; повышенная внушаемость; неразвитость аналитических способностей в восприятии и оценке воспринятого, действительного и воображаемого; эмоциональность суждений и поведения.

Несовершеннолетние в меньшей степени, чем взрослые, способны воспринимать событие как единое целое. Они не всегда могут выделить главное и обращают внимание только на те явления и факты, которые вызывают у них интерес или производят сильное эмоциональное впечатление. Они ошибаются

при определении расстояний, временных интервалов, в поведении и последовательности событий, быстро забывают воспринятые события, но в то же время помнят факты и явления, которые их заинтересовали. Для несовершеннолетних характерны эмоциональная возбудимость, некоторая неуравновешенность личности, быстрая смена настроения и поведения, что сказывается на их показаниях.

Поведение несовершеннолетних на допросах часто сдерживается желанием доказать взрослость и независимость «раздутым» представлением о дружбе и страхом перед негативной оценкой со стороны ближайшего окружения. Эти и другие особенности физического и психического развития несовершеннолетних рано проявляются в их поведении на допросе и являются характерными чертами допроса независимо от процессуального положения субъекта.

Как уже отмечалось, в процессе формирования показаний несовершеннолетних можно выделить четыре этапа: 1) восприятие; 2) сохранение информации; 3) формирование будущих показаний; 4) воспроизведение.

Рассмотрим эти этапы более подробно. **Стадия восприятия** основана на работе органов чувств. В большинстве случаев в ходе допроса несовершеннолетних активно задействованы их внешние органы чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Несовершеннолетние (свидетели, потерпевшие, подозреваемые) могут рассказать, как они ощущали и воспринимали характер предметов и фактов, связанных с расследуемыми событиями. Известно, что полнота и точность восприятия зависят от опыта, знаний, потребностей, интересов и, что главное, целей и задач, которые ставит перед собой воспринимающий. Это связано с перцептивной избирательностью, то есть преимущественным выделением определенных объектов и признаков. Полнота и точность информации зависят от объема и характера внимания, эмоциональной окраски восприятия, активности и настроения воспринимающего [4, с. 96].

Таким образом, особенности сенсорных и перцептивных процессов, характерных для несовершеннолетних разных возрастных групп, и определяют рекомендации по тактике допроса.

Следующий этап формирования показаний связан с накоплением информации и ее хранением в памяти допрашиваемого. Логическая память активно развивается в подростковом возрасте, и несовершеннолетние используют преимущественно этот вид памяти. Что касается назначения памяти, то при совершении преступления доминирующую роль играет произвольная память. Это связано с тем, что в большинстве случаев несовершеннолетний обвиняемый не ставит перед собой цель запомнить свои собственные действия или действия других людей. В случае произвольной памяти происходящее осознается, анализируется и запоминается по мере необходимости. Точность и полнота показаний несовершеннолетнего зависит от степени развития процессов восприятия и

памяти, а также от того, сколько времени прошло между восприятием и воспроизведением. Произвольная память чаще встречается у несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, хотя она, безусловно, и включает элементы непроизвольной памяти.

Следует отметить, что повторение восприятия оказывает особое влияние на запоминание. Явления не повторяются механически, но то, что важно для воспринимающего, является основой для наиболее точного запоминания. Если происходящее обыденно, интерес к нему снижается, что делает невозможным запоминание всего, что является необычным в данном случае [4, с. 98].

По мнению многих авторов, этап формирования будущего свидетельствования состоит из двух звеньев и включает в себя осознание цели и планирование. Осознание цели предполагает решение дать те или иные показания, а планирование — мысленную обработку хранящейся информации для представления ее в воспринятом или измененном виде. Степень изменения воспринимаемой информации зависит от выбранного способа самозащиты.

В процессуальном плане основной фазой является фаза воспроизведения. Именно на этом этапе реализуются основные цели допроса. Получение от допрашиваемого наиболее полной информации, имеющей отношение к делу, в соответствии с тем, как допрашиваемый решил ее воспринять, запомнить и представить.

Анализ и оценка хода и результатов допроса предполагают мыслительную и логическую деятельность следователя, в процессе которой он устанавливает относимость, допустимость, достоверность и достаточность полученных показаний.

Как правило, на первоначальном этапе расследования следователю сложно, а иногда просто невозможно определить достоверность полученных показаний несовершеннолетних свидетелей, потерпевших или подозреваемых. Помимо отсутствия информации о расследуемом общественно опасном деянии и личности допрашиваемого, на результат первичного допроса неизбежно влияет нехватка времени, связанная с многократными выездами на место преступления и большим объемом работы. Преждевременные выводы о надежности данного источника доказательств чреваты принятием ошибочных решений, приводящих к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности и осуждению невиновных.

Следует отметить, что на процесс формирования показаний несовершеннолетних свидетелей влияют объективные и субъективные факторы (например, особенности восприятия и памяти, концентрация внимания свидетеля, патологические дефекты психики и нервной системы, обстановка восприятия события и т. д.). Поэтому, обнаружив неполноту или неточность в показаниях несовершеннолетнего свидетеля, следователь должен определить, связано ли это

с дефектом органов чувств, неврологическим шоком от увиденного (услышанного) или другими факторами, которые могли отрицательно повлиять на восприятие и запоминание свидетелем конкретного события (факта, явления). Необходимо определить, не вызвано ли это другими факторами.

То же самое относится к несовершеннолетним жертвам, когда угроза насилия может быть преувеличена, но в то же время сильный страх может стереть воспоминания и повлиять на будущие показания. Существует множество классификаций несовершеннолетних. Наиболее распространенной является классификация, предложенная Кузнецовой С. В. и Кобцовой Т. С., которая включает в себя педагогическую периодизацию детей от самого рождения: ранний возраст (от рождения до 2 лет); младший дошкольный возраст (от 2 до 4 лет); средний дошкольный возраст (от 4 до 5 лет); старший дошкольный возраст (от 5 до 7 лет); период младшего школьного детства (от 7 до 12 лет); период подростковый (от 12 до 15 лет); период юношеский (от 15 до 17 лет) [5, с. 30]. Малолетними следует считать участников уголовного процесса, не достигших 14 лет. При описании предметов и явлений дети часто прибегают к сравнениям. Однако такие сравнения весьма относительны и не точны. Это подтверждается тем, что при пересказе деталей события дети дошкольного и младшего школьного возраста опираются на довольно расплывчатые понятия (большой — маленький, старый — молодой, далеко — близко и т. п.).

Несмотря на то, что дети дошкольного возраста уже обладают значительным словарным запасом, многие слова являются пассивной лексикой. Кроме того, некоторые слова принимаются членами семьи и знакомыми несколько иначе. Способность строить самостоятельные рассказы появляется у детей уже в пятилетнем возрасте. Для детей этого возраста легче узнать (в смысле — опознать), чем воспроизвести это в словах. В этой возрастной группе (от 2 до 7 лет) дети еще не очень понимают причинно-следственные связи событий и обычно узнают фрагменты, часто дополняя свои рассказы вымыслами, основанными на собственных представлениях. Они фрагментарны и неоднозначны, ответы на вопросы не всегда уместны, некоторые слова употребляются в непривычном их значении, часть информации передается не словами, а жестами, мимикой и интонацией.

Все это является предпосылками для интерпретации детских высказываний с разных точек зрения. Истинный смысл такого сообщения может быть раскрыт только при тщательном изучении и анализе показаний ребенка. Например, в деле о похищении с целью получения выкупа потерпевший (пятилетний Н.) сообщил, что встречавшийся с похитителями человек (который, по одной из версий следствия мог быть организатором преступления) был «из матрицы». Это было единственное описание интересующего следствие лица. Выяснилось, что в день, когда его видела жертва, этот человек был одет в черный длинный

кожаный плащ и темные очки характерной формы. Кроме того, его голова было чисто выбрита. По внешнему виду мужчина напомнил мальчику популярного героя фильма «Матрица», что, видимо, и определило его показания [6].

Однако, по мнению М. М. Коченова и Н. Р. Осиповой, специально изучавших этот вопрос под углом зрения задач уголовного процесса, повышенная склонность к фантазированию у юных свидетелей, потерпевших встречается не так уж и часто. Содержание и продуктивность воображения ребенка объясняются не только его возрастом, но и во многом зависят от его жизненного опыта, и это необходимо учитывать при оценке показаний с точки зрения влияния воображения несовершеннолетнего на его показания [7, с. 19].

Несовершеннолетние потерпевшие часто наделяют некоторые слова и понятия совсем не тем значением, которое им придается. Так, одна несовершеннолетняя потерпевшая заявила, что у человека, совершившего в отношении ее преступные посягательства, на руке был «нарисован» тигр. У Н., который впоследствии был опознан как преступник, на руке была татуировка в виде танка. Чтобы выяснить причину такого расхождения в показаниях, следователь показал девочке фотографию татуировки с руки Н. и попросил сказать, что на ней изображено. Девочка ответила, что это тигр, как ей говорил папа. Позже отец девочки объяснил, что когда он водил дочь на площадь, где стояла трофейная военная техника, он показал ей на танк и объяснил, что этот танк — «тигр» [8, с. 215].

В возрасте 7–10 лет у детей существенно меняются сознание, мышление и речь. Заметно богатеет словарный запас, появляется способность описывать события с учетом приобретенного опыта, формируются навыки более подробного и связного изложения деталей. Расширяется диапазон восприятия. Воображение становится богаче и реалистичнее. К 10 годам появляется способность вспоминать увиденное и услышанное, но до 14 лет молодые люди еще не могут логически воссоздать события и выделить в них основные моменты. Тем не менее, в разговорах с детьми в этом возрасте, между 8 и 10 годами, уже можно апеллировать к их чувству долга. В подростковом возрасте (с 11–12 до 14–15 лет) заметно расширяются познавательные интересы, повышается самосознание, появляется стремление к независимости и напористости, заостряются некоторые черты личности, (например, излишняя самоуверенность, самолюбие, повышенная ранимость, эмоциональная неустойчивость и др.). По достижении подростком 14 лет появляется социальная опасность таких преступлений, как убийство, умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью, насильственные действия сексуального характера, разбой и некоторые другие. Поэтому с этого возраста несовершеннолетние, совершившие преступления, перечисленные в ч. 2 ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь, должны нести уголовную ответственность. К 16 годам правосознание молодого человека в целом

сформировано, а процесс социализации личности практически завершен (однако этот период не должен быть конечной точкой). Согласно действующему законодательству, уголовная ответственность наступает именно с этого возраста (ч. 1 ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Таким образом, процесс формирования показаний несовершеннолетнего отличается от процесса формирования показаний взрослого. Это связано как с возрастными, так и с психологическими особенностями. Все различные виды информации об обстоятельствах допроса можно разделить на три основные категории. Первая — это информация о реальных материальных объектах и их свойствах. Сообщение об этих объектах включает в себя непосредственное чувственное отражение, создание и сохранение их образов, актуализацию и словесное описание. Вторая категория — вербализованная информация, которую воспринимают дети. Информация об объектах сохраняется в форме слуховых образов. Например, если юный свидетель помнит точно словесное или звуковое выражение сообщения, но не понимает его содержания. К третьей категории относится информация о реальных явлениях, которые не могут быть познаны чувственным путем. Она возникает в результате рассуждений ребенка, то есть понимания внутреннего содержания событий. Следовательно, показания и их процесс формирования играют важную роль, так как являются предметом допроса.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что допрос является распространенным следственным действием, которому уделяется большое внимание в современной процессуальной и криминалистической литературе. Допрос — это сложное следственное действие, имеющее процессуальные, криминалистические, психологические, этические аспекты. Допрос — это не только самое распространенное следственное действие, направленное на сбор доказательственной информации в установленном уголовно-процессуальном порядке и выяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и наиболее психологизированное следственное действие, касающееся личностных особенностей допрашиваемого и допрашивающего, а также психического взаимодействия между ними. Допрос, а значит, получение и оценка показаний несовершеннолетних имеют свои как психологические, так и процессуальные особенности.

-
1. Зорин Г. А. Многовариантные программы допросов: технологии построения и применения. М. : Изд-во деловой и учеб. лит. 2005. 336 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Яблоков Н. П. Криминалистика : учеб. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2008. 400 с. [Вернуться к статье](#)
  3. Криминалистика : учеб. / Н. И. Порубов [и др.] ; под общ. ред. Н. И. Порубова, Г. В. Федорова. Минск : Выш. шк., 2011. 639 с. [Вернуться к статье](#)

-
4. Мухин Г. А. Криминалистика : учеб. : в 3 ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». 2-е изд., испр. Минск : Акад. МВД, 2010. Ч. 2 Криминалистическая тактика / под ред. Г. Н. Мухина 243 с. [Вернуться к статье](#)
  5. Кузнецова С. В., Кобцова Т. С. Тактика допроса несовершеннолетних : практ. пособие. М. : Экзамен, 2004. 96 с. [Вернуться к статье](#)
  6. Скичко О. Ю. Проблемы протоколирования показаний несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1 (33). С. 24–27. [Вернуться к статье](#)
  7. Коченов М. М., Осипова Н. Р. Психология допроса малолетних свидетелей : метод. пособие. М., 1984. 35 с. [Вернуться к статье](#)
  8. Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: научно-практическое пособие. М. : Экзамен, 2003. 432 с. [Вернуться к статье](#)

Л. Н. Евдохова

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент*

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗЕРНОВЫХ МАСС

Судебная товароведческая экспертиза — исследование, проводимое экспертом в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством для установления фактических данных и обстоятельств по материалам уголовных, гражданских, арбитражных дел и дел об административных правонарушениях. Объектами судебно-товароведческой экспертизы являются реально существующие либо существовавшие в прошлом товары (изделия), образцы (пробы), а также документы (материалы уголовных и гражданских дел), в которых изложены сведения о товарных характеристиках исследуемых объектов и всевозможных ситуациях, касающихся операций, связанных с товаром (условия упаковки, маркировки, хранения, транспортировки, эксплуатации, а также другие обстоятельства, имеющие значение в конкретном деле) [1].

Судебная товароведческая экспертиза зерновых масс — это исследование, которое проводится в рамках судебного разбирательства или по запросу правоохранительных органов для определения качества, состава и других характеристик зерновых культур. Экспертиза может потребоваться для установления качественных и количественных характеристик зерна, а также для определения его стоимости и соответствия действующим стандартам качества.

Согласно сложившейся классификации экспертных задач принято выделять идентификационные, диагностические и ситуалогические группы задач судебно-экспертного исследования [2]. Рассмотрим возможность постановки диагностических экспертных задач при производстве судебной товароведческой экспертизы зерновых масс.

Криминалистическая диагностика — это раздел криминалистики, целью которого является установление признаков и закономерностей преступного деяния на основе анализа криминалистически значимой информации [2].

Традиционно выделяют следующие задачи криминалистической диагностики [3]:

- установление обстановки преступного события;
- установление временных характеристик преступного события;
- определение вещественной структуры обстановки места происшествия;
- установление механизма отдельных этапов события;
- определение свойств действовавших объектов.

В специальной литературе, посвященной судебной товароведческой экспертизе продовольственного сырья и товаров, диагностические исследования этого вида не упоминаются. Считается, что эксперт-товаровед диагностических исследований в отношении пищевого сырья и продуктов не производит. Вместе с тем, с нашей точки зрения, есть все основания считать, что это не так. Для зерновых масс характерна определенная номенклатура показателей качества, которая несет в себе диагностическую нагрузку.

Из вышеприведенного перечня видно, что при всем своем многообразии диагностические задачи касаются изучения трех условий:

- внутренних (свойства и состояние объекта);
- внешних (время, место, функционирование объектов);
- механизма возникновения следов (взаимодействие объектов между собой).

К диагностическим исследованиям, проводимым в рамках производства судебной товароведческой экспертизы зерновых масс, по нашему мнению, следует относить:

1. Диагностическое исследование свойств и состояния объекта при его изучении. Данный аспект исследований предусматривает изучение и оценку качественных и количественных характеристик зерновых масс с констатацией конкретных квалитетических характеристик зерновых масс без последующего их отнесения к конкретной классификационной группе (как видовой, так и квалитетической). Этот вид исследований необходим для последующей конкретизации показателей номенклатуры потребительских свойств зерновых масс. Примером вопроса такого диагностического исследования может служить следующий: каково назначение исследуемой партии зерна ржи — фуражное или продовольственное? Решение этого вопроса возможно после конкретизации показателей качества, которые отвечают за групповую принадлежность (продовольственное зерно или фураж). В зерновых массах такими показателями качества являются органолептические, показатели качества (цвет, запах), некоторые физико-химические (содержание белка, содержание и качества клейковины (для пшениц), натура и т. д.) и показатели безопасности (содержание вредной примеси, остаточное количество пестицидов и т. д.). Номенклатура этих показателей разнится в зависимости от вида зерна (пшеница, овес, ячмень и т. д.), и их вычленение из общей номенклатуры потребительских свойств возможно после изучения соответствующих технических нормативных правовых актов, регламентирующих качественные и количественные показатели данной зерновой культуры.

2. Диагностическое исследование свойств и состояния объекта по его отображениям. В данном случае говорить о классических следах-отображениях не корректно. Количественные и квалитетические характеристики зерновых

партий отображаются в различных товаросопроводительных документах (на этапе товародвижения). Если говорить об этапах хранения и переработки, то здесь на первый план выступают так называемые технические записи [4]. Технические записи важны для обеспечения качества проводимых испытаний и исследований в производственных лабораториях. Они позволяют контролировать соответствие процессов и результатов установленным требованиям, а также следить за функционированием системы качества. Данные записи позволяют проводить исследования количественных и качественных характеристик зерновых масс уже переработанных партий или подвергшихся обработке на этапе хранения (сушка, очистка и т. д.). Потребность в данного рода диагностических исследованиях может возникнуть в ходе расследования преступлений в области бюджетных закупок партий зерна, комбикормового сырья и т. д. Примером вопроса такого диагностического исследования может служить следующий: в каком состоянии находилась партия зерна ячменя перед закладкой в хранилище (устойчивом или неустойчивом для хранения)? Диагностическими признаками в данном случае будут выступать те показатели качества, которые отвечают за стойкость зерновой массы при хранении. Это в первую очередь влажность зерновой массы, зараженность вредителями хлебных запасов, засоренность сорной примесью и микробиологическая обсемененность зерна. Эти показатели качества справедливы для всех зерновых культур, и их обнаружение и оценка в технических записях позволят ответить на поставленный выше вопрос.

3. Диагностическое исследование механизма происшедшего события, процессов и действий по объектам или их отображениям. Вышеупомянутое диагностическое исследование затрагивает не только конкретно качественные и количественные характеристики зерновой массы, но и режимы технологических процессов, которые осуществлялись в отношении данной партии. Причем данные диагностические исследования могут касаться как этапов технологического цикла уже непосредственно на зерноперерабатывающем предприятии, так и этапов агротехнических мероприятий. В данном случае исследуются те количественные и качественные характеристики зерновых масс, на которые в первую очередь влияют различные этапы обработки зерновых масс (как в полевых условиях, так и в хранилищах). Это может быть внесение конкретных удобрений, которые изменяют микроэлементный состав зерна, сушка зерновых масс, дезинсекция, очистка, сепарирование и т. д. Примером вопроса такого диагностического исследования может служить следующий: проводилась ли обработка ртутьорганическими пестицидами зерновых посевов? Диагностическими признаками в данном случае будут выступать показатели качества, которые изменяются после различных технологических манипуляций. Если говорить о выше поставленном вопросе, то такими показателями качества будут являться показатели безопасности и некоторые химические показатели. Так, например,

---

в данном случае после исследования зерновой массы не должно быть остаточных количеств следующих пестицидов: гексахлорциклогексана (альфа-, бета-, гамма-изомеры), ДДТ и его метаболитов и гексахлорбензола. Такие показатели качества конкретизируются после изучения технических записей по агротехническим условиям выращивания (использования различных удобрений и средств защиты растений).

Таким образом, проводя диагностические исследования в рамках судебной товароведческой экспертизы зерновых масс, мы расширяем возможности данного вида экспертизы и конкретизируем последующие идентификационные исследования в отношении данных партий зерна.

---

1. Евдохова Л. Н., Масанский С. Л. Товарная экспертиза : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров». Минск : Выш. шк., 2013. 332 с. [Вернуться к статье](#)

2. Хрусталева В. Н. Теоретические, процессуальные, методические и организационные основы судебной экспертизы : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2019. 265 с. [Вернуться к статье](#)

3. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистика : учеб. и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 617 с. [Вернуться к статье](#)

4. Евдохова Л. Н., Пинчукова Ю. М., Болотко А. Ю. Теоретические основы товароведения : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров». Минск : Выш. шк., 2016. 262 с. [Вернуться к статье](#)

И. Л. Жаркевич

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ОСНОВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В середине XIX в., в условиях промышленной революции, как объективная необходимость проявился запрос общества на разработку эффективных методов противодействия нарастающим угрозам со стороны преступности. Этому способствовали достижения того периода в области естественных и технических наук. С их развитием стали изменяться организационные и правовые формы прикладного применения их возможностей для удовлетворения потребностей общества и государства, в том числе в раскрытии и расследовании преступлений.

Под влиянием этих факторов в Российской империи, в составе которой на тот момент находилась и Республика Беларусь, была введена уголовная регистрация преступников: антропометрическая (1890 г.), а затем дактилоскопическая (1906 г.). На начальном этапе она воспринималась в основном как формальная система учета преступников на основе их биометрических данных и применялась в отношении лиц, осужденных за совершение ими преступления, отбывавших наказание в местах лишения свободы, находившихся в ведении Министерства юстиции [1, с. 7].

Практически одновременно на уголовную регистрацию обратили внимание и в Департаменте полиции Министерства внутренних дел, причем как на средство раскрытия и расследования преступлений, а собственно, и розыска преступников, скрывающихся от следствия и суда. При этом она приобретает более выраженный, организационно определенный прикладной характер в целях собирания и систематизации информации о регистрируемых объектах, с ориентацией на ее последующее эффективное использование в раскрытии и расследовании преступлений. При этом во всех губернских управлениях полиции, в том числе на территории Беларуси, создается широкая сеть регистрационных бюро (кабинетов). Их сотрудники стали привлекаться к участию в осмотрах мест происшествий, а также к проведению иных следственных действий, где требовалось применение специальных знаний и соответствующей техники.

Соответственно, в распоряжение последних начали поступать научно-технические средства, позволяющие выполнять поставленные перед ними задачи. Так, в регистрационных бюро фактически зарождалась экспертно-криминалистическая деятельность (далее — ЭКД); а в уголовном

судопроизводстве появлялся такой новый его участник, как специалист-криминалист. В его лице совмещались функции собирания доказательств и их исследования, в том числе в форме криминалистической экспертизы.

Однако отметим, что благодаря той же уголовной регистрации было положено начало становления общегосударственной системы судебно-экспертных учреждений (служб), а в практическом аспекте — судебно-экспертная деятельность (далее — СЭД), так как на тех же сотрудников регистрационных кабинетов возлагались функции по проведению сравнительных исследований объектов, впервые поступающих к ним на регистрацию, с теми, которые ранее уже регистрировались в банке данных.

Полагаем, что, возникнув по объективным причинам, уголовная регистрация СЭД и ЭКД в настоящее время составляет систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в Республике Беларусь. В каждом из этих видов деятельности ставятся специфические цели, задачи, используется особый арсенал средств, операций и методов для достижения поставленных целей. Тем не менее эти два разных вида деятельности фактически определяют двуединый процесс собирания и исследования доказательств. Полагаем, что по многим аспектам они взаимно дополняют друг друга.

Однако отличительной и принципиально важной особенностью ЭКД является ее поисково-познавательная направленность при решении задач со многими неизвестными — собирания (обнаружения, фиксации, изъятия, аналитической оценки) следов преступлений как источников розыскной и доказательственной информации, ее безотлагательной проверки по криминалистическим учетам и путем так называемых предварительных исследований. Таким образом, создается информационная база для последующего успешного расследования преступлений, а порой и для их раскрытия по горячим следам.

СЭД по своему содержанию представляет решение конкретно обозначенных в постановлении о назначении экспертизы задач путем исследования представленных на экспертизу объектов, как правило, с использованием апробированных методик и в них определенного инструментария — средств исследования.

То есть СЭД коренным образом отличается от ЭКД по решаемым задачам, условиям их решения, используемым при этом методам и средствам, наконец, по правовому значению их результатов.

Рассматривая практические аспекты применения ЭКД и СЭД в Республике Беларусь, отдельно обозначим, что с 2013 г. функционирует Государственный комитет судебных экспертиз (далее — ГКСЭ), в котором объединены ранее разобщенно действовавшие по различным министерствам и ведомствам центральные и территориальные судебно-экспертные учреждения (подразделения),

соответствующие органы управления, научно-исследовательские и учебные учреждения.

На ГКСЭ возлагаются функции по производству всех видов судебных экспертиз по уголовным, гражданским делам и административным производствам, в том числе связанным с экономической деятельностью; проведение исследований по материалам органов, осуществляющих дознание, оперативно-розыскную деятельность; ведение криминалистических учетов и коллекций; подготовка предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере СЭД и другие.

По существу ГКСЭ представляется как централизованная система органов, осуществляющих в соответствии с законодательными актами определенный спектр полномочий в сфере СЭД. При этом обращает на себя внимание внешне малозаметная, но весьма существенная деталь: сотрудники экспертно-криминалистических подразделений ведомства, по своей сути не являющегося правоохранительным, не нацелены в своей деятельности на раскрытие и расследование преступления.

Особо отметим, что в такой ситуации присутствует и внутриведомственная проблема экспертно-криминалистических подразделений ГКСЭ, касающаяся организации их деятельности, а как следствие — профессионализма и результативности деятельности их сотрудников. В них в настоящее время в одном лице совмещаются функции эксперта и специалиста, что негативно сказывается на производительности труда первых и на результативности деятельности вторых, при этом практически исключается их профессиональная специализация.

На протяжении длительного времени в научной среде вплоть до настоящего момента ведутся упорные и бескомпромиссные дискуссии, касающиеся положительных и отрицательных аспектов совмещения функций эксперта и специалиста (криминалиста) в одном лице. Анализируя научную литературу, хотели бы отметить некоторые положительные и отрицательные стороны ситуации, сложившейся в ГКСЭ Республики Беларусь.

Положительным фактором, бесспорно, является принцип территориального разделения экспертно-криминалистических подразделений и их небольшая штатная численность, в результате чего выбывавший на осмотр места происшествия в качестве специалиста в дальнейшем проводит экспертизу по этим же объектам, изъятым в ходе следственного действия. В ходе дальнейшего лабораторного исследования он лучше воспринимает процесс слепообразования, отдельные признаки, отобразившиеся в следе, связанные со спецификой поверхности, на которой он был выявлен. Особенно это актуально при исследовании следов рук и обуви (большая часть следов, исследуемых в экспертно-криминалистических подразделениях районного звена).

Однако есть более значимые отрицательные факторы, одним из которых являются ситуации, при которых эксперт-криминалист ГКСЭ, участвуя в качестве специалиста в осмотре места происшествия и в иных следственных действиях, осуществляя поиск и изъятие следов преступления, сам себе создает и, соответственно, «регулирует» объем будущей экспертной работы, разумеется, далеко не в интересах следствия.

Нами предлагается реализовать организационное разъединение функций экспертов и специалистов (криминалистов) ГКСЭ, это способствовало бы их специализации, конкретизации служебных задач, упорядочению оценки работы, а в целом — повышению ее эффективности.

Критические высказывания о целесообразности подобных мер, предложенных нами, объясняем ошибочным представлением о содержании и объеме задач и функций специалистов (криминалистов) ГКСЭ, а порой и недооценке отдельными должностными лицами их роли в борьбе с преступностью.

В целом задачи и функции специалиста (криминалиста) ГКСЭ определяются их обязанностью обеспечить самое широкое применение криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений.

В настоящее время сотрудники и работники ГКСЭ, помимо производства судебных экспертиз, выполняют задачи специалистов, в частности, касающиеся участия в осмотрах мест происшествий, иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; ведения криминалистических учетов. То есть те задачи, которые, должны проводиться быстро, безотлагательно, фактически в режиме текущего времени. Успешно реализовать эту принципиально важную рекомендацию в форме СЭД, тем более в порядке межведомственного взаимодействия, чрезвычайно сложно.

Вышеуказанные аспекты свидетельствуют о необходимости дифференциации организационно-правовых форм использования специальных знаний в уголовном процессе, об уточнении их названия, целей и организационных особенностей их реализации. Заметим, что при этом судебная экспертиза должна оставаться как таковая, со всеми присущими ей требованиями, включая процессуальную независимость судебного эксперта.

В заключение отметим, что СЭД и ЭКД как автономные, но взаимодополняющие части во многом определяют эффективность всего научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Их поступательное развитие и совершенствование — задача государственной важности, а потому качественное ее решение видим в проработке отдельных аспектов практической реализации ЭКД в Республике Беларусь.

---

1. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М. : Норма, 1999. 486 с. [Вернуться к статье](#)

А. М. Журбенко

*доцент кафедры криминалистики
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат экономических наук*

АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

С развитием экономики развиваются и информационные технологии. С каждым днем информационные технологии захватывают мир, и сама политика государства стремится к прогрессу всех общественных сфер с использованием цифровой трансформации. Но не бывает все только в положительном ключе, и развитие информационных технологий не исключение. В связи с развитием информационных технологий у преступников возникает большое количество способов и средств совершения экономических преступлений с применением ИТ-технологий и, как следствие, увеличивается их количество.

Во всем многообразии учебной и научной литературы нет единого определения экономических преступлений. Но стоит отметить мнение такого ученого, как А. М. Медведев. Он давал краткое, но очень ясное определение: экономические преступления — это общественно опасные деяния, посягающие на экономику как на совокупность производственных (экономических) отношений и причиняющие ей материальный ущерб [1].

Л. В. Бертовский дает следующее определение экономических преступлений: предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, совершаемые в любой форме собственности, посягающие на общественно-экономические отношения [2], а В. И. Гладких формулировал их определение следующим образом: экономические преступления — это предусмотренные уголовным законом деяния, направленные на нарушение имущественных отношений и соответствующего порядка осуществления хозяйственной деятельности [3].

Исходя из совокупности мнений, мы считаем, что экономические преступления — это общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством, посягающие на общественно-экономические отношения с причинением материального ущерба. После того, как мы определились с понятием экономических преступлений, перейдем к понятию «информационные технологии» (ИТ-технологии).

В соответствии с Федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения,

обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [4].

Обратим внимание на определение, которое указано в ГОСТ Р 59853-2021: информационные технологии — это приемы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных [5].

Мы придерживаемся формулировки информационных технологий, представленной в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Формулирование понятий экономических преступлений и информационных технологий позволило сформировать понятие экономических преступлений, совершаемых с применением IT-технологий.

Экономические преступления, совершаемые с использованием информационно-технологических средств — это уголовно наказуемые общественно опасные деяния, совершенные в сфере производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг, а также продуктов труда путем применения совокупности способов хранения, передачи, обработки либо уничтожения компьютерной информации и средств технического и программного обеспечения в целях сокрытия совершения преступного деяния и цифровых его следов.

К таким преступлениям можно отнести кибермошенничество, онлайн-мошенничество, кибершпионаж и т. д. Основной целью данных преступлений является незаконное получение выгоды или нанесение материального ущерба посредством использования информационных технологий.

Также стоит отметить, что данные преступления не являются компьютерными преступлениями или преступлениями в сфере компьютерной информации, которые указаны в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации [6], а наоборот, указывают на то, что данные преступления совершаются с применением информационных технологий или они являются способом совершения преступления или его средством.

Кроме того, в настоящее время существует необходимость внедрения новых методик расследования экономических преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, так как раскрываемость данных преступлений не достигает даже половины зарегистрированных.

Использование правоохранными органами методик расследования данной категории преступлений является недостаточно действенным, так как они находят свое отражение в положениях Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 23 сентября 2016 г. № 2 [7], а также в решении Коллегии Министерства внутренних дел России от 24 ноября 2017 г. № 3км [8]. В данных нормативно-правовых актах делается большой акцент на том, что предпринимаемые меры по борьбе

с данной категорией преступлений недостаточно эффективны и требуют комплексного дополнения и совершенствования.

Поэтому необходимо способствовать совершенствованию работы правоохранительных органов, а также их технической составляющей, при этом уголовно-правовая характеристика должна в полном объеме регламентировать действия правоохранительных органов.

Стоит отметить, что специалисты-криминалисты используют новейшие технологии, свои навыки и умения, которые позволяют осуществлять расследование в данной категории преступлений. При использовании своих знаний специалист осуществляет анализ и интерпретацию электронных следов, а также получение наиболее важной информации для проведения расследования. Необходимо осуществить усовершенствование законодательства, которое регулирует процесс расследования данной категории преступлений.

Экономические преступления, совершаемые с применением IT-технологий, возможно классифицировать:

- по категориям, исходя из их специфики и последствий преступных деяний;
- по анализу юридических норм, которые осуществляют регулирование данной категории преступлений, а также иных нормативно-правовых актов, регламентирующих экономические преступления, совершаемые с использованием IT-технологий;
- по формированию и модернизации учета данных (цифровых следов) преступлений, а также возможности их моделирования и прогнозирования в дальнейшем.

Криминалистическая характеристика отдельных видов и групп преступлений в теории рассматривается как научная категория, которая представляет собой систему обобщенных сведений об условиях и обстановке, типичных свойствах личности субъектов посягательств, способах совершения анализируемых деяний, механизмах слепообразования и иных обстоятельствах, имеющих значение для проведения качественного расследования в разумные сроки [9].

В зависимости от способа совершения преступления данной группы подразделяются на преступления, совершенные с использованием непосредственного доступа к компьютерной технике и информации, и преступления, совершенные с удаленным или опосредованным доступом к компьютерной технике и информации.

В первом случае осуществляется непосредственный доступ, когда у преступника имеется физический доступ к компьютерной технике и материальной обстановке места совершения преступления. Из этого следует, что при расследовании данного случая у правоохранительных органов возникает возможность получения таких следов преступления, как следы рук, следы ног, биологические

следы и иные следы, которые могут быть оставлены при физическом контакте преступника с компьютерной техникой. Также велика вероятность нахождения схем, записей, которые преступник использовал для совершения преступления.

Во втором случае при удаленном доступе таких возможностей нет, так как преступник находится в комфортном для себя месте и совершает преступление «не выходя из дома». При расследовании данного вида преступлений самой главной задачей является установление компьютера, с которого было совершено преступление, а именно IP-адрес и MAC-адрес и т. д. В том числе нужно определить, как был осуществлен доступ и какие технические средства для этого использовались.

В криминалистической характеристике большое значение имеет место совершения преступления, так как данный факт усложняет раскрытие преступления, а именно его поиск. Ведь преступник может осуществлять несанкционированный доступ из любой точки мира, а также осуществлять маскировку своего настоящего местоположения, что очень сильно замедляет процесс расследования.

Исходя из вышеупомянутого, можно сказать о том, что криминалистическая характеристика экономических преступлений, совершаемых с применением IT-технологий, является одной из самых сложных и актуальных проблем в современном мире. Из-за быстрого развития информационных технологий развивается и преступная деятельность, поэтому как уголовно-правовая, так и криминалистическая характеристика играют огромную роль при расследовании данной категории преступлений. С помощью их осуществляется разработка новых и эффективных способов и методов борьбы.

---

1. Медведев А. М. Экономические преступления: понятие и система // Современное государство и право. 1992. № 1. С. 81. [Вернуться к статье](#)

2. Бертовский Л. В Экономические преступления как объект права, криминалистики, уголовно-процессуальная деятельность // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2002. № 4. С. 197–200. [Вернуться к статье](#)

3. Гладких В. И. К вопросу о понятии и видах экономической преступности // Вестн. Москов. лингвист. ун-та. 2011. № 621. С. 14. [Вернуться к статье](#)

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ : в ред. Федер. закона от 12.12.2023 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения : ГОСТ Р 59853-2021 ; введ. РФ 01.01.2022. М. : Рос. ин-т стандартизации, 2021. 16 с. [Вернуться к статье](#)

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2024 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Об эффективности работы по выявлению, пресечению, расследованию и предупреждению преступлений, совершаемых с помощью информационно-коммуникационных технологий: решение Координационного совещания руководителей [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news-1122742/> (дата обращения: 11.04.2024). [Вернуться к статье](#)

8. О мерах по совершенствованию раскрытия и расследования мошенничеств: решение Коллегии МВД России от 24 окт. 2017 г. № 3км. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Карагодин В. Н. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 504 с. [Вернуться к статье](#)

Е. Л. Лужинская

*старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

Е. В. Козелецкая

*курсант 3 курса
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА, ИЗМЕНЕННОГО ПРИ ПОМОЩИ ПРОГРАММНЫХ ПРОДУКТОВ

В современном мире фиксация информации происходит непрерывно, различными способами. Особенно такое явление распространено именно сейчас, когда технический прогресс программных продуктов, цифровой среды затронул все сферы жизнедеятельности человека. Но вместе с тем возникает множество вопросов о достоверности получаемой информации, напрямую влияющей на развитие общества и на деятельность правоохранительных органов. Не исключением стала и сфера судебно-экспертной деятельности, где нередко возникают вопросы о достоверности отдельных объектов экспертиз, в частности, при исследовании изображений внешнего облика человека. В настоящее время внешность человека достаточно легко подкорректировать, изменить характеристики отдельных элементов внешности да и в принципе сделать образ неузнаваемым, что и усложняет процесс идентификационных исследований в судебной портретной экспертизе.

В литературных источниках в области габитоскопии к основным видам изменений внешнего облика человека относят: возрастные и посмертные изменения; косметико-хирургические вмешательства; использование макияжа и грима, а также изменения уже полученного изображения с запечатленным внешним обликом конкретного лица при помощи программных продуктов.

Необходимо отметить, что к наиболее актуальным из вышеперечисленных относят изменения внешнего облика посредством пластической хирургии, а также изменения полученных изображений, на которых запечатлен человек, при помощи различных программных продуктов, особую популярность из которых имеют программы, работающие на основе нейросетевых алгоритмов.

В связи с повсеместным использованием цифровой фото- и видеотехники, специальных программ, которые позволяют редактировать изображения, при проведении судебной портретной экспертизы все чаще возникают вопросы о достоверности представленного изображения, что обуславливает

необходимость комплексного исследования спорных изображений совместно с экспертом в области фототехнической экспертизы. Эксперт-фототехник, в свою очередь, решает вопрос, имеются ли в представленных изображениях признаки цифрового монтажа или ретуши.

Для понимания алгоритма исследования в области фототехнических экспертиз необходимо уяснить понятия как цифровой ретуши, так и цифрового монтажа. Под цифровой ретушью в целом мы понимаем редактирование изображений. В основном на изображении редактируют область лица, выравнивают тон кожи, удаляют морщины, веснушки, пигментные пятна и т. п. Такие изменения, на первый взгляд, не воспринимаются как существенно меняющие внешний облик. Вместе с тем значительно «измененная» при помощи цифровой ретуши внешность человека, запечатленного на изображениях, может затруднить объективный процесс исследования в рамках портретной экспертизы.

Под фотомонтажом понимают процесс и результат создания изображений путем вырезания, склеивания, перестановки и наложения двух или более фотографий в новое единое изображение. Монтаж применяют в том случае, если необходима иная совокупность фрагментов снимков, замена неудачных деталей, фона, костюма, а также элементов внешности (губы бóльшего размера, глаза другой формы и т. п.). В большинстве случаев после монтажа используют цифровую ретушь для маскировки следов привнесенных изображений.

На сегодняшний день в качестве объектов судебной портретной экспертизы зачастую предоставляются изображения, извлеченные из личных аккаунтов социальных сетей, аватары изображений мессенджеров и т. п. Практически все эти изображения обработаны программными продуктами как в ручном режиме, так и в автоматическом, с использованием нейросетевых алгоритмов. Это обусловлено стремлением пользователей в виртуальной жизни «приукрасить» свой внешний облик, приблизив его к так называемому идеалу. Все эти явления значительно усложняют процесс идентификации человека по его измененным изображениям.

Современный специалист в области портретной экспертизы должен ориентироваться в большом сегменте программ, изменяющих внешний облик человека, а также в программных продуктах, позволяющих выявить внесенные в первоначальные изображения изменения.

Анализируя интернет-ресурсы, нами проведен обзор наиболее функциональных и эффективных программ, которые называют также сканерами искусственного интеллекта (ИИ). К ним относят FotoForensics, Forensically; Findexif.com, JPEGsnoop и др.

FotoForensics (с англ. «фотокриминалистика») — онлайн-сервис, который анализирует так называемые ошибки в изображении — метод ELA (error level analysis), то есть проводит поиск «дорисованных» или «зарисованных» областей

на изображении, а также выявляет вставленные в изображение области при редактировании. Программа обрабатывает фото и выделяет цветными маркерами фрагменты изображений, подвергавшиеся редактированию. Также указанный продукт предоставляет развернутые EXIF-данные изображения (дата и время съемки, модель камеры, экспозиционные параметры, координаты места съемки, дата редактирования изображения и пр.). Работа с данным инструментом происходит в автоматическом режиме: изображение загружается, проводится анализ и выводится отчет о проведенном исследовании [1].

Альтернативой вышеуказанной программы является сервис Forensically (с англ. «криминалистический»). Это бесплатный веб-ресурс, который обладает следующими возможностями: лупа (цифровое увеличительное стекло) — позволяет рассмотреть даже самые мелкие детали на изображении; детектор клонов — выделяет похожие области на изображении и служит индикатором того, что изображение было изменено с помощью инструмента клонирования; указанный в предыдущем сервисе метод ELA (анализ уровня ошибок); анализ уровня цифрового шума, анализ градиентов яркости и пр. [2].

JPEGSnoop — бесплатная утилита для Windows, которая анализирует изображение и выявляет, были ли внесены в него изменения. Программа декодирует внутреннюю информацию изображения и делает вывод об уровне «подлинности» фотографии в соответствии с классами: класс 1 — изображение обработано/отредактировано; класс 2 — высокая вероятность обработки/редактирования; класс 3 — высокая вероятность, что изображение не редактировано; класс 4 — не определено: изображение может быть оригинальным или отредактированным. Вместе с тем разработчики утилиты предупреждают, что результат верификации не стоит принимать за истину — человек может изменить фото ненамеренно или оригинальное изображение будет считаться отредактированным, даже если усилить резкость снимка [3].

Анализ программных продуктов, проведенный с рассмотрением их функционала, будет полезен как экспертам в области портретных и фототехнических экспертиз, так и инициаторам назначения такого рода исследований. Вместе с тем использование онлайн-сервисов для проведения исследований, где служебная информация (объекты исследования — изображения) загружается для свободного доступа в интернет-пространстве, не допустимо. Решением данной проблемы, на наш взгляд, является разработка универсального программного (офлайн) продукта, содержащего в себе вышеперечисленные функции анализа изображений.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что современная реальность в целом обуславливает постоянное совершенствование имеющихся специальных знаний и приобретение новых судебными экспертами по всем видам проводимых ими исследований. В частности, судебный эксперт в области

портретных экспертиз должен уметь выявлять признаки внесенных изменений в изображение внешнего облика человека и с учетом их существенности принимать решение о привлечении эксперта-фототехника для комплексного, объективного и достоверного исследования такого рода объектов. Изложенная же в данной статье информация позволит экспертам, а также инициаторам назначения экспертиз ориентироваться в многообразии продуктов, выявляющих «измененные» изображения, и будет способствовать как эффективности проведения исследований, так и оценке заключений эксперта.

-
1. FotoForensics: как распознавать фейковые фото [Электронный ресурс] // Factchecknet.uz — Право на правду : [сайт]. URL: <https://factchecknet.uz/ru/2024/01/10/fotoforensics-kak-raspoznavat-feykovie-foto/> (дата обращения: 03.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
  2. Как проверить фотографию на наличие ретуши [Электронный ресурс] // Say-Hi : [сайт]. URL: <https://say-hi.me/sovetiy/photo-is-photoshopped.html> (дата обращения: 03.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
  3. Как узнать, отредактировано ли фото, если у вас Windows. JPEGsnoop [Электронный ресурс] // Сделано.медиа : [сайт]. URL: <https://sdelano.media/jpegnoop> (дата обращения: 03.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

Д. Р. Москвина

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В правоохранительной системе любого государства органы дознания играют главную роль в борьбе с преступностью. В целях разработки наилучшей организационной структуры органов дознания необходимо не только совершенствовать собственный опыт работы правоохранительных органов, но и изучать его передовые модели в других государствах. В этой связи нами проведен сравнительный анализ деятельности органов дознания в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Избрание в качестве сравнения законодательства данных государств не случайно. Во-первых, основу уголовно-процессуального законодательства обеих стран составило международное законодательство и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г., который служит моделью разработки современного уголовно-процессуального законодательства этих государств. Во-вторых, стоит учитывать тесное сотрудничество стран в экономической и политической сферах, а также в борьбе с преступностью в период международных санкций Запада и США.

Понятие «органы дознания» регламентировано в п. 20 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Республики Беларусь. К ним относятся государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание. В УПК Российской Федерации органы дознания определены в п. 24 ст. 5 как государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание, иные процессуальные полномочия. Это понятие означает и форму предварительного расследования (п. 8 ст. 5 УПК Российской Федерации).

В Республике Беларусь в структуру органов дознания входят (ст. 37 УПК Республики Беларусь):

- Министерство внутренних дел, органы по борьбе с коррупцией и организованной преступностью органов внутренних дел, территориальные органы внутренних дел;
- органы государственной безопасности;
- военные коменданты военных комендатур, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учебных заведений, организаций Вооруженных Сил и гарнизонов, а в других войсках — командиры воинских

частей, соединений, начальники органов пограничной службы, начальники военных учреждений;

- начальники учреждений, реализующих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов;
- Государственный пограничный комитет, территориальные органы пограничной службы;
- таможенные органы;
- органы финансовых расследований Комитета государственного контроля;
- органы государственного пожарного надзора;
- капитаны морских или речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь;
- главы дипломатических представительств и консульских учреждений.

В России к органам дознания относятся:

- органы внутренних дел и входящие в их состав структуры;
- органы Федеральной службы судебных приставов;
- начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;
- органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

Как видим, перечень названных органов в Республике Беларусь намного шире.

В белорусском законодательстве определение понятия дознания не раскрывается. Хотя, как отмечает В. А. Нечаева, четкое определение содержания терминов является непременным условием правильного правоприменения. Автор предлагает дефиницию: «дознание — деятельность органа дознания или лица, осуществляющего дознание, по находящимся у него в производстве материалам или уголовному делу в пределах своей компетенции» [1, с. 195]. Содержание норм УПК Республики Беларусь позволяет говорить, что дознание является одной из форм предварительного расследования (п. 26 ст. 6 УПК Республики Беларусь), что аналогично российскому законодательству.

Отличие УПК Республики Беларусь и УПК РФ проявляется в том, что в первом случае дознание проводится путем осуществления неотложных следственных действий, а затем материалы направляются для проведения предварительного следствия (п. 4 ст. 177 УПК Республики Беларусь). Причем дознание считается формой предварительного расследования (п. 26 ст. 6 УПК Республики Беларусь) и реализуется лишь после возбуждения дела (ч. 1 ст. 183 УПК Республики Беларусь).

Для конкретизации необходимо выделить отличия расследования следователем и органом дознания по законодательству Республики Беларусь, помимо субъектов: срок производства дознания — 10 дней, следствия — 2 месяца; следователь процессуально самостоятелен, а должностное лицо органа дознания согласовывает свои действия с начальником органа дознания, который дает ему указания в письменной форме; в ходе дознания круг процессуальных действий ограничен (ст. 186 УПК Республики Беларусь). Отличие усматривается и в элементах прокурорского надзора. Так, прокурор вправе давать органу дознания письменные указания о проведении процессуальных действий. В отношении следователей он такими полномочиями не наделен. Тем не менее при направлении дела прокурору и далее в суд прокурор вправе вернуть дело следователю с письменными указаниями о проведении дополнительных следственных действий. Отличие проявляется и в форме окончания расследования: орган дознания передает дело следователю, а следователь — в суд либо прекращает дело.

Названная ситуация обусловлена принятием Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З [2] и созданием в Республике Беларусь Следственного комитета на основании Указа Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. № 409 [3].

В результате предварительное следствие практически по всем делам осуществляется Следственным комитетом Республики Беларусь. Исключение составляет небольшой перечень дел, предварительное следствие по которым осуществляют органы государственной безопасности.

Дознание в Республике Беларусь осуществляют:

- орган дознания;
- начальник органа дознания;
- лицо, осуществляющее дознание.

Должностные лица в России аналогичны названным, дополнительно к таковым УПК Республики Беларусь относит еще начальника подразделения дознания.

В России проводится полноценное дознание, т. е. осуществляется расследование, начиная с момента возбуждения дела, завершая составлением итогового документа (гл. 32, 32.1 УПК Российской Федерации). Это относится к проведению расследования по отдельным категориям дел в соответствии с правилами о подследственности. Полагаем, что подобный опыт был бы полезен для законодательства Республики Беларусь.

Интерес представляет в рамках нашего исследования сравнительный анализ упрощенного производства. Однако если говорить об ускоренном производстве Республики Беларусь, то его следует считать не формой расследования, а формой досудебного производства. Если обратиться к историческим аспектам, то можно увидеть, что по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. дознание

считалось первоначальным этапом предварительного расследования, который предшествовал предварительному следствию. Основной задачей данного этапа являлась фиксация следов преступного деяния и установление преступника. После дознания осуществлялось предварительное следствие, на котором судебными следователями собирались необходимые доказательства для суда.

Данный вид судопроизводства именуется ускоренным производством и урегулирован нормами главы 47 УПК Республики Беларусь. Расследование в данном случае осуществляет следователь. Таким образом, на следователей ложится слишком большая нагрузка.

По УПК Российской Федерации ускоренное производство называют дознанием в сокращенной форме (гл. 32.1). Оно может осуществляться:

- 1) по правилам о подследственности, уголовное дело расследует орган дознания;
- 2) если на момент возбуждения уголовного дела установлено лицо, совершившее преступление;
- 3) лицо, совершившее преступление, полностью признает свою вину;
- 4) подозреваемый ходатайствует о данной процедуре;
- 5) отсутствуют препятствия к такому производству, предусмотренные ст. 226.2 УПК Российской Федерации.

Срок производства дознания в сокращенной форме — 15 суток, по постановлению дознавателя он может быть продлен прокурором на срок до 20 суток.

В УПК Республики Беларусь для данного вида производства установлен срок 10 суток, который на основании постановления следователя может быть продлен с согласия начальника следственного подразделения или его заместителя до 15 суток. Завершает расследование уголовного дела следователь по правилам главы 30 УПК Республики Беларусь.

Общая тенденция деятельности рассматриваемых органов обоих государств проявляется и в том, что они осуществляют прием сообщений о преступных деяниях, проверку по ним и принятие соответствующего решения. В обоих УПК четко регламентирован перечень процессуальных действий, которые вправе осуществляться до возбуждения уголовных дел.

Резюмируя, подчеркнем, что УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь наделяют орган дознания такими полномочиями, как производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам; прием и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся преступном деянии; проведение проверки по заявлению или сообщению о преступном деянии, принятие по ним решения.

Дознание по действующему законодательству Республики Беларусь, с одной стороны, является формой предварительного расследования, с другой

стороны, осуществляется для проведения неотложных процессуальных действий до момента передачи собранных материалов органам предварительного следствия для дальнейшего расследования.

Традиционным в рассматриваемой сфере в российском законодательстве следует считать два вида дознания: в общем порядке и в сокращенной форме, которое осуществляется только по преступлениям, по которым предварительное следствие не является обязательным (перечень их представлен в ст. 150 УПК Российской Федерации). В соответствии со ст. 157 УПК Российской Федерации, на орган дознания возлагается производство неотложных следственных действий, однако данный вид деятельности не образует формы расследования, поскольку предполагает лишь временное замещение следователя в случаях его отсутствия при условии необходимости производства следственных действий, не терпящих отлагательства.

Конечно, модель организации деятельности дознания в российском уголовном судопроизводстве еще далека от идеальной и требует всестороннего анализа и корректировки законодательной регламентации. Вместе с этим белорусский и российский варианты ускоренного производства дознания в уголовном процессе позволяют увидеть общую тенденцию в развитии законодательства.

По мнению автора, представляется обременительным возложение полномочий по дальнейшему расследованию, начатому органом дознания, на органы следствия в Республике Беларусь. Считаем, что действующий процессуальный порядок значительно расширяет объем работы следователей. В этой связи представляется рациональным дифференцированно подойти к расследованию преступлений различной степени общественной опасности. Это может проявляться как в уголовно-процессуальном разграничении в виде перераспределения подследственности между сотрудниками органа дознания и следователями, так и в ведомственной градации, например, в формате «старший следователь и следователь», где в компетенцию последнего стоит включить расследование преступлений только небольшой и средней тяжести. Распределение компетенции по расследованию преступлений среди следователей на ведомственном уровне, на наш взгляд, обеспечит справедливое распределение нагрузки среди должностных лиц с учетом их профессионального опыта.

---

1. Нечаева В. А. О нормативной дефиниции дознания в уголовном процессе Республики Беларусь // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. 2015. № 14. С. 192–196. [Вернуться к статье](#)

2. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-З : с изм. и доп.

от 01.06.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 сент. 2011 г., № 409. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

Г. Г. Мурадян

*старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России*

И. А. Бондарук

*курсант 4 «К» курса
факультета подготовки экспертов-криминалистов
и оперативных сотрудников полиции
Волгоградской академии МВД России*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

В современных условиях, когда виртуальный мир становится площадкой для совершения кибердиверсий, кибертерроризма, использования цифрового оружия, гибридных войн, вмешательство в государственную деятельность высших органов власти, потенциал привлечения к уголовной ответственности конкретных лиц, которые специализируются на вышеизложенном, должен быть, безусловно, востребован. Киберпреступники бросили своеобразный вызов научному сообществу, правоохранительным органам и всему человечеству. Киберпреступники — это особый психотип людей, не достаточно изученный, большинство из них — непосредственные исполнители, исполняющие заказ за определенное вознаграждение. Этими людьми движет не только корысть, но и интерес к решению сложной задачи.

Киберпреступность проникла и в сферу обеспечения военной безопасности, что обусловило необходимость научных учебных разработок процессуальных и криминалистических основ расследования преступлений в вооруженных формированиях. Одним из таких направлений является институт оружейведения — криминалистического исследования киберцифрового оружия, которое используется для кибертерроризма при ведении гибридных войн. Механизм совершения таких преступлений предопределяет необходимость эффективного криминалистического противодействия со стороны правоохранительных органов, что вызывает потребность высококлассных специалистов в рядах органов полиции. Однако сейчас в этих областях зачастую работают люди, пришедшие после окончания гражданских вузов, поэтому одним из приоритетных направлений развития образования в системе Министерства внутренних дел является обучение специалистов именно в компьютерной сфере.

На базе ведомственных учебных заведений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации стали внедряться специализированные образовательные программы по курсам «Безопасность информационных технологий» (Санкт-Петербургский университет МВД России), «Факультет информационной безопасности» (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя), «Компьютерная безопасность» (Воронежский институт МВД России). Тем не менее на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока подготовка специалистов необходимого профиля практически не ведется, хотя потребность в них достаточно велика [1, с. 66]. В 2021 году впервые Центральный Банк инициировал процедуру по изучению преподавательским составом ведомственных образовательных учреждений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации курса по кибербезопасности. В качестве лекторов и семинаристов выступали эксперты Центрального банка, специалисты IT-компаний и приглашенные гости, имеющие опыт практической деятельности в указанном направлении.

Таким образом, проведение обучающих курсов, введение специальных дисциплин представляется востребованным в современных реалиях.

---

1. Несмеянов А. А., Подопригора А. Г. Подготовка специалистов в области информационной безопасности как важнейшее направление в системе профессионального обучения сотрудников полиции // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2011. № 1. С. 66. [Вернуться к статье](#)

А. А. Насонов

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук*

РОЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Производство следственных и иных процессуальных действий образует существенный сегмент уголовно-процессуальной деятельности. В рамках него осуществляется прежде всего собирание доказательств и применение мер процессуального принуждения. Данное звено уголовно-процессуальной деятельности функционирует в виде механизма. Механизм производства следственных и иных процессуальных действий в Российской Федерации включает в себя самые разнообразные элементы. Важное место среди них отводится согласительным средствам, применение которых необходимо в случаях, предусмотренных законом. Примечательно, что законодатель ориентирует на их применение в первую очередь при производстве следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан. О них содержится упоминание в ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК). К числу таких действий относятся, например, производство обыска и (или) выемки в жилище, контроль и запись телефонных и иных переговоров, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий, наложение ареста на имущество и др. [1]. Эти и другие действия, указанные в ст. 29 УПК, требуют предварительного согласования либо у руководителя следственного органа, либо у прокурора в зависимости от того, кто осуществляет расследование преступления. Перед обращением с соответствующим ходатайством в суд следователь обязан получать согласие у руководителя следственного органа, а дознаватель — у прокурора. В контексте сказанного важно помнить и то обстоятельство, что не все следственные и иные процессуальные действия требуют прохождения процедуры согласования. Например, избрание такой меры пресечения, как подписка о невыезде, а также производство такого следственного действия, как осмотр, за исключением осмотра в жилище, осуществляется вне процедуры согласования.

Однако даже в тех случаях, когда выполнение отдельных процессуальных действий не требует согласования у руководителя следственного органа или прокурора, иногда необходимо получение согласия у других лиц, в том числе у тех, которые не обладают властными полномочиями. Так, в ходе допроса

подозреваемого, обвиняемого участвующий в нем защитник вправе задавать вопросы допрашиваемому только с согласия следователя или дознавателя (ч. 2 ст. 53 УПК). Избрание такой меры пресечения, как личное поручительство, также предполагает получение согласия как у лица, в отношении которого избирается указанная мера пресечения, так и у заслуживающих доверие лиц, которых избирают в качестве поручителей (ч. 2 ст. 103 УПК).

Согласование в уголовном судопроизводстве России представляет собой уголовно-процессуальную деятельность, которая структурирована. К ее структурным элементам относятся цель согласования, этапы согласования, субъект согласования, объект согласования, способы согласования, этапы согласования. Цель согласования заключается в получении у того или иного лица одобрения на совершение процессуального действия, принятие решения, требующих по закону согласования. Задачи согласования сводятся к созданию благоприятных условий для получения такого одобрения, а также для профилактики нарушений в сфере согласования. Субъектами согласования могут быть: субъекты, запрашивающие согласие у тех или иных лиц; носители согласия из числа тех, кто вправе одобрить то или иное действие или решение в уголовном судопроизводстве (указанное одобрение имеет юридически значимый характер). К средствам согласования следует относить те действия, с помощью которых достигается консенсус между участниками согласовательных отношений. Все перечисленные составляющие согласования (цель, согласие, средства, объект, субъекты) раскрывают его статическую сторону.

Наконец, этапы согласования, представляющие динамическую сторону указанного вида деятельности, включают в себя не только инициирование процедуры согласования, рассмотрение соответствующего обращения, но и принятие решения (согласия либо несогласия), а также его обжалование в порядке, установленном законом.

Все приведенные структурные элементы в своей взаимосвязи обеспечивают функционирование механизма согласования, в свою очередь, необходимого для работы других уголовно-процессуальных механизмов. Как правило, последние являются механизмами более высокого порядка по сравнению с механизмом согласования. Механизм согласования является лишь составляющей более сложных механизмов, к которым следует относить также механизм производства следственных и иных процессуальных действий.

Если сравнивать механизм согласования с обслуживающими его механизмами более высокого порядка, то необходимо заметить следующее. Механизм согласования является одним из необходимых условий функционирования более сложного механизма (в частности, механизма производства следственных и иных процессуальных действий). Несоблюдение указанного условия в случаях, предусмотренных законом, приводит к ничтожности системы, определяемой

указанным условием. Правда, к данным последствиям приводит не только отказ от согласования в случаях, предусмотренных законом, но и несоблюдение в ходе согласования требований, предъявляемых к нему. Среди таких требований следует назвать добровольность, ясность, соблюдение в подавляющем большинстве письменной формы выражения согласия.

Отличительных особенностей между системой согласования и механизмом производства следственных и иных процессуальных действий немало. К их числу следует относить прежде всего способ, который взят на вооружение указанных систем. Механизм согласования предполагает использование только способа убеждения. Только он может обеспечить добровольность согласия как формы волеизъявления лица. В пользу сказанного свидетельствует эволюция института согласия, применяемого в уголовно-процессуальных отношениях. На более ранних исторических этапах развития как российского, так и зарубежного государства широко было распространено принуждение в отношениях, возникающих в связи с производством по уголовному делу. Особенно эта картина была типична для средневековья, когда согласие лица с обвинением, выдвигаемым против него, получали под пытками. Естественно, такое согласие не имело ничего общего с добровольным волеизъявлением лица. В XIX веке в России был введен запрет на применение пыток, и этому правилу старались следовать и в последующие исторические эпохи. Правда, имели место и отступления от него. Более того, соответствующие нарушения допускались и в период действия УПК, о чем свидетельствуют решения судов. Например, 1 марта 2024 г. Нерюнгринский городской суд Республики Саха (Якутия) огласил приговор трем сотрудникам полиции, применявшим недозволенные методы. Они были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Объясняется это тем, что «искоренить многолетнюю практику насилия одной поправкой или даже целым законом невозможно» [3, с. 138]. Требуются масштабные меры, включающие в том числе и решение проблем в сфере правоприменения. Одна из таких проблем, как верно отмечает Ж. Д. Антонова, обусловлена потребностью в высококвалифицированной правоприменительной деятельности, предполагающей повышение уровня правосознания [4, с. 105].

Механизм согласования отличается от механизма производства следственных и иных процессуальных действий по субъектам. Если в первой конструкции субъектами соответствующих правоотношений являются лицо, запрашивающее согласие, и лицо, которое формирует согласие (носитель согласия), во второй конструкции участники правоотношений представлены лицом, осуществляющим производство следственных и иных процессуальных действий, и другими участниками указанных действий.

Первый из указанных участников в механизме согласования выполняет роль лица, запрашивающего согласие на выполнение соответствующего действия. Однако если речь идет о производстве следственных и иных процессуальных действий, не требующих судебного разрешения и соответствующего согласования, то лицо, выполняющее указанные действия, меньше всего будет касаться отношений согласования.

Другой стороной правоотношений, складывающихся в ходе производства указанных следственных и иных процессуальных действий, являются другие участники данных следственных и процессуальных действий. Как правило, это лица, не наделенные властными полномочиями (например, обвиняемый, потерпевший, защитник и др.). В определенных случаях они могут быть вовлечены в согласование. Например, защитник, участвующий в производстве следственного действия, может задавать вопросы допрашиваемым лицам только с разрешения следователя (ч. 2 ст. 53 УПК).

Отличие механизма согласования от механизма производства следственных и иных процессуальных действий просматривается и в способах. Так, способами согласования являются действия, создающие условия для согласования. Они предшествуют согласованию. Например, чтобы получить согласие руководителя следственного органа на производство обыска в жилище, следователю необходимо подготовить соответствующее ходатайство (выносится постановление) и обратиться с ним к указанному руководителю. Для производства указанного вида следственного действия требуется не только согласование, но и выполнение других действий, которые можно считать способами их производства. К ним следует относить не только подготовительные действия для согласования обыска в жилище с соответствующими субъектами, но и рассмотрение соответствующего ходатайства судом, а также вынесение решения, разрешающего выполнение этого действия. Кроме того, должны быть выполнены действия, предусмотренные ст. 164 и 182 УПК (например, составление протокола, удостоверение в личности участников следственного действия, разъяснение им права и др.).

Определенные отличия механизма согласования и механизма производства следственных и иных процессуальных действий наблюдаются в их объекте. Так, в механизме согласования объектом являются действия, подлежащие согласованию. В механизме производства следственного и иного процессуального действия объектом будут не только действия, нуждающиеся в согласовании, осуществляемые по поводу их производства (например, выемка в жилище), но и действия, выполнение которых не требует согласования (например, допрос свидетеля).

Проведенное сравнение механизма согласования и механизма производства следственного действия позволяет увидеть не только отличительные черты

указанных механизмов, но и общие черты и даже их тесную взаимосвязь. Во-первых, систему согласования и механизм производства следственных и иных процессуальных действий объединяет общая черта: они работают на благо более фундаментального механизма — механизма уголовно-процессуального регулирования. Во-вторых, механизм согласования для производства некоторых следственных действий становится одним из необходимых способов их реализации. Игнорирование его применительно к тем следственным и процессуальным действиям, которые требуют согласования, может в конечном счете привести к утрате доказательств, собранных в ходе них.

В заключение следует отметить, что согласование зачастую является важным и необходимым инструментом в составе механизма производства следственных и иных процессуальных действий. Оно позволяет не только достичь определенного компромисса между участниками уголовного судопроизводства, но и проконтролировать производство указанных действий с точки зрения законности.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Михайлова М. Вынесен приговор трем якутским полицейским, выбивавшим показания из задержанных [Электронный ресурс] // SM.NEWS : [сайт]. URL: <https://yakutsk.sm.news/news/20240302/676769/> (дата обращения: 20.03.2024). [Вернуться к статье](#)

3. Железняк А. В. Проблема применения пыток на этапе дознания и предварительного следствия в России // Science Time. 2014. С. 133–139. [Вернуться к статье](#)

4. Антонова Ж. Д. Роль правоприменительной деятельности в формировании правосознания // Приволж. науч. вестн. 2015. № 2 (42). С. 104–105. [Вернуться к статье](#)

Г. А. Павловец

*доцент кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Д. А. Быков

*курсант 3 курса
факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь*

О ПРОБЛЕМЕ КОПИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) активно используется понятие «электронный носитель информации». Учитывая, что данная категория в настоящее время более чем важна для деятельности органов, ведущих уголовный процесс, было бы целесообразно дать понятие данной категории и облачить в процессуальные нормы такое важное процессуальное действие, как копирование информации с электронных носителей.

Также в уголовно-процессуальной доктрине активно обсуждается вопрос о самостоятельности такого процессуального действия, как копирование информации с электронных носителей. Забегая вперед, стоит отметить, что, хоть данное процессуальное действие и имеет свое законодательное закрепление, авторам видится необходимым поднятие вопроса об определенном совершенствовании данной правовой нормы.

Анализируя законодательство стран постсоветского пространства, представляется важным отметить, что обозначенная проблематика характерна не только для нашего государства, но и для уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Республики Армения, Азербайджанской Республики и др.

Наибольший интерес с точки зрения копирования информации с электронных носителей информации представляет уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Так, 28 июля 2012 г. Федеральным законом № 143-ФЗ [1] в российское уголовно-процессуальное право введен термин «электронный носитель информации», а также предусмотрен ряд специальных правил, определяющих порядок хранения и изъятия данных, содержащихся на компьютере. Наиболее значительным нововведением данного нормативного правового акта стало появление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации) [2] новой процедуры,

связанной с копированием цифровых данных на другой носитель информации для последующей его передачи законному владельцу. В дальнейшем Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [3] эта процедура была уточнена и дополнена.

В настоящее время, согласно ч. 2.1 ст. 82 УПК Российской Федерации, после производства неотложных следственных действий в случае невозможности возврата законному владельцу изъятых в ходе производства следственных действий электронных носителей информации содержащаяся на этих носителях информация копируется.

Отличительной особенностью процедуры копирования является то, что она проводится только по ходатайству законного владельца изъятых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации, то есть не является обязательной к производству без соответствующего заявления. Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации обязывает заинтересованное лицо предоставить свой собственный носитель информации для копирования и устанавливает участие при производстве данного процессуального действия специалиста, понятых и самого обладателя цифровых данных (либо же законного владельца электронного носителя). Законодатель также определил и место проведения копирования: подразделения органов предварительного расследования или суд.

Помимо этих условий, уголовно-процессуальным законом Российской Федерации предусматриваются некоторые меры предосторожности: при копировании информации должны обеспечиваться условия, исключающие возможность ее утраты или изменения, а передача сведений в электронной форме их законному владельцу не должна воспрепятствовать расследованию преступления. Ход самой процедуры копирования фиксируется путем составления отдельного протокола, что, по сути, дает основание утверждать о введении в УПК Российской Федерации нового процессуального действия.

В российской правовой доктрине ведутся споры о том, целесообразно ли признать копирование информации с электронных носителей новым следственным действием [4, с. 23], однако представляется, что такое высказывание является спорным, так как суть следственного действия заключена в получении новой информации, а электронные носители, с которых уполномоченные на то лица копируют информацию, делают это с уже изъятых и приобщенных к материалам уголовного дела носителей. Важно отметить, что рассматриваемое процессуальное действие направлено на обеспечение интересов законного владельца электронного носителя информации, которых он был принудительно лишен.

Таким образом, до введения в действие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ [5] в УПК Российской Федерации существовали две правовые

нормы — ч. 9¹ ст. 182 и ч. 3¹ ст. 183 УПК Российской Федерации, согласно которым копирование информации с одного электронного носителя на другой допускалось в ходе обыска либо выемки и не оформлялось как отдельное процессуальное действие, но при этом в протоколе ставилась отметка об осуществлении копирования.

Однако в данных процедурах имелись значительные отличия. Так, если ч. 2.1 ст. 82 УПК Российской Федерации указывает на необходимость обеспечения условий, исключающих возможность утраты или изменения информации, независимо от того, кто должен сделать вывод о наличии таких условий — следователь или специалист, то ч. 9¹ ст. 182 и ч. 3¹ ст. 183 УПК Российской Федерации прямо указывалось на обязательное участие специалиста. Он в данном случае выступал как лицо, которое могло заявить о невозможности проведения копирования, так как оно способно привести к утрате или изменению значимых для дела сведений.

В такой ситуации представлялось, что обязательство привлекать специалиста к участию в обыске, в отличие от выемки, является спорным, ведь возложение обязанности на специалиста при производстве обыска или выемки заявить о возможности утраты или изменения информации по сути освобождает следователя от выполнения таких же обязанностей, если от специалиста не поступило соответствующего предупреждения. При этом в случае, когда копирование информации производится в качестве отдельного процессуального действия, обязанность обеспечить условия, не допускающие возможности внести изменения в компьютерную информацию, уже возлагается на следователя.

С вступлением в юридическую силу Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ [5] в УПК Российской Федерации была введена ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Согласно данной правовой норме, изъятие электронных носителей информации должно проводиться с обязательным участием специалиста, а осуществлять копирование информации с электронных носителей вправе сам следователь, что вытекает из буквального толкования ч. 3 ст. 164.1 УПК Российской Федерации, где специалист даже не упоминается. То есть можно заметить, что, несмотря на то, что законодатель вынес такие важные процессуальные действия, как изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации в отдельную статью, он не избавился от описанной выше проблемы.

Возвращаясь к уголовно-процессуальному закону Республики Беларусь, стоит отметить, что в нашем государстве вышеописанные изменения были введены законодателем гораздо позже. Данный институт был введен в УПК Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З [6], которым было

предусмотрено появление в ст. 204 части 3¹ [7], которая в целом повторяет общие положения ст. 164.1 УПК Российской Федерации.

По мнению автора, законодателю стоит прибегнуть к некоторым доработкам в рассматриваемой теме.

Так, в контексте обеспечения аутентичности сохранности полученных данных с электронных носителей видится целесообразным введение в ч. 3¹ ст. 204 УПК Республики Беларусь обязательного участия специалиста при изъятии электронных носителей информации и копировании данных из них. Такой шаг связан в первую очередь с тем, что электронные носители информации имеют свойства изменять информацию при работе с ними, недопущение чего требует специальных знаний в данной сфере.

Таким образом, подводя итог рассуждениям, необходимо отметить, что вопрос копирования информации с электронных носителей является актуальным и своевременным. Учитывая вышеописанную проблематику и предложения, видится необходимым на более глубоком теоретическом уровне осмыслить данную проблему, в том числе с учетом анализа подобного опыта в других государствах.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 28 июля 2012 г., № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 29 нояб. 2012 г., № 207-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 дек. 2018 г., № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Зуев С. В. Электронное копирование информации — регламентация в УПК // Законность. 2013. № 8 (946). С. 23. [Вернуться к статье](#)

6. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 85-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

Н. В. Перегудова

начальник отдела ФГБУ

*«Всероссийский ордена “Знак Почета” научно-исследовательский институт
противопожарной обороны МЧС России»*

ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВЕДУЩИЙ КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ

Время совершения преступления является первыми и оперативными данными, входящими в систему элементов, образующих событие общественно опасного преступного деяния, с которых и начинается процесс доказывания. Доказывание свершенного события преступного деяния предполагает полное и всестороннее выяснение всех объективных обстоятельств дела, необходимых для правильной квалификации преступления по признакам объекта и объективной стороны состава преступления, в том числе время совершения преступления. Кроме того, неустановление времени начала совершения преступления, к примеру, длящихся преступлений не позволяет определить срок давности привлечения виновного лица к уголовной ответственности и, соответственно, затрудняет правоприменительную деятельность [1].

Рассматриваемый вопрос с давних пор является предметом многочисленных дискуссий по разным составам преступлений, и исследователи, опираясь на общие основы уголовного законодательства, считают, что моментом совершения преступления с формальным составом рекомендуется считать непосредственно само общественно опасное деяние, а при рассмотрении преступлений с материальным составом необходимо учитывать именно наступление общественно опасных последствий совершенного деяния [2; 3].

Факт времени совершения преступления, несмотря на то, что является факультативным признаком преступления, может как выступать самостоятельно, так и находиться в неразрывном единстве с иными элементами конструктивной модели правовой конструкции общественно опасного деяния: возраст лица, при достижении которого возникает уголовная ответственность применительно ко времени совершения преступления (ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК)), вменяемость лица во время совершения преступления (ст. 22 УК), совершение преступлений несовершеннолетними с привязкой ко времени совершения преступления (ст. 87 УК), а также совершение деяний во время или сразу же после родов (ст. 106 УК), невозвращение в установленный срок (ст. 190 УК), во время прохождения военных сборов (ст. 331 УК) [4; 5].

То есть указанные ссылочные диспозиции правовых норм уголовного законодательства наглядно демонстрируют установление того или иного юридического факта через призму времени совершения преступления.

Положения ч. 2 ст. 9 УК приводят формулировку времени совершения преступления, в основе которой предлагается временем совершения преступления считать период совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Приведенное общее толкование данного понятия вызывает определенного рода трудности в процессуальной практике. По мнению исследователей, представленная норма-дефиниция не учитывает материальных составов уголовных преступлений, которые юридически окончены по факту наступления последствий, и того, что считать временем совершения таких преступлений [6]. Данная норма права связывает время преступления только со временем совершения общественно опасного действия или бездействия, не учитывая и не принимая во внимание наступление определенного характера последствий. По мнению исследователей, если в деянии отсутствует необходимый элемент или признак состава, деяние не может называться преступлением [7]. В первой части представленной формулировки речь идет о преступлении как о деянии, содержащем все признаки состава, а во второй части преступлением признается лишь деяние в случае, когда состав в общественно опасном деянии представлен не в полном объеме.

То есть сторонники представленной позиции смешивают понятия «время совершения преступления» и «время окончания преступления». Возможно, уголовное законодательство вполне справедливо не увязывает время совершения преступления в материальных составах с моментом наступления последствий. Обращаясь к положениям ст. 14 УК, отметим, что преступлением следует признавать прежде всего общественно опасное деяние как результат человеческого поведения, который подлежит уголовно-правовой оценке. Результат такого деяния может не наступить в силу возникновения ряда причин. Если в материальных составах преступлений отождествлять время совершения преступления со временем наступления последствий, то в таком случае невозможно будет решить вопрос уголовно-правовой оценки приготовления к преступлению и покушения на преступление, в которых исключается наступление последствий как таковых. Время является фактором чисто юридическим, обладающим определенными признаками:

- 1) период, в течение которого совершается определенное общественно опасное деяние;
- 2) период длительности времени, в течение которого совершались действия, оказывающие влияние на правовую оценку противоправного деяния;

3) период, отрезок времени, характерный для выполнения объективной стороны преступления или его части, достаточной для уголовно-правовой оценки противоправного деяния.

С понятием времени также связывают и иные периоды. Так, к примеру, под днем совершения преступления, с которого начинается течение и исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует в контексте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 понимать день совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий [8].

Если признать временем совершения преступления с материальным составом преступления момент наступления последствий, то возможно осуществить юридическую оценку деяния, не считавшегося преступлением на момент его совершения. В таком случае можно согласиться со следующим правилом: лицо, совершившее деяние, не являющееся преступлением, не может подлежать уголовной ответственности даже в том случае, если наступившие последствия стали в дальнейшем расцениваться в качестве преступных посягательств в силу изменения уголовного законодательства. Практически все неосторожные преступления, которые лишены стадий приготовления и покушения, к которым можно отнести неосторожное причинение смерти, экологические преступления с массой последствий, вплоть до наступления последствий, указанных в таких составах, преступлениями быть не могут. Противоправное деяние в таких случаях становится преступлением только при наличии определенных правовых последствий. А вот исследователи М. И. Блум и А. А. Тилле, наоборот, считали, что в преступлениях, где результат отдален во времени от вызвавшего его деяния, временем совершения преступления будет время совершения самого деяния, образующего объективную сторону конкретного преступления [9].

В таком контексте представленная правовая конструкция ч. 2 ст. 9 УК свидетельствует о том, что временем совершения преступления можно считать время совершения действия или бездействия, не содержащих признаков состава преступления, и еще не известно, будет ли оно содержать такие признаки. Данная правовая конструкция применима к некоторым преступлениям. В качестве примера приведем положения ст. 168 УК, устанавливающей меры уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности, время совершения преступления можно установить при наличии следующей конструктивной правовой модели: уничтожение или повреждение имущества, которое с точки зрения принадлежности должно быть чужим и совершение деяния в крупном размере, иначе правовая модель не складывается.

Приведенные примеры демонстрируют, что время совершения преступления имеет очень серьезное правоприменительное значение в судебной практике. Уголовное судопроизводство должно быть основано и построено на базисе и

с учетом основополагающих принципов уголовного права. Положения, изложенные в действующей редакции ч. 2 ст. 9 УК, с учетом построения конструктивных особенностей уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния нарушают следующие принципы: принцип равенства всех перед законом, гарантию справедливой правовой защиты граждан, потерпевших от преступления, принцип законности, так как признает преступлением деяние, не обладающее всеми необходимыми признаками такового.

Такая законодательная правовая конструкция нуждается в пересмотре и внесении соответствующих изменений с учетом того, что данные изменения обязательно коснутся диспозиции статей уголовного законодательства, где уголовная ответственность поставлена в зависимость от вариантов множественности (преюдиция, неоднократность, прежняя судимость и т. д.).

Таким образом, проведенные ранее исследования в рассматриваемой предметной области и изучение научных подходов исследователей к этой проблеме позволяют представить понятие «время преступления» как период времени, обладающий хронологическими признаками с определенными действиями, способными повлиять на уголовно-правовую оценку преступления как общественно опасного и противоправного деяния.

---

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. 672 с. [Вернуться к статье](#)

2. Арестова Е. Н., Борбат А. В. Проблемы доказывания времени и места совершения преступления по уголовным делам о манипулировании рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации // Российский следователь. 2019. № 6. С. 17–20. [Вернуться к статье](#)

3. Черкасова Е. Б., Шакирова А. А. К вопросу о времени совершения преступления // Основные тенденции развития рос. законодательства. 2011. № 6. С. 87–88. [Вернуться к статье](#)

4. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : моногр. СПб. : Знание : СПБИНВЭСЭП, 2000. 279 с. [Вернуться к статье](#)

5. Иванов Н. Г. Время совершения преступления // Уголовное право. 2018. № 2. С. 37–41. [Вернуться к статье](#)

6. Игнатов А. Н. Введение в изучение уголовного права. Уголовный закон. Общая часть. Лекция 1 / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М. : Норма, 1996. 55 с. [Вернуться к статье](#)

7. Желоков Н. В., Иванова А. В., Калашникова М. В. Время и место совершения преступления [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 183–185. URL: <https://moluch.ru/archive/399/88347/> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Новокшенов Д. В., Шевченко К. В., Шеншин В. М. О криминализации воинских преступлений: краткий комментарий к Федеральному закону от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ // Закон и право. 2023. № 11. С. 250–256. [Вернуться к статье](#)

9. Шеншин В. М., Погадаева Я. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 83–88. [Вернуться к статье](#)

О. Е. Политыко

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Допрос в уголовном судопроизводстве является одним из самых распространенных следственных действий. Данное понятие раскрывается как получение в установленном законом порядке должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, от участвующих лиц информации о фактах, которые подлежат установлению, ее дальнейшая фиксация в протоколе следственного или судебного действия, в приложениях к протоколу в виде схем, аудио-, кино- и видеозаписи. Вследствие допроса образуются такие доказательства, как показания эксперта, свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, специалиста.

Анализ российской правоприменительной практики свидетельствует о том, что следователи стараются по делам реже допрашивать несовершеннолетних, поскольку в виду возраста лица, его психического состояния они не могут объективно оценивать и воспринимать происходящие события. Но если несовершеннолетние стали жертвами, единственными очевидцами преступных посягательств либо вовсе совершили противоправное деяние, то они выступают в качестве обязательных участников дела. В связи с этим у правоприменителя отсутствует возможность не проводить с ними следственные действия.

Допрос несовершеннолетних, оценка их показаний представляют собой трудную задачу даже для опытных следователей. При проведении допроса с участием несовершеннолетних законодательство различных стран предусматривает обязательное участие педагога и (или) психолога, при этом наделяя данных лиц правами и обязанностями. В России складывающаяся по этому поводу ситуация приводит к тому, что статус данных участников законодательно не закреплен, что, в свою очередь, порождает множество дискуссий относительно данной проблемы не только в теории, но и в практической деятельности, в связи с чем изучение опыта зарубежных стран, а именно опыта Республики Беларусь, выявление достоинств и недостатков его уголовно-процессуального законодательства позволит не только всесторонне оценить нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации), но и определить направления их дальнейшего совершенствования. Все вышесказанное обуславливает актуальность поднимаемой нами темы.

В связи с участием в производстве по уголовному делу несовершеннолетнего лица законодатель, как уже было сказано ранее, предусмотрел обязанность должностных лиц по привлечению педагога и (или) психолога при проведении следственных действий с их участием.

Учитывая данный факт, одним из основных критериев вовлечения данных лиц в уголовно-процессуальные отношения на стадии досудебного производства по уголовному делу является то, что участник уголовного процесса не достиг возраста 16 лет (в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) — 14 лет), либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством или обладает признаками отставания в психическом развитии. Исследуя положения российского уголовно-процессуального закона, мы заметили, что в нем нет нормы, которая регулирует процессуальный статус педагога и психолога, а также отсутствуют условия признания и основания привлечения их в таком качестве, чего не скажешь о законодательстве дружественной нам страны — Республики Беларусь.

Рассмотрим детально положения российского законодательства относительно поднятой нами проблемы. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует правовая регламентация процессуального статуса таких участников, как педагог и психолог, несмотря на то, что законодатель предусматривает их участие в ряде следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетних, например: при проведении допроса, при избрании меры пресечения, при привлечении лица в качестве обвиняемого, в момент ознакомления лица с материалами уголовного дела и прочих.

Отсутствие единого мнения ученых относительно данного вопроса порождает проблемы в правоприменительной деятельности. Так, Е. В. Стрельцова указывает, что данные субъекты являются носителями специальных знаний и привлекаются к допросу в качестве специалистов [1, с. 19]. О. Ю. Скичко предлагает в УПК Российской Федерации заменить термин «педагог» на термин «специалист в области возрастной или педагогической психологии» и процессуально регламентировать его участие, как обязательное, так и факультативное, во всех следственных действиях с участием несовершеннолетних [2, с. 33].

Отметим, что, несмотря на распространенность в нашей науке аналогичных точек зрения о статусе педагога, психолога, УПК Российской Федерации, в отличие от законодательства ряда стран Содружества Независимых Государств, в том числе Республики Беларусь, не причисляет их к специалистам. Однако, несмотря на отсутствие процессуального статуса данных лиц в российском законодательстве, в ряде статей, например, в ч. 3 ст. 280, ч. 5 ст. 425 УПК Российской Федерации [3], содержатся права педагога (психолога), к числу которых относится право задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему и свидетелю с разрешения должностного лица, в производстве которого находится

дело; делать подлежащие внесению в процессуальные документы замечания; знакомиться с содержанием протокола следственного действия, в котором он принимал участие, и подписывать его. При этом обязанностей данного участника законодатель не предусматривает.

Рассматривая же положения, закрепленные в УПК Республики Беларусь, мы выявили, что законодатель предусмотрел все те нюансы и пробелы, вокруг которых в России возникает немало дискуссий.

Например, ч. 1 ст. 62 УПК Республики Беларусь содержит положения, регламентирующие процессуальный статус специалиста и приравнивающие к нему педагога и психолога, участвующего в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, тем самым определяя статус указанных лиц, которые вступают в уголовно-процессуальные отношения с участием несовершеннолетних [4].

Исходя из положений вышеназванной статьи, специалист — это не заинтересованное в исходе дела лицо, которое обладает специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств. В рамках данной статьи (в ч. 2–4) предусмотрены права, обязанности и ответственность специалиста.

Учитывая данное положение, ни у кого не возникает сомнений, что и педагог, и психолог действительно являются носителями специальных знаний. Они обладают познаниями в области педагогики, детской и юношеской психологии, в связи с чем статус данных участников и был закреплен в УПК Республики Беларусь. Складывающаяся относительно данного вопроса ситуация в России приводит к тому, что в правоприменительной деятельности возникает немало вопросов об определении статуса педагога и психолога, а также особенностей их дальнейшего приглашения к участию в следственных и судебных действиях с участием несовершеннолетних в виду возраста и психологического состояния данных лиц.

Рассматривая положения, регулирующие правоотношения, возникающие на досудебном этапе уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что ч. 1 ст. 221 УПК Республики Беларусь по своей сути схожа с ч. 1 ст. 191 УПК Российской Федерации, поскольку предусматривает участие педагога и (или) психолога при производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Данные нормы предусматривают альтернативные действия должностных лиц по привлечению дополнительных участников в процессуальные отношения, то есть лицо, осуществляющее расследование, самостоятельно определяет,

в каком случае, исходя из материалов уголовного дела, необходимо пригласить педагога, а в каком случае — психолога.

Основным же отличием данных статей является возраст несовершеннолетнего участника: УПК Российской Федерации предусматривает привлечение педагога и (или) психолога в том случае, если лицо не достигло возраста 16 лет либо достигло этого возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии; УПК Республики Беларусь предусматривает участие данных лиц в том случае, если потерпевший или свидетель не достигли возраста 14 лет, а по усмотрению лица, осуществляющего досудебное расследование, и в том случае, если лицо не достигло 16 лет, то есть независимо от наличия у него какого-либо психического заболевания.

Альтернативность нормы приводит к тому, что в правоприменительной практике обеих стран возникают вопросы относительно того, какого конкретно участника следует вызвать при проведении следственного действия, в том числе и допроса, с участием несовершеннолетнего.

Рассматривая проблематику участия педагога и психолога при производстве процессуальных действий в суде, необходимо отметить, что ч. 1 ст. 332 УПК Республики Беларусь предусматривает при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению суда — в возрасте от 14 до 16 лет, во время судебного разбирательства обязательное участие именно педагога.

Регулирование схожих отношений содержится и в ч. 1 ст. 280 УПК Российской Федерации, согласно которой педагог участвует при допросе в том случае, если лицо не достигло возраста 16 лет, но на усмотрение суда он также может стать участником допроса данных лиц в возрасте от 16 до 18 лет либо в тех случаях, когда у лиц имеются физические или психические недостатки.

Рассматривая особенности участия данных лиц при проведении допроса несовершеннолетнего уголовно преследуемого лица, следует отметить, что в УПК Российской Федерации педагог (психолог) привлекается аналогично, как и при допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, то есть до достижения данным лицом возраста 16 лет, либо в том случае, если лицо достигло данного возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК Российской Федерации). В нормах УПК Республики Беларусь предусмотрено участие данных лиц лишь по усмотрению лица, ведущего расследование, то есть основывается на субъективном мнении должностного лица. Однако с учетом возраста при привлечении к уголовной ответственности участие педагога (психолога) при допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) как в России, так и в Республике Беларусь возможно лишь с 16 лет, за исключением случаев, когда ответственность за совершенное преступление наступает с 14-летнего возраста.

Подводя итоги и обобщив зарубежный опыт, а в данном случае нормы и положения уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, мы считаем, что необходимо включить в УПК Российской Федерации положения, касающиеся статуса педагога и психолога, либо приравнять их к процессуальному статусу специалиста, как было сделано в УПК Республики Беларусь.

Таким образом, учитывая тот факт, что законодатель предусмотрел в п. 62 ст. 5 УПК Российской Федерации определение такого участника, как педагог, по аналогии с ним мы решили выделить основные требования к такому участнику, как психолог.

Выделив основные требования к такому участнику, как педагог, мы предлагаем законодательно урегулировать статус психолога, дополнив ст. 5 УПК Российской Федерации п. 63, изложив его в следующей редакции: «Психолог — лицо, имеющее высшее психологическое образование, специализирующееся в области детской, подростковой и (или) юношеской психологии, а также имеющее опыт оказания психологической помощи несовершеннолетним соответствующей возрастной группы».

Также необходимо дополнить гл. 8 УПК Российской Федерации соответствующей статьей, предусматривающей права и обязанности педагога (психолога), участвующих в следственных и процессуальных (судебных) действиях.

Рассмотрев поднятую нами тему, необходимо подвести итог. Производство по делам несовершеннолетних как на предварительном следствии, так и на судебной стадии имеет огромное значение для обеспечения прав участвующих лиц. Поскольку в руках должностных лиц, участвующих в процессе, находится будущая судьба несовершеннолетнего участника судопроизводства, то одной из важнейших задач должно являться не столько изобличение и наказание виновного лица, сколько выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления. В связи с этим большое значение для обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства носит деятельность следователя по вовлечению в процесс дополнительных участников, а именно педагога и психолога.

Рассмотрев проблемы, выявленные нами в исследовании, мы пришли к выводу, что в УПК Российской Федерации не закреплен процессуальный статус педагога и психолога, что, в свою очередь, порождает в правоприменительной практике проблемы приглашения указанных лиц для участия в следственных и иных процессуальных действиях. Поэтому мы предлагаем процессуально урегулировать статус педагога и психолога либо уравнивать их со статусом специалиста, установив при этом перечень лиц, которые могут приглашаться в качестве таковых, их образование и компетентность.

1. Стрельцова Е. В. Тактические и психологические основы допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2007. 26 с. [Вернуться к статье](#)
2. Скичко О. Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии / под науч. ред. В. И. Комиссарова. М. : Юрлитинформ, 2006. 184 с. [Вернуться к статье](#)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. Закона от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

Л. А. Рябцева

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

В. И. Киселёва

*курсант 3 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

МОШЕННИЧЕСТВО И НАЛОГОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Именно изменяющаяся обстановка в сфере социальной и экономической жизни государства порождает ситуацию, при которой законодатель криминализирует одни деяния и, напротив, декриминализирует другие.

В данной связи Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» глава 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» была дополнена новой статьей — ст. 243² «Налоговое мошенничество» [1]. Такой шаг белорусского законодателя объясняется тем, что само по себе мошенничество перестало быть только лишь преступлением против собственности, поскольку появление новых форм мошенничества привело к тому, что в качестве объекта посягательства выступил порядок осуществления экономической деятельности, которому причиняется или может быть причинен существенный вред в результате совершения подобного общественно опасного деяния. Это и предопределило необходимость криминализации налогового мошенничества.

В этой связи представляется целесообразным произвести сравнительный анализ мошенничества как преступления против собственности (ст. 209 УК) и налогового мошенничества как преступления против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 243² УК). Очевидно, что данные составы, имея единый родовой объект, отличаются видовым и непосредственным объектами посягательства.

Оба преступления являются предметными. Для хищения в форме мошенничества предметом выступает чужое имущество либо право на это имущество. В налоговом мошенничестве предметами могут быть либо документы, содержащие заведомо ложные сведения, либо сами заведомо ложные сведения, на основании которых осуществляется возврат налогов и сборов, согласно действующему налоговому законодательству. В этой связи следует внести некоторые пояснения, о каких документах идет речь и что понимается под сведениями, которые необходимо в них отражать или подавать.

Согласно ч. 5 ст. 66 Налогового кодекса Республики Беларусь, возврат излишне уплаченной суммы налогов и сборов производится на основании заявления плательщика. Обязательными условиями для такого возврата выступают «отсутствие у плательщика неисполненного налогового обязательства, неуплаченных пеней и штрафов»; наличие погашенной задолженности «по налогам, сборам, пеням по результатам проверки иного лица, в ходе которой установлена излишне уплаченная плательщиком сумма налога, сбора» [2]. Соответственно, если лицо представляет заведомо ложные документы или сведения, подтверждающие, что обозначенные условия им выполнены, а в действительности это не так, то возникают вопросы, связанные с необходимостью привлечения его к уголовной ответственности, если в наличии имеются иные признаки состава.

Обратимся к анализу объективной стороны обоих составов. Согласно ст. 209 УК, мошенничеством является «завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [3]. Под налоговым мошенничеством, согласно ст. 243² УК, понимается «представление уполномоченному органу документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо заведомо ложных сведений иным способом в целях необоснованного возврата налогов, сборов при отсутствии признаков более тяжкого преступления» [3]. Как видим, в диспозиции обоих составов используется термин «мошенничество», однако в каждом обозначенном случае он наполняется различным содержанием. Составы схожи по набору обязательных признаков объективной стороны, которые, однако, отличаются по своей сущности. Так для ст. 209 УК это общественно опасное действие в виде завладения, общественно опасное последствие в виде имущественного ущерба и причинной связи между ними, также способ завладения, где в качестве такового заявлены обман или злоупотребление доверием.

В ст. 243² УК перечень обязательных признаков объективной стороны следующий: альтернативное общественно опасное деяние в виде представления уполномоченному органу документов с заведомо ложными сведениями либо в виде представления самих заведомо ложных сведений иным способом (не в документарной форме); общественно опасное последствие в виде ущерба в крупном размере; причинная связь между ними [3]. Обращаем внимание, что способ совершения настоящего преступления прямо не заявлен, однако он подразумевается косвенным образом, так как, по нашему мнению, подача документов с заведомо недостоверными, не отвечающими действительности сведениями либо дача непосредственно самих сведений, являющихся заведомо ложными, есть не что иное, как обман (искажение истины, умолчание об истине).

В данном случае осуществляется обман органа, уполномоченного от имени государства производить по законодательно установленным основаниям возврат налогов, сборов. При мошенничестве (ст. 209 УК) обман как способ

хищения используется в отношении лица, чьим имуществом или правом на имущество желает завладеть виновный. Примечательно, что в обоих случаях — и в ст. 209, и в ст. 243² УК — возникает ситуация, при которой действия потерпевшей стороны, в отношении которой использовался обман, носят добровольный характер. То есть при мошенничестве (ст. 209 УК) потерпевший сам передает свое имущество или право на имущество виновному, полагая, что у того имеются на это законные основания. При налоговом мошенничестве орган, уполномоченный осуществлять возврат налогов или сборов, производит его на основании предоставленных сведений, дающих право на возврат, полагая, что поданная информация отвечает действительности, а значит, имеются законные основания для возврата налогов, сборов субъекту хозяйствования (хотя фактически это не так).

Оба рассматриваемых состава являются материальными. Преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 209 УК, окончено с момента причинения ущерба потерпевшему. Для физического лица ущерб, согласно ч. 1, 2 ст. 209 УК, должен составить от 2 до 250 базовых величин на день совершения хищения, для юридического лица — от 10 до 250 базовых величин (за исключением случаев, указанных в ч. 4 примечания к главе 24 УК). Налоговое мошенничество, согласно ч. 1 ст. 243² УК, будет оконченным преступлением, если ущерб от него в тысячу и более раз превысит размер базовой величины, установленной на день совершения преступления [3].

Если ответственность за мошенничество как преступление против собственности наступает без соблюдения дополнительных условий, то для наступления ответственности за налоговое мошенничество необходимо отсутствие признаков более тяжкого преступления.

Ответственность и по ст. 209 УК, и по ст. 243² УК наступает с 16-летнего возраста. Однако составы отличаются видом субъекта: мошенничество предусматривает общий субъект, а в ст. 243² УК субъект специальный — лицо, уполномоченное представлять документы для возврата налогов, сборов.

Оба преступления характеризуются умышленной формой вины в виде прямого умысла. Поэтому, например, применительно к ст. 243², если лицо, подавая документы, сведения, добросовестно заблуждалось относительно их соответствия действительности, то в его действиях состав налогового мошенничества отсутствует. Помимо вины, обязательным признаком субъективной стороны и для ст. 209 УК, и для ст. 243² УК будет являться цель. Так при хищении цель корыстная — обогатить себя, своих близких за счет стоимости чужого имущества, получения права на чужое имущество. Цель налогового мошенничества — необоснованно вернуть уплаченный налог или сбор, тем самым нарушить установленный государством порядок осуществления экономической деятельности, охраняемый уголовным законом.

Очевидно, что при кажущейся схожести анализируемые нами составы преступления не копируют своим содержанием друг друга. Вместе с тем анализ диспозиции ст. 209 УК в большей мере позволяет углубиться в понимание смысла налогового мошенничества. Также очевидно, что в случае конкуренции норм ст. 209 и 243² УК необходимо отдать предпочтение ст. 243² УК как специальной норме.

Таким образом, представляется возможным заключить, что налоговое мошенничество есть, по сути, преступление, производное от мошенничества как формы хищения, однако посягающее на иные общественные отношения, соответственно, являющееся наиболее общественно опасным преступлением, поскольку своими действиями виновное лицо лишь производит впечатление добросовестного налогоплательщика, а в действительности обманывает государство, предпринимая попытки необоснованного возврата налогов и сборов.

---

1. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-3 : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.12.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

Д. А. Свиридов

*начальник кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

К ВОПРОСУ СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ (ЛИЦЕНЗИИ)

Проводимый сравнительный анализ имеющихся подходов к криминалистической методике, систематическое уточнение и дополнение структуры методики, наличие научной полемики о принципах формирования криминалистических методик создает предпосылки для создания частных методик расследования преступлений в рамках имеющихся методологических подходов [1; 2].

Вместе с тем критическое настроение, связанное с вопросами разработки криминалистических методик, имеет место уже давно. В частности, интересную точку зрения обозначил А. С. Шаталов. Он охарактеризовал криминалистическую методику как низкоэффективную систему, поясняя это тем, что она лишена таких свойств, как массовость, детерминированность и результативность [3, с. 8]. В. П. Бахин говорит о том, что отмечается отставание в развитии криминалистической методики, а точнее в части научно-методического обеспечения практики [4, с. 16]. Достаточно интересной представляется точка зрения Ю. П. Гармаева, который указывает, что в настоящее время правоохранители нуждаются в общих методиках, охватывающих разнородные преступления, что связано с приобретением преступностью комплексного, высокоорганизованного и транснационального характера [5, с. 49–50]. Классическая структура содержания базовой методики расследования отдельных видов (групп) преступлений формируется из таких элементов, как теоретический и практический блоки.

При формировании частной методики расследования преступлений нет единых подходов. Так, одни в качестве базиса берут последовательность выполняемой работы, определяя обязательные и дополнительные (второстепенные) стадии деятельности, связанные с расследованием преступления (от получения первичной информации до принятия решения) [6; 7]. Некоторые авторы в качестве критерия избирают определенный набор ситуационных особенностей сложившейся практики расследования преступлений. Третьи строят методику расследования посредством использования обоих подходов, в том числе в сфере экономики в целом и предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии) в частности [8, с. 27].

В ходе проведенного исследования видится верным использовать не только уголовно-правовую классификацию преступлений, но и следственные ситуации, а также некоторые другие криминалистические признаки рассматриваемого преступления (например, объекты — носители информации о преступлении, способы совершения преступления и др.). В целом же, не претендуя на единственную верную точку зрения, следует отметить, что научная дискуссия по данному вопросу продолжается [7, с. 117].

Учитывая общую структуру методики расследования преступлений, видится возможным детализировать и уточнить структуру содержания методики расследования незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии). Содержательно она включает такие элементы, как:

- выявление признаков имитации законности предпринимательской деятельности при необходимости получения специального разрешения (лицензии) на ее осуществление;
- фиксация выявленных признаков преступления посредством проведения проверки с помощью следственных действий, гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий;
- осуществление анализа выявленной и зафиксированной криминалистически значимой информации о признаках состава рассматриваемого преступления;
- на основе полученных данных выдвижение общих и частных версий, которые бы характеризовали известные науке криминалистике признаки преступления;
- уточнение выдвинутых версий на основе полученной информации после проведения первоначальных мероприятий с учетом имеющихся особенностей по материалам проверки или уголовному делу;
- на основе полученной информации в ходе проверки или расследования уголовного дела на первоначальном этапе трансформация выдвинутых версий в обстоятельства, подлежащие доказыванию, с целью проверки обоснованности выдвинутых версий и детализации понимания механизма совершения преступления;
- осуществление планирования с целью уточнения обстоятельств, подлежащих доказыванию, с учетом возможного противодействия и вероятных ошибок субъекта доказывания;
- реализация следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, запланированных планом с использованием алгоритмов, выработанных наукой и практикой в различных следственных ситуациях расследования преступления, включая алгоритмы подготовки и проведения отдельных следственных действий и их комплекса;

– осуществление анализа результатов, полученных при проведении следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий или их комплекса, определение перспектив использования полученной криминалистически значимой информации.

Таким образом, видится возможным констатировать, что понимание реальной значимости элементов методики расследования лицами, осуществляющими расследование уголовных дел, происходит сквозь призму принимаемых процессуальных решений. Устранение противоречий в понимании структуры методики расследования преступлений, существующих в настоящее время, а также консолидация работы по формированию новых, уточнению и детализации имеющихся методик расследования, видятся не только в понимании природы криминалистической методики, но и в определенных качествах самого правоприменителя, его способностей, позволяющих на основе полученной криминалистически значимой информации понимать общий характер произошедшего события, а также особенности изучаемой преступной деятельности. С этой целью наукой криминалистикой и формируются базовые частные методики расследования отдельных видов и групп преступлений.

-
1. Бахин В. П. Криминалистическая методика : лекция. Киев : Истина, 1999. 35 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. 480 с. [Вернуться к статье](#)
  3. Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М. : Лига Разум, 2000. 252 с. [Вернуться к статье](#)
  4. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестн. криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1. М., 2000. С. 16–22. [Вернуться к статье](#)
  5. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2003. 342 л. [Вернуться к статье](#)
  6. Расследование преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности : учеб. пособие / Н. Р. Божкова [и др.] ; под ред. Е. П. Фирсова. М. : Юрлитинформ, 2005. 288 с. [Вернуться к статье](#)
  7. Свиридов Д. А. Расследование незаконной предпринимательской деятельности : моногр. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2017. 184 с. [Вернуться к статье](#)
  8. Аминов Р. М., Морозова Е. В. Тактика следственных действий при расследовании отдельных видов экономических преступлений : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2007. 58 с. [Вернуться к статье](#)

В. Г. Семак

*адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России*

В. И. Еремченко

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В настоящее время в Российской Федерации дорожное строительство является одним из приоритетных направлений развития страны. Ведутся масштабные строительные работы по расширению и улучшению дорожной сети государства. Отмечается тенденция ежегодного увеличения финансирования рассматриваемой отрасли. Это не оставило без внимания криминалитет, который видит потенциальную возможность незаконного обогащения. Речь идет о преступлениях, совершаемых в рамках приоритетного проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», особое место среди которых занимают хищения (ст. 159, 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК)). Следует отметить, что официальная статистика не отражает реальную картину количества преступлений, поскольку рассматриваемый вид общественно опасных деяний обладает высокой латентностью. Однако однозначным и важным является то, что изучаемые преступления наносят огромный ущерб государству. Анализ судебно-следственной практики показал, что наиболее часто в ходе преступных действий производится незаконное изъятие или обращение денег, строительных материалов, техники и иных объектов материального мира, используемых при возведении и ремонте дорог на суммы, относимые уголовным законодательством к особо крупному размеру. Причиняемый при этом государству ущерб исчисляется миллионами рублей.

В ходе расследования хищений, совершаемых в сфере дорожного строительства, производится комплекс следственных и процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК). В рамках работы предлагается отразить особенности осмотра места происшествия, проводимого в ходе проверки сообщения о преступлении.

Осмотр места происшествия является сложным и трудоемким видом следственного осмотра, имеющим огромное значение для расследования преступления. Данное следственное действие состоит в непосредственном изучении и

фиксации следователем обстановки места происшествия, находящихся на нем следов и иных объектов в целях получения фактических данных, имеющих значение для дела [1, с. 163].

Таким образом, трудно переоценить значимость изучаемого следственного действия. От качества его проведения во многом зависит весь процесс расследования уголовного дела, поскольку в ходе его проведения следователь имеет потенциальную возможность получить ценные доказательства.

Процессуальный порядок производства осмотра места происшествия определен ст. 176 и 177 УПК. Данное следственное действие, как правило, проводится незамедлительно после получения сообщения о преступлении, так как любые промедления ведут к утрате доказательственной информации ввиду воздействия на нее негативных факторов окружающей среды.

В криминалистической науке выделяют три этапа проведения осмотра места происшествия: подготовительный, рабочий (исследовательский) и заключительный [1, с. 165]. Все этапы являются равноценными, последовательными и требуют проведения каждого из них на должном уровне.

Подготовительный этап включает в себя определение объекта и места производства осмотра, состава участников, перечня необходимых технико-криминалистических средств. Объектом осмотра по исследуемой категории преступлений может выступать автомобильная дорога, строительные материалы и техника, документация, а также само место их нахождения — конкретное помещение или участок местности. Планируя осмотр, необходимо учитывать, что под автомобильной дорогой понимают «объект транспортной инфраструктуры, предназначенный для движения транспортных средств и включающий в себя земельные участки в границах полосы отвода автомобильной дороги и расположенные на них или под ними конструктивные элементы (дорожное полотно, дорожное покрытие и подобные элементы) и дорожные сооружения, являющиеся ее технологической частью, — защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог» [2].

Следует отметить, что в ходе производства осмотра места происшествия при проверке сообщения о хищении в сфере дорожного строительства может производиться отбор асфальтобетонных проб (кернах или вырубках). Для этого требуется помощь специалистов, имеющих познания в исследуемой сфере. В качестве такового может выступить инженер-строитель (эксперт по строительной экспертизе), а также иные лица, по роду своей деятельности связанные с проектированием и возведением автомобильных дорог, их приемкой.

К технико-криминалистическим средствам, необходимым для успешного проведения осмотра места происшествия, следует отнести фотографические и измерительные средства, позволяющие как наглядно фиксировать обстановку

осмотра места происшествия и отдельные объекты, так и детально документировать их индивидуальные признаки и характеристики.

Рабочий этап осмотра места происшествия предполагает непосредственное обследование места производства осмотра и расположенных на нем объектов. Данный этап включает в себя две стадии: общий и детальный осмотр.

Общий осмотр начинается с ориентирования следователя на местности и определения границ осмотра места происшествия, исходной точки и способа осмотра. Целесообразно с помощью геодезиста (выступает в качестве специалиста) определить местоположение автомобильной дороги (обеспечить геопозиционирование через географические координаты на местности), при необходимости осуществить привязку к неподвижным объектам, произвести ориентирующую и обзорную фотосъемку.

Далее начинается детальный осмотр места происшествия. Если в качестве объекта осмотра выступает автомобильная дорога, следует определить и зафиксировать ее протяженность, ширину и в некоторых случаях высоту полотна. Необходимо в протоколе также указать вид дорожного покрытия (асфальтобетонное, железобетонное, цементобетонное, грунтовое, щебеночное и т. д.). В тех случаях, когда дорожное покрытие представлено железобетонными плитами, надлежит указывать их количество. Далее осматривается и документируется общее состояние автомобильной дороги, обращается внимание на имеющиеся дефекты (просадка, колея, пролом, трещины, сдвиги и т. д.). В случае их обнаружения следует подробно исследовать, установив параметры и характерные особенности, произвести узловую и детальную фотосъемки. Помимо основной части дороги, в протоколе осмотра следует отразить состояние уплотненного насыпного грунта — обочины.

Одна из главных задач осмотра места происшествия при проверке сообщения о преступлении по рассматриваемой категории преступлений — изъятие проб дорожного полотна для дальнейшего исследования. Пробы бывают двух видов: керны и вырубки. Оба вида представляют собой образцы асфальтобетона с ненарушенной структурой, полученные из уплотненного слоя дорожной одежды. Отличие состоит в том, что керны представлены цилиндрической формой путем выбуривания, а вырубки — призматической формой путем выпиливания [3]. Правила и порядок их отбора регламентированы требованиями ГОСТов и некоторыми иными документами. Помощь в изъятии образцов оказывает привлекаемый специалист, который обладает познаниями в исследуемой области. Именно он определяет вид проб, их место отбора и количество, а также процедуру их получения. Место отбора проб следует зафиксировать с помощью узловой и детальной фотосъемки. Задача следователя состоит в установлении точного расположения места отбора проб с указанием географических координат, а также привязкой к неподвижным объектам. После отбора проб следует

установить их размер, упаковать таким образом, чтобы сохранить целостность и свойства материалов до проведения исследования.

Если же объектом осмотра места происшествия выступает карьер, то такой осмотр также обладает рядом специфических особенностей. Подобный осмотр имеет место быть в тех случаях, когда есть информация о том, что в ходе строительных работ произошли замена материалов и завышение объема работ. К примеру, использовался песок, не предусмотренный проектно-сметной документацией, предположительно из близлежащего карьера. В данном случае следует осмотреть карьер, из которого добывались материалы, и отразить его особенности. Так, необходимо указать его происхождение (природное или искусственное), его форму, диаметр. Следует отмечать характер площадки, наличие съездов, наличие отвалов, имеющейся техники на территории, пород ископаемых (материалов). С карьера также производят отбор грунта с целью дальнейшего исследования и определения принадлежности материалов, используемых в ходе строительства.

После проведения детального осмотра места происшествия следователь приступает к заключительному этапу. На этом этапе он составляет протокол следственного действия, зарисовывает схему, составляет фототаблицу. Основной документ, отражающий результат осмотра места происшествия, должен быть составлен с соблюдением всех норм процессуального законодательства. В нем наиболее полно и точно следует указывать весь проведенный процесс осмотра.

Таким образом, в статье были подробно рассмотрены основные организационно-тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании хищений в сфере дорожного строительства. Обращено внимание на состав участников, задействованных в процессе проведения рассматриваемого следственного действия. Высказано мнение о необходимости привлечения специалиста для производства осмотра места происшествия по изучаемой категории преступлений. Детально изложен порядок анализируемого следственного действия и отражены некоторые особенности его проведения.

---

1. Криминалистика : учеб. / под ред. А. Г. Филиппова. М. : Высш. образование, 2007. 441 с. [Вернуться к статье](#)

2. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 8 нояб. 2007 г., № 257-ФЗ : в ред. Федер. закона от 14.11.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Дороги автомобильные общего пользования. Асфальтобетон дорожный. Методы отбора проб из уплотненных слоев дорожной одежды : ГОСТ Р 58407.5-2019 :

утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии 17.12.19 ; введ. 01.03.2020. М. : Рос. ин-т стандартизации, 2021. 6 с. [Вернуться к статье](#)

А. В. Скоробогатый

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров*

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

**О ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
КАК ЭЛЕМЕНТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА,
СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В 2023 году для Республики Беларусь была характерна тенденция снижения количества имущественных преступлений с одновременным ростом количества мошенничеств, большая часть из которых была совершена с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). В сравнении с 2022 годом, в 2023 году количество преступлений данной категории увеличилось в два раза и достигло 11 715. В целом в Республике Беларусь количество киберпреступлений за последние пять лет выросло в четыре раза, что составляет более 1/5 части от всех зарегистрированных преступлений [1]. Стоит отметить, что в Российской Федерации также отмечается тенденция совершения каждого третьего преступления с использованием ИКТ [2]. Это означает, что для преступников все больше становится характерным использование ИКТ при совершении преступлений различных категорий, и в особенности мошенничеств. Этому способствуют отсутствие цифровой грамотности у населения, нежелание потерпевших обращаться в правоохранительные органы ввиду боязни признать собственную вину за произошедшее, отсутствие непосредственного контакта с потерпевшим, использование средств анонимизации и иные факторы.

Данные и иные обстоятельства указывают на необходимость совершенствования имеющейся либо разработки новой методики расследования мошенничества, совершаемого с использованием ИКТ. При этом одним из ключевых элементов методики расследования любого преступления является криминалистическая характеристика, практическая значимость которой заключается в том, что она позволяет оценивать ситуации, которые возникают во время проверочных действий по материалам проверки, а также на разных этапах расследования; является как информационной, так и практической основой для выдвижения типичных версий и создания алгоритмов действий на всех этапах.

Проведя анализ научной литературы, мы пришли к выводу, что личность потерпевшего как один из структурных элементов криминалистической

характеристики мошенничества, совершенного с использованием ИКТ, является недостаточно изученной. При этом еще в свое время известный австрийский юрист и ученый-криминалист Ганс Гросс утверждал, что необходимым условием «точной деятельности судебного следователя является основательное знание человека как основного материала предварительного следствия» [3, с. 43]. В связи с этим полагаем необходимым в данной статье отразить некоторые особенности личности потерпевшего в результате мошенничества, совершенного с использованием ИКТ.

Ученые отмечают: «Информация о потерпевшем должна включать демографические данные (пол, возраст, место жительства, профессия и т. п.), сведения о характере и объеме нанесенного ему ущерба, физических, биологических и психологических особенностях потерпевшего, его образе жизни, заболеваниях, виктимности поведения, уровне культуры, ценностных ориентациях, наличии связей и отношений с другими людьми. Данные о потерпевших и их поведении... позволяют объяснить направленность и мотивы поведения преступника, его общие и индивидуальные качества» [4, с. 56].

Мы полагаем, что более верным будет согласиться с высказыванием Ю. Л. Бойко: «Многообразие сведений о личности потерпевшего не свидетельствует об их криминалистическом характере и о том, что все они входят в предмет криминалистической методики. Следует принимать во внимание лишь те данные, которые имеют доказательственный характер и тактическую значимость в пределах криминалистической характеристики» [5, с. 13].

Учитывая вышеизложенное, рассмотрим некоторые особенности личности потерпевшего описываемой категории преступлений.

1. Пол и возраст. Для мошенничества, совершаемого с использованием ИКТ, характерно наличие большого количества способов обмана потерпевших, которые постоянно дополняются с учетом изменений в законодательстве, тех либо иных тенденций в обществе. В связи с этим целевой аудиторией преступников могут быть как лица, не достигшие 18 лет, так и лица пенсионного возраста (более 60 лет), где потерпевшими являются как мужчины, так и женщины, но количество последних преобладает ввиду некоторых психофизических и эмоциональных качеств.

2. Образование и цифровая грамотность. Для граждан, ставших потерпевшими в результате мошеннических действий, в большинстве случаев характерно наличие только базового, либо общего среднего, либо среднего специального образования. Они имеют средний уровень достатка, работают на государственных либо частных предприятиях в должности обычных рабочих. Данный фактор напрямую связан с уровнем цифровой грамотности потерпевших, поскольку лица, имеющие высшее образование, являются менее подверженными мошенническим действиям ввиду знания основ законодательства

Республики Беларусь, информационных технологий, а также наличия на их устройствах соответствующего программного обеспечения. Большинство потерпевших не устанавливают на свои устройства программы, обеспечивающие блокировку спам-звонков, сохранность личных и конфиденциальных данных, хранящихся на устройстве, по следующим причинам: отсутствие знаний о подобной необходимости, платность услуг, снижение производительности устройства.

3. Свойства личности. Для потерпевших данной категории преступлений характерно наличие невнимательности на момент поступления звонка либо сообщения от преступников, что при наличии обратного позволило бы не допустить совершения противоправных действий. В процессе общения для граждан характерно наличие уверенности, что они не станут жертвами преступников, доверчивости, внушаемости, наивности, любознательности; в определенных ситуациях — сострадания. После совершения противоправных действий для потерпевших характерно нежелание обращаться в правоохранительные органы в виду боязни общественного порицания, а также признать собственную вину за произошедшее.

4. Связь с преступником. Особенностью использования ИКТ при совершении мошеннических действий преступниками является отсутствие непосредственного контакта между сторонами, что обеспечивает анонимность преступников. Одновременно с этим в ходе беседы преступники представляются как от имени представителей государственных структур, так и от имени физических лиц, сообщая потерпевшим вымышленные данные о себе. Указанное обстоятельство не позволяет в последующем потерпевшим передать информацию, представляющую интерес, сотрудникам правоохранительных органов.

В заключение отметим, что указанные и иные сведения о личности потерпевшего как элемента криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием ИКТ, способствуют выдвижению и проверке следственных версий, установлению обстоятельств произошедшего, а также являются основным источником криминалистически значимой информации.

---

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Репринтное издание 1908 года / под науч. ред. В. В. Крылова. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с. [Вернуться к статье](#)

2. Обеспечивая мир и безопасность [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://mvd.gov.by/ru/news/12230> (дата обращения: 14.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Статистические сведения о состоянии преступности за 9 месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/news/item/42987324/> (дата обращения: 14.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Гаврилин Ю. В., Шурухнов Н. Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Книж. мир, 2004. 468 с. [Вернуться к статье](#)

5. Бойко Ю. Л. Личность потерпевшего как основной элемент в структуре криминалистической характеристики преступлений // Материалы криминалистических чтений / редкол.: О. В. Кругликова [и др.] ; под ред. О. В. Кругликовой. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2019. № 16. С. 13–14. [Вернуться к статье](#)

М. С. Тулебаев

*начальник Департамента полиции г. Астана
МВД Республики Казахстан*

ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ЛИКВИДАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В Казахстане ежегодно регистрируются сотни аварий, катастроф и стихийных бедствий (землетрясения, лесные пожары, наводнения, сели, прорыв плотин и т. д.). Во время крупных происшествий неизбежно возникает угроза общественной и личной безопасности граждан. При этом в плане смертельных исходов, ущерба и суммарных затрат на ликвидацию последствий стихийные бедствия продолжают оставаться наиболее разрушительными, нежели крупные аварии и катастрофы. Нередко материальные расходы и убытки от природных катаклизмов могут быть губительными и невосполнимыми как для общества, так и для всего государства в целом [1, с. 45].

В таких условиях существует вероятность роста числа преступлений и антиобщественных проявлений, могут сложиться «благоприятные» условия для побега осужденных из исправительных учреждений и лиц, содержащихся под стражей. Возникают многочисленные очаги пожаров в городах и иных населенных пунктах, резко нарушается обычный режим жизнедеятельности подвергшихся опасности районов [2, с. 34].

Важная роль по предотвращению, пресечению и ликвидации негативных последствий при возникновении чрезвычайных ситуаций, приводящих к резкой дестабилизации обстановки в регионе, принадлежит специальным государственным и правоохранительным органам.

Конкретные задачи, функции и полномочия по объему и характеру этих субъектов правоприменительной практики зависят от специфики и направленности их деятельности. Одни субъекты осуществляют аварийно-восстановительные и спасательные работы, другие связаны с организацией жизнеобеспечения региона, третьи восстанавливают режим законности и правопорядка в зоне бедствия. Одновременно неотложные меры направлены на восстановление должного общественного порядка и пресечение панических слухов среди населения, создание нормальных условий для функционирования государственных и общественных формирований [3, с. 47–48].

При этом граждане на законных основаниях (участвующие в обеспечении общественного порядка) имеют право участвовать в оказании медицинской и иной помощи гражданам, пострадавшим от противоправных посягательств, дорожно-транспортных происшествий, стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций (ст. 7) [4].

После завершения аварийно-восстановительных и спасательных работ по локализации зоны стихийного бедствия и катастроф, ликвидации последствий и проведения последующих аварийно-спасательных работ к работе приступают компетентные органы и должностные лица, в обязанности которых входит проведение разбирательств (расследования) по факту происшествия.

Целями расследования причин аварий, бедствий и катастроф, приведших к возникновению чрезвычайных ситуаций, являются выявление причин и принятие мер по устранению их последствий, проведение необходимых мероприятий по их предупреждению и определение объема материального ущерба (п. 2) [5].

Расследование аварий, бедствий и катастроф, приведших к возникновению чрезвычайных ситуаций, проводится комиссией.

В ходе расследования комиссия:

- получает письменные и устные объяснения от очевидцев происшедшего, должностных и других лиц;
- выясняет обстоятельства, предшествовавшие аварии, бедствию, катастрофе;
- устанавливает ее причины, характер нарушений условий эксплуатации технических устройств, технологических процессов, нарушений требований пожарной и промышленной безопасности;
- определяет мероприятия по ликвидации последствий и предотвращению подобных аварий, бедствий, катастроф, приведших к возникновению чрезвычайных ситуаций, и причиненный материальный ущерб.

Материалы расследования включают:

- правовой акт о назначении комиссии;
- акт расследования;
- протокол осмотра места возникновения чрезвычайной ситуации, планы, схемы, эскизы и фотоснимки;
- решение председателя комиссии о назначении технической, экономической и иной экспертизы;
- заключение экспертной комиссии о причинах аварии, результаты лабораторных и других исследований, экспериментов и анализов;
- докладные записки руководителей подразделений сил гражданской защиты, если эти подразделения вызывались для ликвидации чрезвычайной ситуации;
- протоколы опроса и объяснения свидетелей, лиц, причастных к аварии, а также должностных лиц, ответственных за соблюдение установленных мер безопасности;
- сведения об ущербе, а также другие материалы (справки, выписки и т. п.), характеризующие обстоятельства и причины чрезвычайной ситуации.

В случае выявления противоправных действий или бездействий должностных лиц и граждан материалы расследования передаются комиссией в соответствующие органы для привлечения виновных лиц к ответственности.

Крупные транспортные аварии представляют собой особую проблему, т. к. трудно предсказать место, где они произойдут. Плотно населенные города пересекает множество автомобильных и железных дорог, а вместимость стандартной автоцистерны, хотя и ограничена 50 тоннами, может оказаться достаточной, чтобы вызвать крупную катастрофу, если опасная жидкость выльется в пределах центра города или поблизости от него.

Анализ инцидентов на крупных промышленных объектах в странах Содружества Независимых Государств показывает, что преимущественно они случаются в процессе шахтной добычи угля (взрыв метана, обрушение свода и завалы, отравления при поломке вентиляционной системы). В процессе же служебных и судебных разбирательств, как правило, устанавливается, что одной из главных причин аварий является недостаток капитальных вложений (устаревшее оборудование, крайняя степень изношенности датчиков наличия газа в воздухе и кислородных резервуаров, поломка крепежных стоек и т. д.), а также нарушение норм техники безопасности и невнимание к состоянию окружающей среды.

Особую озабоченность вызывают вопросы обеспечения техники безопасности на маршруте прокладки нефте- и газотрубопроводов (утечка, коррозия линии, разлив и т. д.), пролегающих через территорию Актюбинской, Атырауской и Мангистауской областей. Последствия прорыва магистралей трубопровода могут оказаться тяжелыми, т. к. прежде, чем они будут снова загерметизированы, из них может вытечь значительное количество вредоносного вещества.

В Казахстане последние 10 лет свидетельствуют о росте случаев наводнений, что, возможно, связано с преступной халатностью или бездействием человека при использовании водных ресурсов. Размеры убытков, причиняемых наводнениями, зависят от продолжительности стихии, уровня и объема воды, принятых мер по защите от наводнений, а также от осведомленности населения, проживающего в условиях риска возможного затопления.

Материалы досудебного расследования показывают, что наводнения в Абайской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Туркестанской областях произошли вследствие прорыва плотин, дамб и водохранилищ, которые находились в большинстве случаев в аварийном или бесхозном состоянии, причем этому попустительствовало бездействие со стороны контролирующих органов (акимат, областное управление природопользования, природоохранная прокуратура, Департамент по чрезвычайным ситуациям). Владельцы и арендаторы объектов повышенной опасности нередко в угоду коммерческой прибыли и

экономии материальных затрат умышленно ставят под угрозу жизнь людей близлежащих населенных пунктов.

Заинтересованные государственные органы и их территориальные подразделения, а также местные исполнительные органы и организации должны обеспечить изучение и анализ обстоятельств, причин чрезвычайных ситуаций, принять меры по реализации мероприятий по ее предупреждению.

---

1. Бишманов К. М., Мынбаева Н. Н., Ионова И. Д. Управление органами внутренних дел в особых условиях : учеб. пособие. Алматы : ООНИ и РИР Акад. МВД Респ. Казахстан, 2005. 109 с. [Вернуться к статье](#)

2. Бишманов К. М. Организационные мероприятия ОВД на подготовительном этапе по охране общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий // Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в стране : материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы : ООНИ и РИР Акад. МВД Респ. Казахстан, 2006. 224 с. [Вернуться к статье](#)

3. Деятельность участковых инспекторов полиции в условиях террористических проявлений : учеб.-практ. пособие / Е. Т. Жалбуров, Р. Т. Завотпаев. Караганда, 2006. 89 с. [Вернуться к статье](#)

4. Об участии граждан в обеспечении общественного порядка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 9 июля 2004 г., № 590-II : с изм. и доп. по состоянию на 01.05.2023 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000590_ (дата обращения: 20.05.2024). Доступ из информ.-правовой системы «Әділет». [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Правил расследования аварий, бедствий, катастроф, приведших к возникновению чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс] : приказ Министра внутр. дел Респ. Казахстан, 23 янв. 2015 г., № 46. Доступ из информ.-правовой системы «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V15C0010325> (дата обращения: 20.05.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3:314.7

И. А. Шаматульский

*заместитель начальника кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Н. А. Осипова

*инспектор группы по работе с иностранными гражданами
и лицами без гражданства отделения по гражданству и миграции
отдела внутренних дел Мозырского райисполкома*

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПО ФАКТУ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь, являясь транзитным государством, ежегодно решает вопросы вынужденной миграции, принимая неотложные меры по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. В связи с этим, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», а также в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2024 г. № 48 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы», незаконная миграция отнесена к числу реальных угроз национальной безопасности государства в связи с ростом потока незаконных мигрантов в Республику Беларусь или через ее территорию [1, с. 12].

На основании актуальных статистических данных, предоставленных Департаментом по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее — МВД Республики Беларусь), в 2023 г. на территории республики выявлено 596 групп незаконных мигрантов в количестве 3 931 человека (2022 г. — 163 группы в количестве 1 099 лиц). Наибольшее количество нелегальных мигрантов составили граждане Афганистана, Сирии, Ирана и Индии. Правоохранительными органами Республики Беларусь раскрыто 25 преступлений (в 2022 г. — 12), связанных с организацией незаконной миграции [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), под незаконной миграцией понимается незаконный въезд в Республику Беларусь, пребывание на ее территории, транзитный проезд (транзит) через территорию Республики Беларусь или выезд из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства.

Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»:

– *иностраный гражданин* — лицо, не являющееся гражданином Республики Беларусь и имеющее доказательства своей принадлежности к гражданству (подданству) другого государства;

– *лицо без гражданства* — лицо, не являющееся гражданином Республики Беларусь и не имеющее доказательств своей принадлежности к гражданству другого государства.

Между тем действующее законодательство Республики Беларусь не содержит определения понятия «незаконный мигрант». В нормах международного права в определении этого термина также нет единства [3, с. 66]. Согласно приказу МВД Республики Беларусь от 26 февраля 2021 г. № 61 «О взаимодействии подразделений органов внутренних дел при осуществлении миграционного контроля», *незаконные мигранты* — это иностранцы, нарушившие правила въезда, пребывания в Республике Беларусь, выезда из Республики Беларусь, а также правила транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 371¹ УК, имеет сложную структуру, включающую ряд самостоятельных действий, каждое из которых как в отдельности, так и в совокупности образует оконченное преступление. В частности, может выражаться в совершении одного из следующих действий: организация либо руководство или содействие незаконной миграции. Во всех случаях речь идет о совершении указанных действий в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства [4, с. 181].

На стадии возбуждения уголовного дела органу дознания необходимо установить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 371¹ УК, а именно выявить следующие обстоятельства:

– установление факта незаконного пребывания на территории Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (проживание, трудоустройство, финансирование);

– установление факторов, способствующих незаконному транзитному проезду через территорию Республики Беларусь (причины отсутствия необходимых документов, время и место въезда, а также выезда в предполагаемую страну назначения);

– конкретный механизм прибытия иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Республики Беларусь (время, место, обстоятельства пересечения Государственной границы Республики Беларусь);

– наличие данных, подтверждающих незаконный въезд на территорию Республики Беларусь (отсутствие либо наличие документов, необходимых для пересечения границы) [5, с. 112].

Материалы проверки по факту организации незаконной миграции должны содержать следующие документы:

1. Сообщение об обнаружении признаков преступления. Чаще всего поводом к возбуждению уголовного дела по ст. 371¹ УК является непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления (в виде рапорта сотрудников подразделений по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, проводящих рейдовые мероприятия по соблюдению миграционного контроля иностранными гражданами и лицами без гражданства).

2. Задержание и личный обыск. В данном случае сотрудники правоохранительных органов задерживают не только организатора незаконной миграции, но и самих незаконных мигрантов по месту их пребывания. При наличии в их деянии признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.35 «Нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и законодательства о внешней трудовой миграции», принимается решение о наложении административного взыскания в виде депортации (гл. 21 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2007 г. № 333 «Об утверждении Положения о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства», с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации (п. 1.9 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-З «О государственной дактилоскопической регистрации»), что позволяет проверить указанных лиц на причастность к совершению преступлений и правонарушений на территории Республики Беларусь.

При проведении личного обыска в отношении задержанных необходимо обращать внимание на то, у кого именно и где находятся документы. Обнаружение в руках одного лица указанных документов может свидетельствовать о том, что он является организатором незаконного пребывания мигрантов, а их отсутствие у незаконных мигрантов может указывать на то, что иностранных граждан или лиц без гражданства насильно удерживают в определенном месте либо принудительно ограничивают в передвижении.

3. Осмотр места происшествия. Основными целями осмотра места происшествия являются сбор (обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение) следов, предметов и документов, принадлежащих задержанным, а также выяснение других обстоятельств, имеющих значение для дела. Типичными местами осмотра являются:

- участки местности, где осуществлялось пересечение Государственной границы Республики Беларусь;
- места постоянного пребывания (место жительства), а также места, где используется труд нелегалов;
- места временного пребывания или содержания незаконных мигрантов (места приема пищи, ночевки, нежилые помещения).

Во всех этих случаях целью осмотра является установление материальных следов пребывания незаконных мигрантов, их фиксация, что позволит зафиксировать проживание незаконных мигрантов и обстановку ведения хозяйства [6, с. 104].

4. Осмотр предметов и документов. Особое внимание в ходе данного вида осмотра уделяется объектам, обнаруженным и при осмотре места происшествия, транспортного средства, при личном обыске задержанных, а именно:

- проездные документы, посадочные талоны и бирки с указанием дат, фамилий, квитанции на денежные переводы и иные платежи в пользу организаторов незаконной миграции;
- документы, выданные иностранному гражданину или лицу без гражданства государственными органами (например, подтверждающие пересечение Государственной границы Республики Беларусь);
- документы, удостоверяющие либо подтверждающие законность пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Республике Беларусь;
- документы, подтверждающие проживание на территории Республики Беларусь (гостиничные квитанции, договор аренды жилых помещений).

5. Осмотр компьютерной информации. Проводится при обнаружении у задержанных мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков, смарт-часов и других средств коммуникации, позволяющих осуществлять дистанционно сброс данных. Необходимая информация со следами совершения организации незаконной миграции может содержаться в мессенджерах (Telegram, Viber, WhatsApp и др.), социальных сетях (установленных на устройстве приложениях «ВКонтакте», Facebook и др.). Кроме того, в ходе осмотра компьютерной информации, которая содержится в памяти мобильных телефонов незаконных мигрантов, особое внимание обращается на наличие программного обеспечения, которое позволяет переводить текст, а также звуковые сообщения с иностранного языка на русский и наоборот.

6. Объяснение от организатора незаконной миграции. При этом основной акцент необходимо делать на изобличении всех участвующих лиц, устанавливая подробно их роль на всех этапах вербовки, перевозки, приема незаконных

мигрантов и использования их труда. В начале опроса необходимо выяснить следующие обстоятельства:

- каким образом осуществлялась переправка незаконных мигрантов, кто помогал в пересечении границы и организовывал их встречу на территории Республики Беларусь;
- с кем и на каких условиях решался вопрос об их перемещении;
- где, когда и кем достигнуто соглашение об организации незаконной миграции;
- как происходили размещение, регистрация по месту пребывания и устройство на работу мигрантов;
- кто из должностных лиц государственных органов оказывал содействие при организации незаконной миграции;
- кто занимался подготовкой (подделкой или оформлением) документов.

7. Объяснение непосредственно от незаконных мигрантов. Незаконных мигрантов целесообразно опрашивать с использованием видеосъемки. При этом следует задавать следующие вопросы:

- какие документы оформлялись для въезда на территорию Республики Беларусь и в каких органах;
- знает ли опрашиваемый правила пересечения Государственной границы Республики Беларусь и правила пребывания на территории Республики Беларусь;
- каким способом (маршрут проезда, финансирование и др.);
- место и время пересечения Государственной границы Республики Беларусь;
- в чем выразался незаконный транзитный проезд через территорию Республики Беларусь (если таковой имел место), откуда и в какое государство направлялся задержанный;
- кто организовывал прибытие иностранного гражданина на территорию Республики Беларусь, кто помогал пересечь границу, кто встречал и предоставлял помещение для временного пребывания [7, с. 377].

8. Объяснения соседей и других очевидцев преступления, лиц, у которых находились на хранении документы мигрантов.

9. Выписка из домовой книги по адресу проживания мигрантов для установления ответственного квартиросъемщика.

10. Документы, подтверждающие привлечение незаконных мигрантов к административной ответственности (копия протокола об административном правонарушении).

Стоит отметить, что действия по материалам проверки в первую очередь должны быть направлены на установление факта незаконности нахождения иностранных граждан на территории Республики Беларусь, а также фактов

организации пребывания незаконных мигрантов, их временного размещения и трудоустройства. Следует также иметь в виду, что наличие отметки о регистрации либо действующей визы в паспорте иностранного гражданина исключает признаки уголовно наказуемого деяния и отграничивает его от административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Поэтому сведения о дате и условиях пересечения границы, фактах постоянного или временного пребывания либо трудоустройства в Республике Беларусь нельзя устанавливать со слов мигранта — необходимо документальное подтверждение.

Кроме того, организация незаконной миграции может сопровождаться действиями, образующими самостоятельные составы преступлений. Например, подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков (ст. 380 УК); служебный подлог (ст. 427 УК); дача взятки (ст. 431 УК) и др. В таких случаях содеянное требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК [8, с. 29].

Приведенный перечень необходимых для изучения обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе проверки по материалам о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции, не является исчерпывающим и в основном зависит от конкретных следственных ситуаций и квалифицирующих признаков, содержащихся в ст. 371¹ УК, при этом выступая неотъемлемой составляющей общего объема сведений, наличие которых необходимо для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 371¹ УК.

---

1. Луговский С. Г. Обеспечение общественной безопасности в области вынужденной миграции // Беженцы в современном мире: проблемы и правовые пути их решения (к 70-летию Конвенции о статусе беженцев 1951 года) : респ. круглый стол, Минск, 11 июня 2021 г. : тез. докл. / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 11–13. [Вернуться к статье](#)

2. Статистика по миграции. О миграционной ситуации в Республике Беларусь за 2023 г. [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь : [сайт]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-po-migracii> (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Бахур О. И. Организованные формы незаконной миграции в Республике Беларусь: проблемы уголовно-правового противодействия // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2008. № 2. С. 65–70. [Вернуться к статье](#)

4. Мирошников В. В. Особенности первоначального этапа расследования организации незаконной миграции // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 180–182. [Вернуться к статье](#)

-
5. Андрянченко Д. В. Доследственная проверка в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции. Обстоятельства, подлежащие доказыванию // *Философия права*. 2015. № 3 (70). С. 111–113. [Вернуться к статье](#)
  6. Лапатников М. В. Процессуальные и криминалистические аспекты возбуждения и расследования уголовных дел об организации незаконной миграции // *Юрид. наука и практика : Вестн. Нижегород. акад. МВД России*. 2013. № 24. С. 102–108. [Вернуться к статье](#)
  7. Криминалистическая методика для дознавателей : учеб. для вузов / А. Г. Филиппов [и др.] ; под общ. ред. А. Г. Филиппова. М. : Юрайт, 2021. 414 с. [Вернуться к статье](#)
  8. Анализ правового регулирования борьбы с незаконной переправкой лиц в Республике Беларусь, Республике Молдова и Украине / С. В. Мазур [и др.]. Минск : Европейская комиссия, 2008. 75 с. [Вернуться к статье](#)

Д. И. Шнейдерова

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ (СООБЩЕНИЙ) ПО ФАКТАМ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

В условиях становления и развития информационного общества качественное состояние преступности за последнее десятилетие претерпело коренные преобразования, что обусловлено востребованностью среди лиц преступной активности инструментов информационно-коммуникационной сферы, повсеместно используемых в механизме совершения различных видов преступлений. Реализуемая в Республике Беларусь с 2018 г. концепция перехода к цифровой экономике содействовала внедрению и распространению среди белорусских граждан новых финансовых инструментов, среди которых отдельное место занимают криптовалюты как легализованное универсальное средство обмена в рамках трансграничного оборота [1, с. 196]. Как справедливо отмечает С. Л. Гамко, популярность криптовалют активизировала как легальную, так и преступную деятельность. Автор приходит к выводу, что, несмотря на законодательное урегулирование оборота криптовалют на территории Республики Беларусь, направленное на защиту общественных отношений в данной сфере, «криптовалюта стала привлекательным объектом преступной деятельности, поскольку находятся и те, кто создает и использует вредоносное программное обеспечение, незаконно завладевает конфиденциальной информацией, используя которую, похищает криптовалюту» [2, с. 87].

Среди видового разнообразия преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, отдельную группу составляют хищения, в механизме совершения которых криптовалюты, обладающие имущественной ценностью, выступают и как предмет преступного посягательства, и как средство при посягательстве на денежные средства под предлогом совершения разнообразных сделок с криптовалютой. Поскольку криптовалютная индустрия — достаточно молодая сфера, инструменты которой задействованы сегодня в преступной деятельности, то развитие теоретических взглядов с позиции криминалистической науки на методику расследования хищений в сфере оборота криптовалют находится на этапе своего формирования, и до настоящего момента комплексное исследование обозначенной проблематики в научной литературе отражения не нашло. В этой связи видится актуальной и целесообразной, с точки зрения криминалистического обеспечения процесса расследования хищений в сфере

оборота криптовалют, разработка элементов частной методики расследования указанной группы хищений, одним из которых выступают типичные ситуации отдельных этапов расследования и алгоритмы действий по каждой из них. На основе изложенного целью настоящей статьи является определение алгоритма действий в условиях складывающейся типичной ситуации на этапе проверки заявления (сообщения) по фактам хищений в сфере оборота криптовалют.

Анализ возбужденных на территории Республики Беларусь за период 2018–2023 гг. уголовных дел по фактам хищений в сфере оборота криптовалют (грабежи, вымогательство, мошенничества и хищения путем модификации компьютерной информации) позволил выделить следующие типичные ситуации этапа проверки и алгоритм проверочных мероприятий по каждой из них:

1. Сведения о хищении поступили от лица, которому хищением причинен вред (заявитель), предметом преступного посягательства выступают криптовалюты либо денежные средства в наличной или безналичной форме, способ хищения установлен со слов заявителя, личность преступника не известна, но имеются цифровые следы-идентификаторы, на нее указывающие:

- Получение объяснений заявителя.
- Осмотр устройства заявителя с содержащейся в его памяти цифровой информацией, в т. ч. веб-ресурсов удаленного доступа (в зависимости от способа хищения осмотру подлежат чаты и группы в социальных сетях, мессенджерах, история посещений и закладки браузера, программные или онлайн-криптокошельки, журналы вызовов, журналы программ удаленного доступа, электронная почта, веб-страницы торговых площадок, форумов, фишинговых сайтов, архивы платежей в мобильном или интернет-банкинге, кабинеты криптобирж и обменников, заблокированные программой-вымогателем файлы и т. д.). Если получить доступ к цифровой информации на устройстве заявителя не представляется возможным, то его следует либо изъять в ходе осмотра места происшествия и назначить по нему судебную компьютерно-техническую экспертизу или экспертизу радиоэлектронных устройств для обнаружения, восстановления и копирования проверяемых (искомых) данных для их последующего осмотра, либо провести осмотр устройства и компьютерной информации на месте с участием специалиста и применением аппаратно-программных комплексов, позволяющих в полевых условиях обнаружить и скопировать файлы из памяти устройства либо создать образ.
- Осмотр документов — скриншотов, предоставленных заявителем в ходе объяснений (если есть).
- Направление запроса банку о движении денежных средств по счету заявителя, если предмет преступного посягательства — денежные средства.
- Осмотр кабинета криптокошелька заявителя, если предмет преступного посягательства — криптовалюты (при наличии возможности доступа).

- Получение справочной информации из общедоступных поисковых систем, веб-ресурсов, чат-ботов по выявленным цифровым следам-идентификаторам.

- Направление запросов о предоставлении или оказании содействия в сохранении данных белорусским и зарубежным организациям по выявленным следам-идентификаторам, в т. ч. по линии Национального контактного пункта МВД (далее — НКП) и Интерпола (мобильным операторам, владельцам веб-ресурсов, провайдерам, хостинговым организациям, банкам).

- Проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности преступника.

2. Сведения о хищении поступили от лица, которому хищением причинен вред (заявитель), предметом преступного посягательства выступают криптовалюты или денежные средства, способ хищения не установлен, личность преступника не известна, цифровые следы-идентификаторы не установлены (характерна для бесконтактных способов хищения при взломе электронной почты, подборе данных авторизации, удаленном доступе к устройству потерпевшего):

- Получение объяснений заявителя.

- Осмотр устройства заявителя с содержащейся в его памяти цифровой информацией, в т. ч. веб-ресурсов удаленного доступа (осмотру подлежат аккаунт криптокошелька заявителя; привязанная к нему электронная почта, в частности входящие письма и письма, перемещенные в корзину, или спам от криптоплатформы кошелька, сведения об устройствах, с которых осуществлялся доступ к аккаунту почты, если почтовый сервис их предоставляет пользователю в личном кабинете; история посещения веб-сайтов в используемом заявителем браузере на предмет наличия адресов фишинговых сайтов криптоплатформ, банкинга и иных ресурсов, где могли быть введены данные авторизации; архив загрузок браузера на предмет скачивания и установки на устройство заявителя вирусных программ-шпионов; менеджер программ и компонентов устройства заявителя; кабинет мобильного или интернет-банкинга).

- Получение справочной информации из общедоступных поисковых систем, веб-ресурсов, чат-ботов по выявленным цифровым следам-идентификаторам.

- Направление запросов о предоставлении или оказании содействия в сохранении данных белорусским и зарубежным организациям, в т. ч. по линии НКП и Интерпола, а именно почтовым сервисам (восстановление удаленных писем, получение сведений об устройствах, с которых осуществлялся доступ к аккаунту почты за интересующий период), криптоплатформам (сведения об устройствах, осуществлявших доступ к кабинету криптокошелька заявителя, а также сведения о владельце криптокошелька заявителя), банкам (о движении денежных средств по счету заявителя), хостинговым провайдерам (получение

сведений о лицах, разместивших на их серверах фишинговые веб-сайты), провайдерам сети Интернет и мобильным операторам (получение сведений о движении сетевого трафика с устройства заявителя).

– Проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности преступника.

3. Сведения о хищении поступили от лица, которому хищением причинен вред (заявитель), предметом преступного посягательства выступают денежные средства (реже криптовалюты), способ хищения установлен, личность преступника установлена со слов заявителя или очевидцев (характерна для грабежа, контактного мошенничества или хищения путем модификации, если имела место личная встреча с преступником):

– Получение объяснений заявителя.

– Осмотр места происшествия (места совершения грабежа, передачи наличных денежных средств при мошенничестве, получения непосредственного личного доступа к устройству заявителя при хищении путем модификации) с целью обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов в обстановке места преступления, записей с камер видеонаблюдения или автомобильных регистраторов, установления очевидцев, а также лиц, имевших доступ к месту нахождения устройства заявителя.

– Получение объяснений очевидцев (при наличии).

– Осмотр устройства заявителя с содержащейся в его памяти цифровой информацией, в т. ч. веб-ресурсов удаленного доступа с целью выявления способа контакта между заявителем и преступником (чаты и группы в социальных сетях, мессенджерах, форумах, торговых площадках, журналы вызовов), либо установления неправомерной транзакции и подтверждения принадлежности криптокошелька заявителю (осмотр кабинета криптокошелька, архива транзакций).

– Осмотр документов — скриншотов, предоставленных заявителем в ходе объяснений (если есть).

– Направление запроса мобильному оператору, если установлен абонентский номер, использованный преступником.

– Получение справочной информации по криминалистическим и оперативным учетам о личности преступника.

– Задержание в порядке ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и личный обыск предполагаемого преступника.

4. Сведения о хищении поступили от должностного лица организации, хищение направлено на причинение вреда юридическому лицу — гражданскому истцу, предметом преступного посягательства выступают криптовалюты, причинен имущественный вред (либо вред не причинен по независящим от преступника причинам), способ установлен со слов заявителя, личность

преступника не известна (характерна для вымогательства в отношении юридического лица):

- Получение объяснений должностного лица организации о событии преступления.

- Осмотр устройства организации с содержащейся в его памяти цифровой информацией, в т. ч. веб-ресурсов удаленного доступа (в зависимости от способа вымогательства осмотру подлежат файлы и программы, установленные на устройстве, история загрузок браузера, веб-сайт, с которого осуществлено скачивание вирусной программы, и/или аккаунт электронной почты, на который поступило письмо с требованием о выкупе); при невозможности осмотра устройства и цифровой информации по месту его нахождения (например, при повреждении файлов программой-вымогателем), целесообразно провести осмотр места происшествия с изъятием устройства для назначения судебной компьютерно-технической экспертизы.

- Если сообщение о выкупе поступило по электронной почте и/или программа-вымогатель скачана из вложения в электронное письмо — направить запрос по линии НКП почтовому сервису с целью оказания содействия в предоставлении или сохранении сведений об IP-адресе устройства преступника, с которого отправлено сообщение, либо хостинг-провайдеру с целью получения сведений о владельце сайта, на котором размещен установочный файл вирусной программы.

- Если требование вымогателя реализовано — направить запрос банку о движении денежных средств по счету организации или физического лица (должностного лица), выполнившего требование.

- Получение справочной информации из общедоступных поисковых систем, веб-ресурсов, чат-ботов по выявленным цифровым следам-идентификаторам.

- Проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности преступника.

5. Сведения о хищении поступили от должностного лица организации, хищение направлено на причинение вреда физическому лицу (гражданину), предметом преступного посягательства выступают криптовалюты и/или денежные средства, личность физического лица, которому хищением причинен вред, установлена по информации заявителя, способ хищения не известен, личность преступника не установлена (характерна для хищений путем несанкционированного доступа к криптокошелькам биржи посредством подбора данных авторизации):

- Получение объяснений должностного лица организации о событии преступления, личных данных физических лиц, которым хищением причинен вред.

– Осмотр устройства организации с содержащейся в его памяти цифровой информацией (как правило, серверы организации) с целью установления криптокошельков, к которым осуществлен несанкционированный доступ для списания средств, а также их владельцев, сведений об устройствах, с которых преступником реализован несанкционированный доступ.

– Проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности и местонахождения физических лиц, которым хищением причинен вред.

– Получение объяснений физических лиц, которым хищением причинен вред.

– Осмотр устройства физического лица, которому хищением причинен вред, с содержащейся в его памяти цифровой информацией, в т. ч. веб-ресурсов удаленного доступа с целью определения вероятного способа получения данных авторизации криптокошелька (осмотру подлежат кабинет электронной почты, история посещений веб-ресурсов браузера, программы, установленные на устройстве физического лица).

– Направление запросов о предоставлении или оказании содействия в сохранении данных белорусским и зарубежным организациям, в т. ч. по линии НКП и Интерпола, а именно провайдерам сети, за которыми зарегистрированы проверяемые IP-адреса предполагаемых преступников; почтовым сервисам для установления сведений об устройствах, получивших несанкционированный доступ к электронной почте физического лица, которому хищением причинен вред; хостинг-провайдерам, на серверах которых размещены фишинговые сайты.

– Проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности преступника.

– Получение справочной информации из общедоступных поисковых систем, веб-ресурсов, чат-ботов по выявленным цифровым следам-идентификаторам.

Таким образом, комплекс проверочных мероприятий, предложенных в рамках настоящей статьи, на основе поступившей от заявителя исходной информации о событии преступления, проводимых в условиях обозначенных типичных ситуаций этапа проверки по фактам хищений в сфере оборота криптовалют, способствует установлению обстоятельств, указывающих на признаки состава хищения, способа его совершения, предмета преступного посягательства, сведений о лице, которому хищением причинен вред, вида и размера вреда, источников иной информации, способной подтвердить показания заявителя, что в целом способствует принятию решения о возбуждении уголовного дела.

1. Дедковский А. А., Бушкевич Н. С. Уголовно-процессуальное регулирование криптовалюты: законодательное решение актуальных прикладных проблем // Актуальные проблемы гражданского права. 2019. № 1 (13). С. 195–204. [Вернуться к статье](#)
2. Гамко С. Л. Разоблачение преступной схемы хищения криптовалюты // Предварительное расследование. 2019. № 2 (6). С. 87–90. [Вернуться к статье](#)

Т. Л. Щерба

*начальник кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

М. С. Мицкевич

*старший инспектор отделения
цифровизации и сопровождения информационных систем
отдела цифровизации и эксплуатации информационных систем
ИЦ МВД Республики Беларусь*

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПО ФАКТУ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА И (ИЛИ) ИНСТРУМЕНТОВ

В последнее время отмечается активный рост киберпреступлений, в структуре которых одно из доминирующих мест занимают мошенничества. Данные хищения в основном происходят путем побуждения граждан к зачислению денежных средств на карт-счета мошенников для сохранения своих денежных средств, а также под предлогом осуществления инвестиций в криптовалюту либо торговли на различных интернет-биржах. Кроме этого, не редки случаи совершения хищений путем модификации компьютерной информации.

Совершение данных преступлений невозможно без вывода денежных средств на карт-счета мошенников. Закономерным в данной ситуации является то, что регистрация карт-счета с использованием паспортных данных мошенника не осуществляется, так как последний будет установлен правоохранительными органами в кратчайшие сроки.

Особенность способа совершения рассматриваемых преступлений детерминировала необходимость в привлечении в преступные схемы лиц, называемых «дроп». В рассматриваемом случае «дроп» — это лицо, которое вопреки нормам действующего законодательства, из корыстных побуждений, с использованием своих паспортных данных осуществило регистрацию карт-счета, банковской платежной карточки, аккаунта в приложении мобильного банкинга банковского учреждения и в последующем за денежное вознаграждение передало аутентификационные данные от него третьему лицу. Наряду с этим в преступные схемы также могут быть вовлечены лица категории «дроповод», которые осуществляют регистрацию аккаунтов в приложениях мобильного банкинга и виртуальных карт-счетов с использованием паспортных данных нескольких граждан и затем осуществляют их передачу мошенникам за денежное вознаграждение.

За указанные выше действия в качестве меры реагирования со стороны государства введена уголовная ответственность, предусмотренная ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Диспозиция данной статьи предусматривает следующие признаки преступления: изготовление в целях сбыта либо сбыт поддельных банковских платежных карточек, иных платежных инструментов и средств платежа, а равно совершенное из корыстных побуждений незаконное распространение реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам. В качестве квалифицирующих признаков указаны повторность, совершение преступления организованной группой, а также в особо крупном размере.

Несмотря на то, что преступления, предусмотренные ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь относятся к делам публичного обвинения, их латентный характер обуславливает тот факт, что наиболее распространенным поводом к возбуждению уголовных дел по данной статье является непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления. При этом, как правило, этому предшествует оперативно-розыскная деятельность по выявлению данных преступлений. В связи с этим можно отметить, что на момент регистрации рапорта в единой книге регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях [1] уже имеются материалы, свидетельствующие о противоправной деятельности гражданина. Вместе с тем для проведения полной, всесторонней и объективной проверки по факту совершения преступления, предусмотренного вышеуказанной статьей, необходимо тактически грамотно опросить предположительно виновное лицо.

В ходе получения объяснения необходимо выяснить, кому, когда, где, при каких обстоятельствах последний передал свои аутентификационные данные или средства платежа. В обязательном порядке необходимо отразить, какую сумму денежного вознаграждения он получил за оказание данной услуги, а также установить максимально известные данные о лице, непосредственно которому был осуществлен сбыт. При этом особое внимание необходимо уделить перечню банковских учреждений, аккаунты мобильных банкингов которых были реализованы. Дополнительно следует устанавливать, имело ли место привлечение третьих лиц в названную мошенническую схему.

После получения объяснения, с согласия собственника и в его присутствии, провести осмотр его мобильного телефона, в рамках следственного действия осмотр предмета и компьютерной информации. В случае, если такое согласие не получено, в соответствии с ч. 2 ст. 204¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, для проведения осмотра должна быть получена санкция прокурора, или в случаях, не терпящих отлагательств, осмотр

компьютерной информации может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре. Это обусловлено тем, что доступ к компьютерной информации, содержащейся в мобильном телефоне, как правило, осуществляется посредством аутентификации пользователя либо он содержит информацию о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Под аутентификацией в данном случае необходимо понимать проверку личности пользователя путем сравнения введенного им пароля, пин-кода, графического ключа с сохраненными в базе данных пользовательской информации либо сравнения биометрических данных [2, с. 45] для получения доступа к компьютерной информации, содержащейся в мобильном телефоне.

В ходе проведения осмотра необходимо зафиксировать всю информацию, имеющую криминалистическое значение. К данному типу информации относятся мобильные приложения банковских учреждений, смс-сообщения, переписки в социальных сетях. Особое внимание следует уделить наличию скрытых файлов на мобильном устройстве, установить, имеется ли второе пространство на телефоне или нет. При необходимости к данному осмотру можно привлечь специалиста.

Для производства осмотров компьютерной информации в рамках правовой формы использования специальных знаний допускается возможность привлечения сторонних специалистов, являющихся сотрудниками государственных органов и иных организаций, что обусловлено, как свидетельствует практика органов уголовного преследования, значительной загруженностью сотрудников Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

В ходе проведения проверки необходимо направить соответствующие запросы в банковские учреждения с целью подтверждения наличия карт-счетов, зарегистрированных на данного гражданина. При получении ответов их необходимо изучить и установить IP-адреса входов в приложения мобильных банкингов. Дополнительно следует запросить сведения о телефонных соединениях фигуранта, провести их осмотр и анализ. При проведении осмотров полученных сведений из банковских учреждений необходимо сопоставлять даты открытия счетов в банковских учреждениях и даты поступления денежных средств на основной карт-счет подозреваемого.

Таким образом, проверка по факту незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов проводится посредством производства следующих следственных и иных процессуальных действий: получение объяснений, осмотра предмета и компьютерной информации, запросов в банковские учреждения и телефонные компании.

1. О заявлениях и сообщениях о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях (вместе с «Инструкцией о порядке приема, регистрации и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях») [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 8 янв. 2019 г., № 5 : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Компьютерная информация в следственной деятельности: сбор, оценка, использование : учеб. пособие / Ф. Каменецкий [и др.] ; под общей ред. Ю. Ф. Каменецкого ; учреждение образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь». 2-е изд., перераб. Минск : СтройМедиаПроект, 2023. 383 с. [Вернуться к статье](#)

Ю. А. Юрченко

*адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России*

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

24 февраля 2022 г. Президентом Российской Федерации было принято решение о проведении специальной военной операции (далее — СВО) на территориях Донецкой и Луганской республик. Свои задачи на данных и близлежащих территориях, в том числе за пределами Российской Федерации, и по сегодняшний день выполняют министерства и ведомства Российской Федерации [1]. В связи с чем появилась необходимость в рамках Конституции Российской Федерации внести изменения в уголовное законодательство в целях обеспечения безопасности общества и государства, а также обеспечения защиты чести и достоинства граждан Российской Федерации, принявших участие в СВО, мужественно исполняющих свой долг перед отечеством.

Федеральным законом Российской Федерации была установлена уголовная ответственность за информационное противодействие использованию Вооруженных сил Российской Федерации, осуществлению органами государственной власти своей деятельности, оказанию добровольческими формированиями, организациями и гражданами содействия. Данные нормы нашли закрепление в ст. 207³ и 280³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) [2].

Верно подмечено, что данные новеллы направлены в первую очередь на защиту прав и интересов граждан Российской Федерации, а это в настоящее время является важным вопросом национальной безопасности страны [3, с. 50].

Криминализация как процедура имеет прямую взаимосвязь с уголовной противоправностью деяния, при этом являясь важнейшей составляющей уголовно-правового законодательства, и, по мнению А. В. Наумова, данный процесс «есть законодательное признание определенных деяний преступными и наказуемыми, т. е. установление за их совершение уголовной ответственности», при этом автор отмечает, что причины реагирования законодателя на возникшие общественные отношения криминализацией деяния являются специфическими лишь для определенного периода развития того или иного государства [4].

Итак, криминализация — это процесс (процедура) установления уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния, итогом которой является уголовно-правовой запрет.

Классификация принципов криминализации общественно опасного деяния многообразна в юридической литературе. По мнению Н. А. Лопашенко, принципы криминализации представляют собой основополагающие идеи, начала, на которые необходимо опираться при решении вопроса о реализации такого процесса, при этом рассматриваемые принципы являются гарантией от возможных ошибок. При соблюдении принципов данной процедуры обеспечивается необходимый и эффективный уголовно-правовой запрет. Автор отмечает, что классификация принципов криминализации общественно опасного деяния включает в себя следующее:

1. Принцип достаточной общественной опасности криминализируемых деяний.
2. Принцип относительной распространенности криминализируемых деяний.
3. Принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение.
4. Принцип преобладания позитивных последствий в криминализации.
5. Принцип избыточности уголовно-правового запрета.
6. Принцип своевременности криминализации.

Применительно к нашим новеллам рассмотрим подробнее классификацию, предложенную Н. А. Лопашенко, так как, по нашему мнению, она является более содержательной и обширной, учитывая все наиболее важные аспекты анализируемой нами процедуры — криминализации общественно опасного деяния.

Принцип достаточной общественной опасности. 20 мая 2022 г. Президент Российской Федерации заявил, в отношении российского государства ведется информационная война, отметил, что за последние годы количество кибератак растет, а после объявления о проведении СВО данные явления имеют крупный масштаб, ввиду чего необходимо стало парировать внешнюю угрозу в этой сфере [5].

Информационная война стала настоящей «войной за умы людей, их настроения и волю, ставится задача по «расчеловечиванию» россиян, созданию пессимистического настроения в нашем обществе, стимулированию в нем протестных настроений вплоть до проведения массовых акций с целью открытого заявления о несогласии с действиями, осуществляемыми государством [6, с. 63]. Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что принцип достаточной общественной опасности был соблюден при установлении уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 207³ и 280³ УК.

Принцип относительной распространенности криминализируемых деяний, по нашему мнению, также был соблюден законодателем. В интернет-пространстве, в социальных сетях (VK, Instagram и др.), мессенджерах (WhatsApp, Telegram и др.) и на других платформах (YouTube, Twitch, TikTok и «Википедия») [7] после начала СВО, проводимой нашим государством, в целях противодействия выполнению боевых задач военнослужащими российской армии, а также осуществлению своих функций органами государственной власти Российской Федерации начали публиковаться сообщения, которые могли сопровождаться различными видеороликами, содержащие информацию дискредитирующего характера, а также распространяющие ложную информацию среди широкой общественности [8]. Большое количество деяний, провоцирующих различные слои населения России на массовые акции неповиновения власти, в том числе и на совершение административных правонарушений и преступлений, посягающих на общественный порядок, безопасность общества и государства, а также иные общественные отношения, охраняемые государством, прояснило необходимость урегулирования рассматриваемых общественных отношений на уголовно-правом уровне [9].

Принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение. Исходя из того, что появилась необходимость установления уголовной ответственности за информационное противодействие использованию Вооруженных сил Российской Федерации, исполнению государственными органами полномочий, оказанию им содействия добровольческими формированиями, можно прийти к выводу, что общество условно разделилось на две группы: одни положительно относятся к решениям, принимаемым государством, другие — отрицательно. В отдельных случаях такого рода отрицательная оценка приводит к формированию деструктивного поведения у граждан, складывается некорректное представление об использовании Вооруженных сил Российской Федерации и исполнении государственными органами своих полномочий. Формируется ложное восприятие реальных событий, вплоть до того, что происходит искажение фактов истории и роли нашего государства в тех или иных событиях. Так или иначе, доля патриотически настроенного населения значительно больше доли тех, кто совершает противоправные действия, публично подрывая авторитет Вооруженных сил Российской Федерации, государственных органов и добровольческих формирований, оказывающих им содействие в выполнении задач. Следовательно, можно сделать вывод, что принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение был соблюден законодателем.

Принцип преобладания позитивных последствий в криминализации. В данном случае анализируется эффективность криминализации рассматриваемых нами новелл уголовного законодательства. Изучается вопрос, насколько и чему

был нанесен вред при установлении уголовной ответственности. В процессе криминализации информационного противодействия деятельности Вооруженных сил и государственных органов Российской Федерации ограничению подлежало право гражданина на свободу слова. Отметим, что такое право не является абсолютным, основания его ограничения зафиксированы как в большинстве международных актов в части, касающейся свободы слова и коммуникации, так и в Конституции Российской Федерации (п. 3 ст. 55). В случае предоставления полной свободы слова лицами либо распространяется ложная информация, либо осуществляются систематические действия, направленные на подрыв авторитета, в том числе и публичные призывы к подобного рода действиям, что усиливает риски возникновения массовых беспорядков, совершения административных правонарушений и преступлений, посягающих на другие общественные отношения, охраняемые законом (жизнь, здоровье, собственность, общественный порядок и общественная безопасность). По нашему мнению, законодатель верно расставил приоритеты по отношению к рассматриваемым интересам общества и государства, в связи с чем принцип преобладания позитивных последствий был соблюден.

Принцип неизбыточности уголовно-правового запрета, как правило, включает в себя два фактора: 1) соответствие объемов уголовно-правового запрета, пределов уголовного наказания характеру и степени общественной опасности противоправного деяния; 2) исключение пересечения анализируемой уголовно-правовой нормы с иными составами преступлений.

Рассматривая первый фактор принципа неизбыточности в контексте криминализации информационного противодействия деятельности Вооруженных сил Российской Федерации, органов государственной власти Российской Федерации и добровольческих формирований, оказывающих им содействие, в настоящее время однозначно нельзя сказать, был ли соблюден данный принцип, так как нормы, предусмотренные статьями 207³ и 280³ УК, достаточно новые, в связи с чем могут возникнуть основания для внесения изменений в них, в том числе в части, касающейся пределов наказания.

Анализируя второй фактор, необходимо отметить, что по отдельности данные нормы с другими составами преступлений не пересекаются, но при этом между собой они имеют тесную взаимосвязь. Так, публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации, органов государственной власти за пределами государства и добровольческих формирований одновременно является публичным действием, направленным на дискредитацию такой деятельности. Ввиду вышесказанного, мы не можем сказать, что принцип неизбыточности уголовно-правового запрета был полностью соблюден при криминализации информационного противодействия деятельности рассматриваемых объектов уголовно-правовой охраны.

Принцип своевременности криминализации применительно к общественно опасным деяниям, направленным на информационное противодействие деятельности Вооруженных сил и государственных органов Российской Федерации, мы считаем, можно рассматривать в двух следующих аспектах: 1) относительно решения Президента Российской Федерации о проведении СВО на территориях республик Донбасса; 2) относительно истории использования Вооруженных сил СССР и Российской Федерации (до 24 февраля 2022 г.).

В рамках данного исследования мы рассмотрим только первый аспект. Если анализировать своевременность криминализации общественно опасного поведения, проявляющуюся в информационном противодействии деятельности Вооруженных сил Российской Федерации и органов государственной власти, ориентируясь непосредственно на начало проведения СВО, то в данном случае законодатель оперативно среагировал на такое поведение путем установления административной и уголовной ответственности. Отметим, что началом СВО принято считать 24 февраля 2022 г. на основании публичного заявления Президента Российской Федерации о таком решении, для реализации которого необходимо стало использовать Вооруженные силы Российской Федерации, а также привлекать органы государственной власти для осуществления своих полномочий за пределами государства в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, а также поддержания международного мира и безопасности. При этом рассматриваемые новеллы уголовного и административного законодательства были введены 4 марта 2022 г.

В результате анализа соблюдения законодателем принципов криминализации применительно к ст. 207³ и 280³ УК мы считаем, что не полностью был соблюден принцип неизбыточности уголовно-правового запрета. При этом, по нашему мнению, данное обстоятельство не является критичным, так как нормы относительно новые и вводились оперативно в целях обеспечения безопасности общества и государства. Безусловно, криминализация рассматриваемых общественно опасных деяний была необходима, более того, она осуществлялась в рамках международно-правовых актов и отечественного законодательства, одновременно реализуя некоторые задачи, указанные в стратегии национальной безопасности Российской Федерации [10].

---

1. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Администрация Президента России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 03.11.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон,

4 марта 2022 г., № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 7 марта 2022 г., ст. 1389. М. : Юрид. лит., 2022. № 10. [Вернуться к статье](#)

3. Козаев Н. Ш., Табакова Н. А. Особенности уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207.3 УК РФ) // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 48–51. [Вернуться к статье](#)

4. Наумов А. В. Российское уголовное право: Общая часть : курс лекций : в 2 т. М. : Юрид. лит., 2004. Т. 1. 496 с. [Вернуться к статье](#)

5. «Против России развязана настоящая война». Как она будет защищаться [Электронный ресурс] // Газета.ru : [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml?updated> (дата обращения: 20.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Кибальник А. Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 62–69. [Вернуться к статье](#)

7. Мизулина назвала число фейков на тему России и СВО [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/society/mizulina-rasskazala-o-millionah-fejkov-na-temu-rossii-i-svo/> (дата обращения: 20.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Более 5 млн фейков о спецоперации распространено в интернете [Электронный ресурс] // РАПСИ : [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20230317/308756178.html (дата обращения: 20.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. В России начались массовые задержания протестующих против специальной военной операции [Электронный ресурс] // Реадовка.Ру : [сайт]. URL: <https://readovka.news/news/89563> (дата обращения: 20.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 5 июля 2021 г., № 27 (Часть II), статья 5351. М. : Юрид. лит., 2021. [Вернуться к статье](#)

Трибуна Молодого Ученого

по результатам проведенных международных научно-практических семинаров:

29 ноября 2023 года — «Актуальные проблемы теории и практики
уголовного права на современном этапе»;

28 марта 2023 года — «Уголовно-процессуальные и криминалистические
аспекты расследования киберпреступлений»

УДК 343.9

Е. И. Будылина

*адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России*

ОСОБЕННОСТИ ПОИСКА ПРЕСТУПНИКОМ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ НА СЕРВИСАХ ИНТЕРНЕТ-ЗНАКОМСТВ

В информационном обществе высокоразвитый Интернет стал неотъемлемой частью повседневной жизни человека. С увеличением числа пользователей данной Сети множество онлайн-сервисов были разработаны для удовлетворения различных потребностей и запросов людей. Не исключением являются и специализированные сервисы интернет-знакомств. И среди многочисленных благ, которые интернет-пространство нам предоставляет, нередко возникают и негативные явления [1]. Особенно актуальной проблемой в наше время является преступность на сервисах онлайн-знакомств. Злоумышленники все чаще используют специализированные сервисы интернет-знакомств для поиска жертв, скрываясь под маской обычных пользователей.

Итак, разберем, какие же уловки преступник использует при поиске жертвы на платформах онлайн-знакомств. Опытный и хладнокровный преступник тактично и объективно оценивает свои возможности. Анализируя различные профили, он ищет в описании и фотографиях информацию, которая указывает на признаки уязвимости потенциальных жертв.

Первым признаком, на который может обратить внимание преступник, является низкая самооценка человека. Часто при поиске жертв злоумышленник старается найти подход к людям, которые могут быть подавлены или находиться в поиске своей ценности. Такие люди склонны доверять незнакомцам и попадают в опасные ситуации. Следующим признаком уязвимости, на который преступник обращает внимание, является одиночество. Человек, использующий сервисы интернет-знакомств, зачастую уже является более уязвимым, так как он ищет на них внимания к себе и взаимности. Преступник смело может

воспользоваться этой уязвимостью, обещая дать жертве то, чего она так желает — любовь, заботу и понимание [2].

Для лучшего понимания разберем несколько качеств потенциальных жертв, на которые могут обратить внимание злоумышленники при использовании платформы интернет-знакомств в преступных целях:

1. Импульсивность. Учитывая данную черту характера человека, преступник создает ощущение срочности, какой-либо острой необходимости, к примеру, необходимости срочной оплаты лечения, так как именно в такой ситуации импульсивные люди начинают попадаться на крючок злоумышленников, совершая, к примеру, переводы денежных средств, не задумываясь о подвохе.

2. Доверчивость. Искренние и наивные люди, начиная общение с помощью сервисов интернет-знакомств, порой даже не представляют, что люди по ту сторону экрана могут оказаться крайне жестокими и коварными преступниками. И когда злоумышленники начинают втираться в доверие к потенциальной жертве, правильно выстраивать диалоги, выслушивая проблемы, интересуясь каждым его днем, разделяя все печальные и радостные моменты, то человек уже даже и подумать не может, что с каждым диалогом преступник становится все ближе к реализации своего преступного намерения.

3. Отчаяние. Люди брошенные, разведенные, из неполных семей, средних лет и пожилые, эмоционально нестабильные, матери и отцы-одиночки и т. д. — такие люди порой могут отчаяться и стать жертвой обмана.

4. Зависимость. Данный контингент людей зачастую попадает в ловушки красивых обещаний, верит признаниям в любви и различным рассказам о чувствах, их ценности и нужности. Они настолько сильно привязываются к аферистам, что не в состоянии отказаться от общения с ними. Порой, даже узнав о совершении преступления в отношении себя, жертва не перестает оправдывать преступника.

Изучая механизм манипуляций в интернет-коммуникациях, А. И. Махалин считает, что «манипуляции представляют собой определенную систему сценариев, алгоритмов и техник, непосредственно связанных с реализацией целей заинтересованных лиц, которые могут влиять на деятельность и жизнь не только отдельной личности или определенной социальной группы, но могут затрагивать большие общественные образования города, региона, страны или даже мира, принося инициаторам существенные дивиденды» [3].

Мы не можем не согласиться с мнением автора, так как в случае совершения преступлений при помощи сервисов интернет-знакомств злоумышленник всегда старается использовать манипулятивные тактики в отношении своей потенциальной жертвы, вследствие которых он сможет реализовать свой преступный умысел [4].

Также следует понимать, что преступники исследуют аккаунты, чтобы найти жертву, которой в последующем можно будет легко манипулировать. Некоторые люди имеют недостаточный уровень самоконтроля или имеют проблемы с принятием взвешенных решений. И по отношению к таким людям преступник может создать иллюзию контроля и заботы, постепенно подчиняя их своей воле [5]. Более опытные преступники используют виртуальные средства для создания фальшивых профилей, например, новые технологии нейросетей и социальную инженерию, стараясь таким образом привлекать своих потенциальных жертв.

Подводя итоги вышеизложенному, следует понимать, что механизм использования злоумышленником сервисов интернет-знакомств в преступных целях — довольно-таки сложный и многогранный процесс. При расследовании и раскрытии данных видов преступлений правоохранительным органам не хватает знаний и методических рекомендаций для эффективного поиска преступника. В криминалистической науке в настоящее время не в полном объеме изучен механизм выявления преступлений на специализированных сервисах интернет-знакомств, что увеличивает количество нераскрытых преступлений в стране.

-
1. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. М. : Юрлитинформ, 2018. 312 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Сур Е. И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-ponyatie-osnovnye-priznaki-i-struktura> (дата обращения: 20.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
  3. Махалин А. И., Лоскот И. В. Механизмы манипуляций в интернет-коммуникациях [Электронный ресурс] // The Newman in Foreign policy. 2018. № 43 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-manipulyatsiy-v-internet-kommunikatsiyah> (дата обращения: 20.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
  4. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М. : АСТ : Харвест, 2006. 357 с. [Вернуться к статье](#)
  5. Веретенкина Л. Ю. Стратегия, тактики и приемы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 24–26 окт. 2001 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 177–179. [Вернуться к статье](#)

В. С. Горковенко

*курсант факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина*

*Научный руководитель: А. М. Журбенко,
доцент кафедры криминалистики
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат экономических наук*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время во всем мире происходит стремительное развитие процесса цифровизации всех сфер жизни общества. С течением времени цифровые технологии все больше проникают в нашу повседневную жизнь, оказывая на нее огромное влияние. В связи с этим использование цифровой информации при раскрытии и расследовании преступлений становится неотъемлемой частью современной правоохранительной деятельности. Одним из ключевых аспектов этого процесса является возможность доступа к большим объемам данных, которые стали доступными благодаря цифровому прогрессу. Все действия в мире практически полностью цифровизированы: мы пользуемся мобильными устройствами, осуществляем покупки через Интернет, общаемся в социальных сетях и т. д. Все эти действия оставляют цифровой след [1]. Правоохранительные органы могут использовать эту цифровую информацию для раскрытия и расследования преступлений. Большое количество данных позволяет выявить связи между подозреваемыми и потерпевшими, а также установить место и время совершения преступлений. Благодаря развитию специализированных программ и алгоритмов можно прогнозировать возможные места и время совершения преступлений, что упрощает задачу правоохранительным органам.

В настоящее время Российская Федерация значительно продвинулась в вопросах цифровизации общества, предпринимаются определенные шаги по созданию различных сайтов, которые модернизируют деятельность людей. Так, в рамках цифрового развития, использования информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 утверждено «Положение о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. Данная программа направлена на достижение целей, целевых показателей и

выполнение задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3].

Цели этой программы — создание доступного Интернета, организация связи для безопасного взаимодействия в крупнейших городах России, защита информации граждан, бизнеса и государства, повышение эффективности основных отраслей экономики, подготовка кадров к работе в цифровой среде, а также возможность увеличить затраты на развитие цифровой экономики в валовом внутреннем продукте страны в три раза [4].

Необходимо отметить, что цифровизация деятельности правоохранительных органов осуществляется в направлении создания и использования справочно-информационных систем в целях раскрытия преступлений и розыска лиц, представляющих в основном оперативный интерес, а также оружия и предметов преступного посягательства. Среди них можно назвать следующие наиболее активно используемые автоматизированные информационно-поисковые системы (далее — АИПС): АИПС «Сейф», АИПС «Картотека», АИПС «Розыск номерных вещей», АИПС «Розыск оружия», а также автоматизированную дактилоскопическую идентификационную систему (АДИС) «Папилон» и автоматизированные базы данных (АБД) «Регион» [4].

Эффективность в расследовании преступления рассматривается прежде всего как процесс, который каждый раз систематично вносит в свою работу элементы, облегчающие процесс расследования от начала и до его завершения. Такая современная система работы позволяет обеспечить информационную составляющую (цифровизация процесса), аналитическую составляющую (в совокупности с информационной составляет автоматизацию рабочего места (далее — АРМ) дознавателя, следователя, руководителя). Но существует проблема недостаточного финансирования системы АРМ в работе правоохранительной деятельности.

Учитывая стратегическое направление цифровизации, напрямую затрагивающей все стороны деятельности общества, очевидно, что при раскрытии преступлений необходима не только систематическая составляющая, но и создаваемые базы, комплексы, которые должны быть доступны для деятельности гражданских лиц.

Главная цель применения информационной поддержки заключается в получении информации. В рамках рассмотрения вопроса о применении информационной поддержки в раскрытии и расследовании преступлений стоит учитывать, что получаемая информация — это прежде всего данные о лицах, совершивших преступление, а также предметы, факты, события, процессы, полученные в соответствии с законами, касающимися правоохранительной деятельности, материально зафиксированная и систематизированная [5].

В каждой сфере использование цифровизации — это прежде всего удобство в работе и быстрота принятия решений. При расследовании преступлений такая быстрота важна, так как получение и обработка необходимых сведений все чаще и чаще используются органами внутренних дел. При совершении преступлений с использованием цифровой информации увеличивается количество цифровых следов. Используются метаданные, включающие информацию о том, когда произошло то или иное событие. Этот аспект стоит на первом месте, так как установление времени происходящего помогает определить временные рамки и правильно установить причину произошедшего.

После выяснения времени, соответственно, происходит конкретизация в вопросах местоположения. Здесь использование цифровизации — это неотъемлемая часть процесса, так как установление местоположения чаще происходит с помощью GPS-координат или данных сотовой связи, которые указывают на местоположение устройства в момент события. Как по цепочке из установления метаданных и местоположения с использованием цифровых технологий устанавливаются участники события: из сообщений, звонков, которые так или иначе содержат информацию об отправителях и получателях. Все это помогает выстраивать цепь коммуникации и устанавливать связи между участниками. Сюда же относится и такой аспект цифровых технологий, как интернет-слежение (веб-трекинг), а именно история браузеров, данные о том, какие сайты посещал предполагаемый участник преступления, его предпочтения и интересы, помогающие в дальнейшем определить множество факторов совершения преступления. Это может быть полезно при расследовании преступлений, связанных с онлайн-активностью. Продолжая далее рассматривать просторы Интернета, стоит также упомянуть и получение информации из социальных медиаплатформ. Профили в социальных сетях весьма информативны: иногда там можно найти намного больше нужной и важной информации (контакты, список друзей, фотографии, публикация информационных постов), которую преступник может оставить для популяризации своей страницы, сам не подозревая, что она будет использована против него. Там же можно увидеть всю его переписку, что упрощает работу следствия, так как многое становится понятным из разговоров. Сюда же относится и работа с электронной почтой и облаком предполагаемого участника преступления, следствие может найти там возможные данные о планах, мотивах и взаимоотношениях между подозреваемыми лицами.

Совокупно анализируя эти данные, правоохранительные органы могут восстановить хронологию событий, определить местонахождение подозреваемых в определенное время, а также определить их связи и мотивацию. Эти цифровые следы служат важным инструментом в руках следователей, помогая им

эффективно выявлять и расследовать различные виды преступлений в эпоху цифровых технологий [6]. Однако важно соблюдать законы о защите данных.

Сейчас компьютеры широко используются в целях обработки и хранения различного рода информации. Используются они и в преступной деятельности. Прежде всего при обыске места нахождения подозреваемого (дом, работа и т. д.) возможно не только работать с компьютером преступника, но и изъять его для детальной проработки и установления всей необходимой информации. В таких ситуациях в работу вступает профессиональный IT-специалист, который может установить доступ к тому или иному возможно заблокированному серверу.

Подводя итог, можно говорить о том, что современное использование цифровой информации при работе правоохранительных органов является важной составляющей работы специалистов. Прежде всего, это возможность быстрого доступа к большим объемам данных и использования их для выявления преступников и предотвращения преступлений. Наличие такого критерия, как свободный доступ к цифровой информации, играет первостепенную роль в современных расследованиях преступлений, выявлении преступных группировок и раскрытии порой самых сложных преступлений. Работа с цифровыми данными — это то, что может оградить профессиональных работников от ненужной информации и дает больше времени для раскрытия преступлений и установления причинно-следственных связей. Стоит сказать, что сейчас ведется активная работа по развитию искусственного интеллекта, который в дальнейшем выведет практику борьбы с преступностью и эффективность расследования на новый уровень.

---

1. Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе [Электронный ресурс] // Цифровая криминалистика и право. URL: https://www.eforensics.ru/publ/eforensics/significance_of_eforensics/1-1-0-7 (дата обращения: 20.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 2 марта 2019 г., № 234. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 7 мая 2018 г., № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Дубынин Е. А. Возможности использования цифровых технологий в раскрытии и расследовании преступлений: практические аспекты // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2022. № 2. С. 31–36. [Вернуться к статье](#)

5. Лаврик О. Л., Калюжная Т. А. Содержание понятий «информационное обеспечение», «информационное сопровождение», «поддержка научных исследований» как этапы информационного обслуживания ученых // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 305–319. [Вернуться к статье](#)

6. Журбенко А. М., Махмутов А. Р. К вопросу о формировании единого банка цифровых следов интернет-пользователей для раскрытия преступлений // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ, Орел, 6–7 окт. 2022 г. : в 2 ч. / Орл. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации им. В. В. Лукьянова ; редкол.: А. В. Гришин [и др.]. Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2022. Ч. 1. С. 143–146. [Вернуться к статье](#)

К. П. Грицианова
слушатель 5 «А» курса
факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель: Ю. В. Контемирова,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

На сегодняшний день можно смело сказать, что количество преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков (далее — НОН), значительно увеличилось ввиду многих факторов. По уголовно-правовой характеристике данные преступления относятся к преступлениям, посягающим на здоровье населения и общественную нравственность, однако наркопреступность имеет тесную взаимосвязь и с другими видами преступлений.

Расследование преступлений, связанных с НОН, — дело достаточно сложное и трудоемкое. Особенно это относится к выявлению и раскрытию всей цепочки движения наркотических средств от поставщика до потребителя, выявлению всех участников преступной группы. По делам данной категории должны умело сочетаться оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные мероприятия.

Наркотические средства (далее — НС) — вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ (далее — ПВ) и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г.

Все наркотические препараты можно условно разделить [1, с. 408–415]:

- по способу изготовления;
- по фармакологическим свойствам;
- по воздействию на психику и организм человека.

Различные наркотические вещества по-разному влияют на сознание и тело человека, но их все объединяет одно — они вызывают сильнейшую зависимость уже после нескольких употреблений.

В настоящее время сбыт НС, совершенный бесконтактным способом, является одним из распространенных, трудно раскрываемых и еще более трудно доказуемых преступлений. Постоянное совершенствование механизмов осуществления незаконного сбыта НС приводит к тому, что правоохранные органы не всегда оперативно и своевременно успевают реагировать на изменения криминогенной обстановки.

Развитие IT-технологий не стоит на месте, что дает возможность преступнику осуществить свой противозаконный умысел и остаться незамеченным [2, с. 213–221].

Для развития наркобизнеса нужна «особая» среда, поскольку сбывать наркотики в сети Интернет в открытом доступе достаточно проблематично и рискованно, преступники нашли способ обойти общедоступные сети, тем самым обособились от него.

Обособленной частью Интернета является так называемый DarkNet, он же «ДаркНет», то есть «темная сеть», которая умышленно и надежно скрыта от глаз обычных пользователей, где решающее значение имеет анонимность. «Темный» Интернет во многих аспектах схож с общедоступным Интернетом: он имеет собственные поисковые системы, интернет-магазины, новостные сайты и социальные сети. Однако его существенной особенностью является то, что большинство расположенных в нем сайтов занимается нелегальной деятельностью. Таким образом, DarkNet — это скрытая сеть, существующая параллельно общедоступному Интернету. DarkNet всецело анонимен, поскольку соединения устанавливаются исключительно между доверенными узлами (пирами), которые используют нестандартные протоколы, а вся информация зашифровывается [3, с. 177–182].

В последние годы значительную популярность набирает так называемый теневой Интернет. В качестве примера можно привести анонимную сеть TOR (The onion router, или «Луковая маршрутизация»). Эта площадка пользуется большой популярностью у продавцов оружия, краденых вещей, драгоценностей и наркотиков как удобная система онлайн-торговли и уже давно имеет глобальный охват. Данная система представляет собой сеть из большого количества прокси-серверов (узлов, хостов), используемых в том числе и для установки соединения, которое защищено от прослушивания извне. В конечном итоге из такой сети получается огромная сеть виртуальных и в то же время анонимных тоннелей, которые могут быть использованы для передачи зашифрованной информации.

Однако несмотря на то, что данная сторона Интернета имеет хорошую защиту и отличается высокой степенью анонимности, даже в ней есть уязвимые стороны. Повышенная скрытность организации сбыта наркотиков в сети

Интернет осуществляется не только за счет абсолютного исключения непосредственных контактов субъектов преступной деятельности между собой, но и за счет сетевой платформы с использованием скрытого сегмента.

Несомненно, это все значительно усложняет применение сотрудниками оперативных подразделений обычных средств выявления и документирования преступлений [4, с. 44–49].

Один из основных вызовов в борьбе с НОН — это постоянно меняющиеся методы торговли и транспортировки. С появлением Интернета и криптовалют преступники стали более изобретательными в своих подходах.

Еще одним аспектом является международный характер НОН. Преступные группировки часто оперируют на глобальном уровне, что усложняет задачи правоохранительных органов.

Важным аспектом также является баланс между правами граждан и необходимостью обеспечения безопасности общества. Использование оперативно-розыскных мероприятий иногда сталкивается с вопросами конфиденциальности и защиты частной жизни.

Можно назвать сегодня одними из актуальных проблем в проведении оперативно-розыскных мероприятий в сфере НОН следующие положения:

– Криптовалюты и теневая экономика. Использование криптовалют и других технологий усложняет отслеживание финансовых потоков, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Это создает проблемы для выявления финансовых схем и следов денежных переводов. Криптовалюты используются в преступной деятельности в различных целях [5, с. 7–16]:

- Перечисление вознаграждений закладчикам и другим участникам преступной деятельности.
- Покупка новых партий НС и ПВ.
- Покрытие текущих расходов, связанных с преступной деятельностью, таких как аренда помещений для хранения наркотиков, оплата транспортных расходов, закупка упаковочного материала и других необходимых ресурсов.

– Изначально такие технологии использовались в основном для оптовых поставок НС, но вскоре они нашли применение и на розничном рынке наркотиков.

1. Начало формы. Электронные торговые площадки, созданные после 2015 года, предоставляют услуги по продаже не только НС и ПВ, но и фальшивых купюр, банковских карт, поддельных документов, специализированного оборудования для слежения, доступа к компьютерной информации и других запрещенных товаров и услуг. Эти площадки включают интернет-магазины, предлагающие запрещенные товары, а также размещают вакансии различных видов, от «закладчиков» и «химиков» (для изготовления наркотиков) до «дизайнеров» и

«промоутеров», которым поручены создание, реклама и распространение продукции и услуг, предлагаемых продавцами. Оплата наркотиков и других товаров на этих площадках осуществляется преимущественно с использованием цифровых валют, в основном биткоинов. Каждому пользователю при регистрации предоставляется индивидуальный внутренний биткоин-кошелек, который можно пополнять для совершения покупок.

2. Анонимные сети. Преступные группировки часто используют анонимные сети и технологии, такие как Tor, для скрытия своей активности в Сети. Это делает сложным выявление местонахождения серверов, отслеживание коммуникаций и идентификацию участников. При бесконтактном способе сбыта информация о готовящемся или совершенном преступлении чаще всего обнаруживается самими оперативными подразделениями. Оперативные сотрудники проводят мониторинг соответствующих сайтов, где отслеживают активность в отношении рекламы по приобретению НС. Анализ данных, полученных оперативным путем, позволяет в дальнейшем провести комплекс мероприятий, направленных на задержание закладчиков — лиц, которые раскладывают наркотические средства по тайникам.

3. Глобальная природа преступности. Наркотическая торговля часто имеет международный характер, и преступные сети могут оперировать в разных юрисдикциях. Это усложняет сотрудничество между правоохранительными органами разных стран и координацию действий.

4. Защита конфиденциальности и прав граждан. При использовании технологий для сбора данных возникают вопросы о том, как соблюдать права на конфиденциальность и предотвращать злоупотребления ими со стороны правоохранительных органов.

5. Баланс между превентивными мерами и правами граждан. Необходимо найти баланс между принятием превентивных мер для предотвращения преступлений и соблюдением индивидуальных прав граждан, чтобы избежать возможных злоупотреблений.

Эти проблемы подчеркивают важность постоянного обновления и совершенствования методов борьбы с НОН и подчеркивают необходимость международного сотрудничества в этой области.

Решение этих проблем можно осуществлять следующими способами:

1. Интеграция технологий блокчейн и анализа данных. Использование технологии блокчейн может улучшить прозрачность финансовых транзакций, сделав их более отслеживаемыми. Анализ больших данных и искусственный интеллект позволяют обрабатывать большие объемы информации для выявления шаблонов и аномалий, что может помочь в выявлении преступных сетей.

2. Развитие специализированных навыков сотрудников. Обучение правоохранительных органов специализированным навыкам в области кибербезопас-

ности, криптографии и анализа данных может повысить их эффективность при борьбе с новыми технологическими вызовами.

3. Международное сотрудничество. Укрепление международного сотрудничества и обмен информацией между странами помогает эффективнее противостоять международным наркокартелям. Согласованные усилия на мировом уровне могут облегчить отслеживание и привлечение к ответственности преступников.

4. Развитие новых методов и технологий. Исследование и внедрение новых технологий, таких как квантовые вычисления и усовершенствованные методы шифрования, могут помочь в обходе современных методов скрытия и шифрования, используемых преступными организациями.

5. Обеспечение соблюдения прав граждан. Разработка и внедрение строгих протоколов и законов для защиты конфиденциальности граждан при сборе и обработке данных.

6. Обучение общества. Образовательные программы и информационные кампании могут повысить осведомленность об опасностях наркотиков, а также об усилиях правоохранительных органов в их предотвращении.

Решение этих проблем требует комплексного и многопланового подхода, включающего в себя технологические инновации, международное сотрудничество, профессиональное обучение и обеспечение защиты прав граждан.

---

1. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступления // Всерос. криминол. журн. 2019. Т. 13. № 3. С. 408–415. [Вернуться к статье](#)

2. Судницын А. Б., Молоков В. В. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестн. Восточно-Сибир. ин-та МВД России. 2019. № 2 (89). С. 213–221. [Вернуться к статье](#)

3. Долгиева М. М. Криптовалютная наркоторговля в России и за рубежом // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2018. № 4. С. 177–182. [Вернуться к статье](#)

4. Васюков В. Ф. Расследование дел о сбыте наркотиков с использованием мессенджеров и криптовалюты // Уголовный процесс. 2019. № 9 (177). С. 44–49. [Вернуться к статье](#)

5. Билоус Е. Н., Кублова М. Г. Актуальные проблемы противодействия преступлениям по линии незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2 (22). С. 7–16. [Вернуться к статье](#)

А. Е. Зайцев

*заместитель командира взвода
факультета обеспечения безопасности на транспорте
Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина*

*Научный руководитель: А. С. Лимарь,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Особенностью складывающихся в настоящее время общественных отношений является активное внедрение в процессы взаимодействия между людьми компьютерных, информационно-коммуникационных технологий. В настоящее время значительная часть социальных связей опосредована такими свойствами, как возможность управления банковскими вкладами граждан и предпринимателей, получение государственных услуг, торговля, в том числе и продуктами питания, а также ряд иных отношений, которые до некоторого времени существовали в иной форме. Появление новой разновидности отношений закономерно влечет их нормативное урегулирование, установление определенных правил, технических требований, за нарушение которых предусматривается юридическая ответственность.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК) содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за такие преступления в сфере компьютерной информации, как неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации; нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования [1].

Важно отметить, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной

информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» на фоне ряда проблем, возникающих при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, содержит судебное толкование норм, включенных в главу 28 УК [2].

Стоит также отметить важность для практической деятельности разработанных Методических рекомендаций по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, принятых в 2014 году (далее — Методические рекомендации Генеральной прокуратуры) [3].

Все составы преступлений данной категории содержат ряд понятий, которые требуют детальных разъяснений в целях осуществления правильной квалификации на практике. Помимо этого, стоит понимать, что вследствие сложности предмета таких посягательств объективная сторона составов преступлений будет содержать особые по своей природе деяния.

Так, диспозиция ч. 1 ст. 272 УК является простой, так как не содержит законодательного разъяснения смысла противоправного деяния — неправомерного доступа. Важно раскрыть данное понятие с учетом доктринальных положений и Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры. Стоит отметить, что существует и законодательное определение понятия «доступ к информации», которое дано в п. 6 ст. 2 Федерального Закона от 27 июля 2006 г. № 149, где под этим понимается «возможность получения информации и ее использования» [4]. Данная формулировка позволяет говорить о том, что фактически доступ — это отсутствие препятствий к совершению определенных действий с информацией либо их устранение каким-либо способом.

А. А. Харламова считает, что если деяние квалифицируется по ст. 272 УК, то оно заведомо представляется общественно опасным, и трактует «доступ к информации» как проникновение, независимо от формы, в источник информации с использованием различных средств в виде электросигналов, позволяющее управлять информацией, осуществлять с ней определенные действия, например, те, которые указаны в ч. 1 ст. 272 УК в качестве общественно опасных последствий [5].

В диспозиции ч. 1 ст. 272 УК по отношению к «неправомерному доступу» используется формулировка «деяние», что порождает неопределенность относительно характера того общественно опасного деяния, которое является элементом состава данного преступления. Поэтому представляется необходимым определить, возможно ли совершение данного преступления в форме бездействия. Поскольку в науке доступ может трактоваться в том же смысле, не подразумевая какого-либо определенного действия, то есть в случаях, когда под доступом понимается наличие права на пользование информацией, то

для квалификации деяния по ст. 272 УК необходимо понимать, что в ней «доступ» подразумевает совершение определенных действий технического характера, которые повлекли получение возможности использовать информацию по своему желанию вопреки установленным законом или обладателем информации правилам. Последнее объясняет признак неправомерности доступа. По этому же пути идет толкование понятия «доступ» в Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры, где под доступом понимается проникновение в источник с использованием средств компьютерной техники, позволяющее использовать полученную информацию. Таким образом, важно отметить, что сложность квалификации по ст. 272 УК состоит в отсутствии законодательного закрепления большинства понятий, которые используются для построения состава преступления. Представляется необходимым отметить, что преступления, предусмотренные ст. 272 УК, и содержат ряд понятий, которые требуют закрепления конкретных определений на законодательном уровне на основе компромисса между положениями компьютерных и информационных наук и необходимой для эффективного использования на практике юридической конструкции самого определения, а также с учетом требований постоянно развивающейся науки и техники.

---

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 12.06.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 15 дек. 2022 г., № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] // Генер. Прокуратура Рос. Федерации : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=4900252> (дата обращения: 03.06.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Об информации, информационных технологиях и защите информации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ : в ред. Федер. закона от 08.06.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Харламова А. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации [Электронный ресурс] // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2020. № 2. С. 162–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernyy-dostup-k-kompyuternoy-informatsii->

---

tolkovanіe-priznakov-i-nekatorye-problemy-kvalifikatsii (дата обращения: 26.10.2022).
[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

А. С. Иванов

слушатель 5 курса

факультета подготовки экспертов-криминалистов

и оперативных сотрудников полиции

Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель: Н. Г. Корнаухова,

заместитель начальника кафедры

оперативно-розыскной деятельности и специальной техники

Волгоградской академии МВД России,

кандидат юридических наук

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Цифровизация практически всех сфер жизни граждан, общества и государства изменила масштабы и само понимание преступности, актуализировала вопрос защиты информационных систем и информационной инфраструктуры. Кибербезопасность включена в информационную безопасность, а информационная безопасность — в национальную. Это объясняет то, что существование угрозы информационной безопасности наносит ущерб безопасности всего государства [1, с. 21]. В этом контексте применение искусственного интеллекта становится ключевым инструментом, способным повысить эффективность и точность выявления и раскрытия преступлений, а также расширить горизонты оперативных подразделений.

На протяжении многих лет правоохранительные органы и исследователи стремились разработать методы прогнозирования преступлений с целью предотвращения их совершения. Традиционные методы, основанные на опыте и статистических данных, ограничиваются в своей способности адаптироваться к быстро меняющейся природе преступности. Искусственный интеллект позволяет анализировать огромные объемы данных, включая информацию о прошлых преступлениях, социальных и экономических факторах и прочее.

Искусственный интеллект, согласно действующему законодательству, представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [2].

Одним из разделов искусственного интеллекта выступает машинное обучение, которое позволяет обучать компьютеры без программирования и явных

инструкций, используя только шаблоны и логические выводы. Согласимся с мнением Наумова В. Б. о том, что «машинное обучение — это метод анализа данных, построенный на идее о возможности алгоритмов обучаться, анализируя данные, выводя из них определенные закономерности (паттерны), и принимать решение на основании сделанных выводов с минимальным вовлечением человека» [3, с. 220].

Центральным аспектом прогнозирования преступлений с использованием машинного обучения является качество и доступность данных. Чем более разнообразны, качественны и актуальны данные, тем более точные и надежные модели могут быть построены. Важно уметь обрабатывать и анализировать данные, выделять из них значимые признаки и создавать модели, способные прогнозировать возможные преступления с учетом различных переменных, таких как социальные и экономические факторы, географические характеристики и исторические данные о преступлениях и преступниках.

Использование данных о социально-экономических показателях городов и районов позволяет прогнозировать уровень преступности и осуществлять своевременную профилактику. Такие факторы, как уровень образования, занятость, доходы населения, социальные нормы и структура населения, могут влиять на уровень преступности. Модели машинного обучения могут учесть эти обстоятельства и предсказать, какие районы подвержены большему риску преступности.

Географические данные играют ключевую роль в анализе преступлений. Модели машинного обучения способны анализировать пространственные паттерны преступности, учитывая данные о местоположении, географических особенностях и инфраструктуре. Это позволяет сотрудникам оперативных подразделений эффективно распределять ресурсы для выявления и предупреждения преступлений в определенных районах, где вероятность их совершения выше. Это, например, может включать автоматическое распознавание номеров автомобилей, анализ видеофрагментов с камер наблюдения.

Каждый алгоритм машинного обучения использует набор данных для обучения. Он анализирует данные, находит в них закономерности и создает соответствующий алгоритм. Например, для распознавания лиц на фотографиях можно учитывать различные признаки, такие как размеры лица, его цвет и размеры других частей (губы, нос, уши и др.). Эти признаки являются числовыми, их можно представить в виде вектора. Например, высота лица, ширина лица, средний цвет лица, ширина губ и высота носа могут быть частью такого вектора. Это позволяет алгоритму работать с данными, которые он понимает.

Ученые из Пермского института разработали алгоритм, который способен оценить вероятность человека стать серийным убийцей. В ходе исследования были изучены биографии наиболее известных серийных убийц, и для каждого

из них были выделены восемь важных параметров: пол, наличие психических расстройств, опыт изнасилования в детстве, наличие родителей, социальный статус их родителей, предрасположенность к алкоголизму среди родителей, семейное положение индивида, а также наличие или отсутствие у него собственных детей [4, с. 425].

Применение машинного обучения в области автозаполнения документов открывает перед сотрудниками оперативных подразделений возможности ускорения и упрощения процесса создания различных служебных документов, таких как постановления, рапорты, справки и другие (конечно же, с условием соблюдения требований по защите государственной тайны). Также искусственный интеллект позволяет создать модели для распознавания структуры и шаблонов документов. Это может включать автоматическое определение различных секций, полей, заголовков и других элементов документа. Вследствие этого, несомненно, повысится коэффициент полезного действия сотрудника, оставляя ему большее количество времени на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Также с помощью его алгоритмов можно разрабатывать системы, которые извлекают информацию из огромного массива интернет-пространства, автоматически распознавая ключевые данные, такие как имена, даты, адреса, номера телефонов и другие сведения, что поспособствовало бы образованию более гибких систем баз данных, используемых в оперативной работе.

Машинное обучение неразрывно связано со сбором, хранением и обработкой больших объемов данных, что влечет за собой проблемы конфиденциальности. Часто эти данные содержат закрытую информацию, в том числе о гражданах, с которыми установлены отношения сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий. В этом случае может помочь популярная технология блокчейн — специальная технология для хранения данных, которая позволяет записывать информацию в цепочку блоков.

Сведения, в свою очередь, сохраняются в небольших частях (блоках) и состоят из цепочки этих частей, каждая из которых ссылается на предыдущий, создавая непрерывную цепь данных. Для обеспечения безопасности используются математические методы шифрования, что исключает возможность изменения данных без использования специального ключа. Чтобы внедрить новый блок, большинство узлов должны дать согласие, что позволяет значительно повысить безопасность информации. Также для повышения защиты от несанкционированного доступа могут применяться системы идентификации и аутентификации.

Таким образом, использование возможностей искусственного интеллекта, в частности машинное обучение, в выявлении и предупреждении преступлений предоставляет сотрудникам оперативных подразделений огромные возможности. Однако оно сопряжено с рядом серьезных проблем, требующих

внимания и разработки определенных решений. В оперативно-розыскной деятельности нельзя полагаться на них полностью. Необходимо тщательно анализировать, тестировать и совершенствовать методы машинного обучения, используемые в борьбе с преступностью. Искусственный интеллект является уникальным инструментарием и при правильном его использовании может значительно повысить эффективность применяемых оперативными подразделениями мер в борьбе с преступностью.

---

1. Диденко К. В. Некоторые проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И. Д. Путилина. Право. 2020. № 3. С. 20–24. [Вернуться к статье](#)

2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 : с изм. и доп. от 15.02.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Наумов В. Б., Тютюк Е. В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. С. 219–231. [Вернуться к статье](#)

4. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц / Л. Н. Ясницкий [и др.] // Всерос. криминол. журн. 2015. Т. 9. № 3. С. 423–430. [Вернуться к статье](#)

А. А. Кириллова

курсант 4 курса

Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель: А. С. Тумасян,

преподаватель кафедры криминалистики

Краснодарского университета МВД России

ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ АУТОПСИИ КАК МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Профессиональная деятельность, так или иначе связанная с фиксацией отдельных аспектов жизни и смерти человека, предъявляет к лицу, ее осуществляющему, дополнительные требования и сопряжена с определенными профессиональными рисками. Один из таких видов деятельности выполняют следственные подразделения, которые, в частности, расследуют уголовные дела, связанные с фактом смерти человека. В целях оказания помощи таким лицам созданы различные технические средства и методики, которые ими активно используются, однако многие аспекты указанной профессиональной деятельности еще вызывают множество проблем, имеют пробелы в законодательной регламентации, что приводит к неэффективному правоприменению и вызывает неоднозначные реакции у населения нашей страны.

О такой криминалистической методике, как виртуальная аутопсия (виртопсия), заговорили еще в начале XXI в., а уже в 2009 г. был издан первый учебник по применению вышеуказанной методики, уже тогда достоверно было установлено, что виртопсия по своим возможностям не уступает традиционному вскрытию, способна дополнять его, а также, возможно, в будущем будет способна заменить его.

Виртопсия определяется медиками как методика посмертного исследования тела, объединяющая проведение классического патолого-анатомического или судебно-медицинского вскрытия с предварительным использованием КТ- и/или МРТ-исследования всего тела без применения контрастных веществ [1].

С 2018 г. в Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области активно проводится виртуальная аутопсия как первичное дополнительное исследование к традиционному вскрытию. Примером такого исследования может выступить исследование по делу изнасилования и последующего убийства девочки 5 лет в июле 2018 г. в г. Серпухове. При осмотре трупа на месте обнаружения судебно-медицинским экспертом были обнаружены: влажная салфетка в полости рта, множественные раны, следы крови во влагалище, повреждения девственной плевы и кожи заднего прохода.

Необходимость проведения виртопсии в вышеуказанном случае заключалась в определении уровня расположения инородного предмета в ротовой полости, т. к. традиционное судебно-медицинское исследование области ротоглотки технически является очень сложным из-за ее анатомической труднодоступности.

Использование КТ в качестве предварительного метода исследования дало эксперту много полезной информации перед традиционным судебно-медицинским исследованием, что помогло грамотно спланировать предстоящее вскрытие, дало возможность оценить состояние труднодоступных для классического исследования зон.

Визуализация при досекционном КТ-исследовании достоверно помогла подтвердить факт прижизненности одного из повреждений и исключила возможность случайного его образования при сложной процедуре традиционного вскрытия.

Виртуальная аутопсия положительно зарекомендовала себя как дополнительное исследование. Можно выделить следующие возможности такого нетрадиционного исследования:

1. Тело не претерпевает никаких инвазивных процедур, что имеет особое значение для представителей некоторых религий и наций. Этот пункт приобретает огромное значение ввиду того факта, что традиционное вскрытие приводит к формированию конфликтной ситуации между родственниками умершего и должностными лицами государственных органов, что в целом негативно сказывается на расследовании уголовного дела. Попытки отстоять свое мнение по этому вопросу принимались в 2017 г. Парламентом Чеченской республики путем внесения в Государственную Думу законопроекта о внедрении в систему медицины Российской Федерации практики виртопсии [2]. К сожалению, логического завершения эта попытка не получила, данный закон до настоящего времени не принят.

2. Данное исследование особенно информативно при исследовании в случаях смертей от огнестрельных травм, взрывной травмы, утопления, механической асфиксии, падения с большой высоты, так как создает объемную картину повреждений, а трехмерная реконструкция отлично помогает в решении вопросов медико-криминалистической идентификации орудия травмы и реконструкции обстоятельств самого происшествия [3]. Также виртопсия — очень быстрое исследование, что очень важно для проведения следственных действий, когда необходимо быстро получить необходимую информацию.

3. Виртопсия помогает зафиксировать наличие и местоположение повреждений в результате помещения инородного предмета в тело человека, а соответственно, тот факт, что повреждения были получены в результате преступных действий, а не в результате сложной процедуры традиционного вскрытия.

4. Крайне успешна методика в случаях массовой гибели людей, так как она помогает быстро и качественно провести исследование трупов с формированием цифровой модели для уже последующего выбора тактики отождествления личности погибшего.

5. Также методики, которые используются при виртуальной аутопсии, позволяют исключить человеческий фактор, в сравнении со вскрытием трупов, при котором могут быть допущены ошибки, к примеру, из-за невнимательности, недостаточного опыта работы, поспешных действий.

6. Немаловажным плюсом виртуальной аутопсии является снижение риска заражения персонала морга посредством контакта с зараженным трупом [4].

7. Результаты исследований могут храниться в цифровом формате неограниченное количество времени, что может способствовать в последующем использованию их при расследовании дел прошлых лет, при проведении повторной экспертизы. Стоит отметить, что проведение виртуальной аутопсии в целом может привести к утрате значения такого следственного действия, как эксгумация.

Но наряду с бесспорными возможностями виртуальная аутопсия имеет и ряд недостатков, которые, возможно, и препятствуют ее широкому распространению как методики:

1. Малое количество исследований, формирующих доказательственную базу эффективности по сравнению с традиционным вскрытием.

2. Отсутствие правовой регламентации вопросов виртопсии и даже дефиниции виртуальной аутопсии.

3. Финансовые затраты являются важнейшим минусом данной методики. Так, на территории Российской Федерации функционируют более 91 бюро судебно-медицинской экспертизы. Стоимость нового магнитно-резонансного томографа колеблется от 70 до 180 млн рублей, то есть для обеспечения всех бюро хотя бы одним томографом потребуется минимум 6,37 млрд рублей [5].

4. Необходимо дополнительное сопровождение исследования судебно-медицинским экспертом для описания состояния органов и тканей, анализа результатов исследования и постановки причины смерти.

5. Токсикологическое исследование необходимо осуществлять традиционным способом минимального уровня вмешательства.

6. Неподготовленность судебно-медицинских экспертов и рентгенологов к проведению такой методики ввиду отсутствия соответствующих знаний и умений.

Виртуальная аутопсия является перспективным направлением развития отечественной криминалистики. Обладая несомненными возможностями, она может являться как минимум дополнительным средством, обеспечивающим эффективное и качественное расследование уголовных дел. Однако ввиду

недостаточного финансирования и малого количества попыток легализации такой методики в целях ее широкого применения она сейчас, к сожалению, крайне редко применяется. Таким образом, совершенствование теоретико-криминалистических аспектов расследования преступлений с использованием средств виртуализации путем внедрения и использования компьютерной техники и технологий приобретает важнейшее практическое значение.

1. Возможности посмертной компьютерной томографии (виртуальной аутопсии) в случае смерти от механической асфиксии / В. А. Клевно [и др.] // Судебная медицина. 2018. С. 22–26. [Вернуться к статье](#)
2. Законопроект № 168609-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/168609-7> (дата обращения: 05.05.2023). [Вернуться к статье](#)
3. Марусина М. Я., Казначеева А. О. Современное состояние и перспективы развития томографии // Науч.-технич. вестн. информ. технологий, механики и оптики. 2007. № 8 (42). С. 3–13. [Вернуться к статье](#)
4. Клевно В. А., Чумакова Ю. В. Виртопсия — новый метод исследования в практике отечественной судебной медицины // Судеб. медицина. 2019. № 2. С. 27–31. [Вернуться к статье](#)
5. Русакова К. А. Возможности использования технологии виртуальной аутопсии в российской криминалистике // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. Юрид. науки. 2023. № 5-3 (80). С. 108–110. [Вернуться к статье](#)

К. Е. Кузьмин

*курсант 343 взвода факультета обеспечения безопасности на транспорте
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина*

*Научный руководитель: **А. М. Журбенко**,
доцент кафедры криминалистики
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат экономических наук*

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЗАЩИТЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Защита информации — это деятельность, направленная на предотвращение утечки защищаемой информации, несанкционированных и непреднамеренных воздействий на защищаемую информацию. С развитием современного мира данное понятие все чаще встречается в нашей жизни. Так, на сегодняшний день с развитием киберпространства Российской Федерации, согласно открытым данным Генеральной прокуратуры России, зафиксирован существенный рост развития киберпреступности [1]. Также из-за роста количества совершаемых преступлений в сфере компьютерной информации, высокой степени их латентности, резкого увеличения наносимого ими ущерба, они ставят разработку методов совершенствования уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и расследованию рассматриваемых преступлений на первое место. Защищаемая информация может составлять государственную, служебную и иные виды охраняемой законом тайны, каждый из которых имеет свои особенности в области регламентации, организации и осуществления этой защиты. Для того чтобы более подробно разобраться в данном вопросе, необходимо рассмотреть как уголовно-процессуальные, так и криминалистические аспекты защиты такой информации в борьбе с киберпреступностью и дать более подробное определение защиты компьютерной информации.

Защита компьютерной информации — это комплекс мер и технологий, направленных на обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации, хранящейся и передаваемой через цифровые системы. Она включает в себя различные аспекты, такие как защита от несанкционированного доступа, предотвращение утечек данных, обеспечение безопасности сетей органов

внутренних дел (далее — ОВД) Российской Федерации. Основными аспектами для защиты компьютерной информации в целом являются шифрование данных, аутентификация, авторизация и управление доступом к защищаемой информации [2]. Защита информации в ОВД имеет особое значение, поскольку эти органы работают с конфиденциальными и чувствительными данными, связанными с правопорядком, уголовными расследованиями, личной информацией и другими аспектами правопорядка. В настоящее время защита информации не ограничивается только решением задач сохранения секретных сведений от возможной утечки или утраты. Широкое использование компьютерной техники при обработке, накоплении и хранении информации требует обеспечения защиты информационных массивов от разрушения, искажения, подделки, блокирования и иных вмешательств в информацию и информационные системы ОВД Российской Федерации. Защита информации тесно связана с обеспечением режима секретности, который представляет собой комплекс мер по защите информации на конкретном объекте (в Министерстве внутренних дел, структурных подразделениях) или при выполнении определенной работы. Основная задача режима секретности заключается в установлении на режимном объекте уровня защиты информации, соответствующего степени секретности имеющихся там защищаемых сведений.

Основными задачами защиты информации являются защита государственной тайны, охрана межгосударственных секретов. Помимо этого, к иным, второстепенным задачам в этой области можно отнести:

- обеспечение конфиденциальности информации;
- сохранение ее целостности.

Решение этих задач осуществляется с помощью правовых, организационных, инженерно-технических и программно-математических мер по защите информации [3].

Уголовно-процессуальные аспекты защиты цифровой информации в ОВД включают в себя ряд важных моментов, связанных с предотвращением, расследованием, раскрытием и связанных с использованием информационных технологий. Говоря об уголовно-процессуальных аспектах защиты компьютерной информации, стоит также перечислить основные составляющие, к которым относятся:

- сбор и хранение цифровых доказательств;
- проведение служебных мероприятий в цифровой среде;
- нормативно-правовые акты (включая Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации).

Если брать во внимание сбор и хранение цифровых доказательств, стоит отметить, что это представляет собой важный аспект в обеспечении эффективного расследования и судебного разбирательства в области

информационно-телекоммуникационных технологий и других преступлений, связанных с использованием информационных систем. Сбор цифровых доказательств должен осуществляться с соблюдением способов и методов, которые гарантируют сохранность и целостность данных. Это может включать изъятие компьютеров, мобильных устройств и других носителей информации, а также фиксацию сетевого трафика и иных цифровых следов [4]. Проведение служебных мероприятий в цифровой среде представляет собой процесс, включающий использование специализированных методов и технологий для сбора, анализа и интерпретации цифровых доказательств в рамках расследования преступлений, связанных с использованием информационных технологий. Что касается одного из самых важных уголовно-процессуальных аспектов в этой области — нормативно-правовых актов, то стоит сказать, что ОВД должны соблюдать законодательство и нормативные акты, касающиеся цифровой информации, включая расследование киберпреступлений, нарушений конфиденциальности данных и других преступлений в сфере информационных технологий.

Криминалистические аспекты защиты цифровой информации в ОВД охватывают широкий спектр деятельности, связанный с обеспечением безопасности, анализом электронных доказательств и борьбой с киберпреступностью. Рассматривая криминалистические аспекты защиты компьютерной информации, стоит отметить, что к главным аспектам можно отнести:

- цифровые доказательства;
- цифровую криминалистику;
- идентификацию цифровых доказательств.

Если более подробно говорить о каждом из этих аспектов, стоит отметить, что к цифровым доказательствам относятся различного рода электронные следы, а также жесткие диски, мобильные устройства, сетевой трафик и т. д. Цифровая криминалистика, в свою очередь, — это специализированная область криминалистики, которая охватывает методы извлечения и анализа цифровых доказательств с целью подтверждения или опровержения киберпреступлений и является одним из аспектов защиты информации. Идентификацией цифровых доказательств занимаются специалисты-криминалисты ОВД. К такой идентификации относится обнаружение, изъятие и анализ цифровых улик, включая компьютеры, мобильные устройства, носители информации и сетевой трафик, с целью выявления электронных следов преступлений.

Подводя итог данной работе, можно сделать вывод о том, что защита компьютерной информации является важным аспектом в современном информационном обществе и требует комплексного подхода, включающего технологические, организационные и человеческие ресурсы для обеспечения безопасности данных.

---

1. Журбенко А. М., Махмутов А. Р. К вопросу о формировании единого банка цифровых следов интернет-пользователей для раскрытия преступлений // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ, Орел, 6–7 окт. 2022 г. : в 2 ч. Орел : Орлов. юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова, 2022. С. 143–146. [Вернуться к статье](#)

2. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения [Электронный ресурс] : ГОСТ 2.051-2013 : введ. приказом Росстандарта от 22.11.2013 г. № 1628-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Зуев С. В. Электронное копирование информации — регламентация в УПК // Законность. 2013. № 8. С. 22–23. [Вернуться к статье](#)

4. Савицкая И. Г. Участие специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 250–254. [Вернуться к статье](#)

А. С. Лаврова

*курсант 2 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ВОВЛЕКАЮЩИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ ЧЕРЕЗ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ

Ресурсы сети Интернет занимают большую часть досуга современной молодежи, обеспечивая ее представителям возможность беспрепятственного и трансграничного общения, получения новой информации, обучения, потребления развлекательного контента, заработка и т. д. Указанная тенденция благоприятствовала активизации деятельности представителей преступной сферы по вовлечению несовершеннолетних в совершение различных видов преступлений через сетевые ресурсы, в частности, группы и чаты социальных сетей Telegram, Instagram, Вконтакте, чаты в мессенджерах и тематические веб-ресурсы, в т. ч. теневого сегмента глобальной сети DarkNet.

Актуальным направлением преступной деятельности, в которое активно вовлекаются несовершеннолетние через интернет-ресурсы, на протяжении последних десяти лет выступает незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее — наркотиков), за который предусмотрена уголовная ответственность по ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК). По данным судебной статистики, за 2023 г. 692 несовершеннолетних были привлечены к уголовной ответственности. Из указанного числа 78 несовершеннолетних осуждены за преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотиков [1].

Практика показывает, что в большинстве случаев несовершеннолетние привлекаются для осуществления сбыта наркотиков посредством реализации закладок в обозначенных заказчиком местах либо фасовки и последующего сбыта таким образом. Причины, по которым совершеннолетними преступниками отдается предпочтение именно несовершеннолетним сбытчикам, кроются в низком уровне оплаты их так называемого труда (от 10 рублей за одну закладку), мобильности, внушаемости, готовности беспрекословно, неоднократно и не вызывая подозрений выполнять инструкции заказчика. Со стороны несовершеннолетних мотивация к принятию роли закладчика связана с желанием быстрого заработка в условиях, как им кажется, анонимности взаимоотношений с заказчиком, поскольку связь между ними реализуется через закрытые или анонимные чаты и форумы, где публично не демонстрируются личные данные, а сама передача наркотиков от заказчика к несовершеннолетнему закладчику, как

правило, не опосредуется личной встречей и производится так же, способом закладки некоторой партии наркотиков, либо доставкой третьим, привлеченным для этих целей, лицом.

Рассматривая вопросы уголовной ответственности совершеннолетних лиц за вовлечение в преступную деятельность несовершеннолетних, необходимо отметить, что уголовным законодательством Республики Беларусь предусмотрен как отдельный самостоятельный состав за совершение такого преступления — ст. 172 УК, так и в отдельных статьях особенной части УК привлечение (вовлечение, склонение) несовершеннолетних к некоторым видам деятельности выделено в качестве квалифицирующего признака, например, в ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 171¹, ч. 2 ст. 331, ч. 2 ст. 343¹ УК. В случаях, когда несовершеннолетний привлекается к совершению преступления, диспозиция статьи УК которого не предусматривает квалифицирующий признак вовлечения или склонения несовершеннолетнего к определенному виду деятельности, такие действия совершеннолетнего преступника квалифицируются по ст. 172 УК за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Анализ диспозиции ст. 172 УК, а также п. 16–18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (далее — ППВС № 3) позволил выделить следующие способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления:

1. Путем обещаний (когда совершеннолетний преступник внушает привлекаемому к преступной деятельности несовершеннолетнему надежду на получение им определенных благ за выполненное задание, например, получение за закладку денежного вознаграждения, ценного подарка, встречной услуги).

2. Путем обмана (обман присутствует в случаях, когда совершеннолетний вводит привлекаемого к преступлению несовершеннолетнего в заблуждение относительно события преступления, искажая тем самым его представление о характере выполняемых действий, например, заказчик просит подростка передать неопределенному лицу коробку с лекарствами или иными не запрещенными к обороту предметами и веществами, в то время как в реальности в таре находятся наркотики).

3. Иные способы, под которыми, согласно п. 17 ППВС № 3, следует понимать действия, направленные на возбуждение у него желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений [2]. Они могут быть как не связаны с применением насилия или с угрозой его применения (например, привлечение к участию в преступлении через пропаганду преступного образа жизни, когда несовершеннолетнему внушается перспективность распространения наркотиков на благо общества, престижность статуса закладчика, который повысит авторитет несовершеннолетнего в кругах его общения, возбуждается

чувство долга перед лицами, нуждающимися в наркотиках для облегчения симптомов протекания какой-либо тяжелой болезни, приводятся обещания в безнаказанности и анонимности, недостигаемости для правоохранительных органов, отсутствие ответственности ввиду недостижения возраста уголовной ответственности и т. д.), так и сопряжены с применением психического или физического воздействия (например, шантаж несовершеннолетнего распространением фотографий или сведений из личной жизни, которые он желал бы сохранить в тайне от публичного размещения, применение угроз его жизни или здоровью либо его близким родственникам и иные).

Субъективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления характеризуется умышленной формой вины, т. е. преступник должен осознавать (либо допускать при косвенном умысле), что своими действиями вовлекает в преступную деятельность именно несовершеннолетнее лицо. Например, если совершеннолетний в закрытом чате Telegram предлагает подростку, который указал в переписке свой возраст (либо на аватаре имелась фотография собеседника, из которой усматривается его возраст; либо преступник получил голосовое сообщение и сознательно допускал, что общается с несовершеннолетним), за вознаграждение сделать закладку наркотиков, то его действия будут квалифицироваться как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и он понесет уголовную ответственность по соответствующей части ст. 172 УК, потому что его действия охватывались умыслом склонить заведомо несовершеннолетнего на совершение конкретного преступления. А вот в случае, если, например, взрослый рассказывает на форуме или в группе социальной сети, как самостоятельно сделать синтетический наркотик, как лучше прятать закладки, какие группы в Telegram предоставляют возможность заработка на закладках, но обращается при этом к аудитории данного ресурса в целом и не дает подростку конкретную установку на совершение преступления (т. е. публично делится информацией без умысла на привлечение кого-либо на совершение конкретного преступления), то привлекаться к уголовной ответственности за такие действия по ст. 172 УК он не будет.

Из судебной практики усматривается, что совершеннолетние преступники, вовлекшие несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, несут уголовную ответственность либо по соответствующей части ст. 328 УК как исполнители, если несовершеннолетний не достиг возраста уголовной ответственности (по ч. 1 ст. 328 УК — 16 лет, по ч. 2–5 ст. 328 УК — 14 лет), и по соответствующей части ст. 172 УК, либо, если несовершеннолетний достиг установленного уголовным законом возраста, за который наступает ответственность по ст. 328 УК, то совершеннолетний преступник привлекается к ответственности по ст. 16 УК как соучастник, по соответствующей части

ст. 328 УК (по которой привлекается несовершеннолетний) и по соответствующей части ст. 172 УК [3].

Таким образом, учитывая общественный резонанс данной группы преступлений (отдельная их часть подвержена высокой степени латентности), представляется целесообразным дополнить действующее уголовное законодательство ст. 328³ за вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, которая будет предусматривать более суровое наказание по аналогии с санкциями ст. 328 УК по отношению к санкциям, предусмотренным ст. 172 УК (например, по ч. 3 ст. 328 УК предусмотрено лишение свободы на срок от 6 до 15 лет, а по ч. 4 — от 10 до 20 лет, тогда как по ч. 3 ст. 172 УК срок лишения свободы предусмотрен в пределах от 5 до 8 лет). Усматривается, что предложенная мера послужит сдерживающим фактором для лиц, планирующих привлекать для распространения наркотиков несовершеннолетних, и будет способствовать снижению количественного показателя фактов привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности по ст. 328 УК.

---

1. Данные судебной статистики за 2023 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/88d875b0009641f4.html (дата обращения: 10.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 21.12.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

Е. Н. Митина

*курсант 4 курса факультета правоохранительной деятельности
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина*

*Научный руководитель: Е. А. Новикова,
профессор кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗЪЯТИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ИТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие информационных технологий способствует активному распространению применения электронных форм осуществления противоправной деятельности. Многие виды преступлений, к примеру, мошенничество, незаконный оборот наркотиков часто переходят на ИТ-платформу. По данным расширенного заседания коллегии МВД, в марте 2023 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин отметил, что «преступления в ИТ-сфере превысили около полумиллиона, составив четверть от всех уголовных правонарушений в России в 2022 году» [1]. Таким образом, В. В. Путин подчеркнул, что противодействие ИТ-преступлениям считается одним из безусловных приоритетов работы всей системы МВД России.

В настоящее время очень остро стоит вопрос по раскрытию и расследованию противоправных деяний, затрагивающих посягательство на компьютерную информацию. В связи с этим возникают процессуальные и организационные проблемы при производстве осмотра места происшествия, осмотра компьютерных и мобильных устройств, а также предметов и документов. Следовательно, наиболее актуальным вопросом при расследовании таких преступлений является отсутствие должной регламентации процесса изъятия значимой информации из интернет-ресурсов. Имеющиеся в законодательстве пробелы и отсутствие методических рекомендаций (алгоритма действий) затрудняют определения практическими сотрудниками процессуальных способов изъятия в конкретной следственной ситуации. Кроме того, процедура изъятия электронных ресурсов не отличается процессуальным единообразием.

Актуальность заявленной тематики связана с необходимостью комплексного изучения процессуальных вопросов изъятия цифровых следов и обусловлена ростом преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий или в сфере компьютерной информации (так, по данным МВД России, в 2023 г.

в стране зарегистрировано 677 тыс. IT-преступлений, на треть больше, чем в 2022 г. (522,1 тыс. таких преступлений) [2].

Существенное значение на стадиях досудебного производства имеет осмотр предметов и документов, электронных носителей информации. Судебная практика по извлечению информации с мобильных телефонов и сайтов демонстрирует несколько способов изъятия информационных данных:

1. Следственные осмотры (в уголовном деле гражданина С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), осмотр мобильного телефона был оформлен как протокол осмотра предметов, в ходе которого была получена информация, подтверждающая причастность гражданина С. к созданию и распространению вредоносной компьютерной программы [3]).

2. Обыск и выемка (так, при проведении обыска по месту жительства вышеупомянутого гражданина С. специалистом в ноутбуке было обнаружено приложение Telegram, открывшееся под учетной записью MrDemiurg, где содержался диалог с пользователем о продаже программного обеспечения, позволявшего осуществлять неправомерный доступ к интернет-сайтам с целью копирования информации [3]).

3. Личный досмотр (в ходе его проведения в отношении Иванова Г. В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 30, пп. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК, были обнаружены и изъяты вещество, являющееся смесью, содержащей производное N-метилэфедрона — наркотическое средство общей массой 2,402 г, и каннабис (марихуана) — наркотическое средство массой 0,541 г в высушенном состоянии [4]).

4. Оперативно-розыскные мероприятия (Колесин А. Э., обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 273, ч. 2 ст. 272 УК, сбыл Свидетелю № 1, действовавшему в рамках оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», за п рублей смарт-карту, в которой содержалась компьютерная информация, позволяющая осуществлять несанкционированный доступ к информации [5]).

Как уже отмечалось, изменение современных реалий, ускоренное развитие научно-технического прогресса, активное внедрение информационных технологий неизбежно приводят к совершенствованию криминалистической техники при проведении осмотра и выемки предметов и документов. Так, цифровые носители информации и сотовые устройства становятся новыми объектами осмотра. В связи с этим необходимо разрабатывать новые методики и вводить дополнительные нормы в уголовно-процессуальное законодательство. Таким образом, предлагаем данный вид осмотра при расследовании киберпреступлений законодательно закрепить в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации (далее — УПК), а именно информацию о существовании этого вида осмотра, именуемого как осмотр сетевых информационных ресурсов, а также основания и порядок его проведения.

Изъятое техническое устройство будет являться вещественным доказательством, а содержащаяся на нем информация — электронной, то есть электронным доказательством. Общий порядок изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации закреплен в ст. 164.1 УПК. Также для изъятия электронных следов с мобильного устройства может быть назначена судебная компьютерно-техническая экспертиза (ст. 195, 283 УПК). Обратим внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что «проведение осмотра и экспертизы с целью получения информации, находящейся в электронной памяти устройств, изъятых при производстве следственных действий, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения» (определение от 24 июня 2021 г. № 1364-О) [6].

Решение задач, связанных с изучением внутреннего информационного поля смартфона, относится к компетенции судебной компьютерно-технической экспертизы, в частности, следующих ее видов: программно-компьютерной, информационно-компьютерной экспертизы данных, компьютерно-сетевой [7, с. 68]. Выделим одну из проблем при извлечении информационного содержимого из мобильных устройств. Так, отмечается высокий риск повреждения микросхемы памяти, что говорит о необходимости регулирования последствий, наступающих при причинении имущественного вреда гражданам в результате производства экспертизы. В данном случае ответчиком возмещения материального ущерба в размере стоимости мобильного телефона будут ведомства, проводившие экспертизу.

Отметим, существует процессуальная неурегулированность вопроса, связанного с разъяснением лицам, у которых изымаются телефоны, наличия риска повреждения их устройств или их свойств, которые могут быть утрачены при производстве компьютерных экспертиз. Необходимо включить данное положение в общий перечень при оформлении изъятия смартфона в протоколе.

В заключение дополним, что в практической деятельности в части процессуального обеспечения привлечения специалистов при изъятии цифровых следов следователями, дознавателями выносятся постановления о привлечении специалистов и письмо в Экспертно-криминологический центр МВД Российской Федерации (далее — ЭКЦ). Так, по уголовному делу о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 159; ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК, были запланированы к проведению обыски и иные процессуальные действия, связанные с обнаружением электронных носителей информации, на территории г. Белгорода и Белгородского района. В связи с этим следователем вынесено постановление о привлечении специалистов для оказания содействия в отыскании,

обнаружении, закреплении следов преступления, изъятии и осмотре электронных носителей информации, применении технических средств и письмо в адрес начальника ЭКЦ УМВД России по Белгородской области.

Таким образом, существует несколько способов изъятия цифровых следов органами предварительного расследования. В случае производства следственного осмотра необходима процессуальная регламентация видов осмотра в УПК, оснований его проведения, оформления протокола осмотра сетевых информационных ресурсов при привлечении специалистов — направление постановления об их привлечении и письма в ЭКЦ для оказания содействия, а также закрепления в протоколах изъятия мобильных устройств уведомления собственника о возможном риске потери информации и работоспособности смартфона с последующим возмещением средств с ведомства, проводившего экспертизу. Должная нормативная регламентация способствует систематизации процессуальных и организационных аспектов изъятия информации с цифровых, мобильных устройств и ресурсов.

1. Число киберпреступлений в России [Электронный ресурс] // TADVISER : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России?ysclid=ljmwcf7061846100936 (дата обращения: 26.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. МВД РФ: в 2023 году в стране зарегистрировано рекордное количество IT-преступлений [Электронный ресурс] // HABR : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/news/796013/> (дата обращения: 26.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Дело № 1-207/2022 [Электронный ресурс] // Судебные решения РФ : [сайт]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--plai/70251361/extended> (дата обращения: 27.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Дело № 1-237/2023 [Электронный ресурс] // Судебные решения РФ : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/75702893> (дата обращения: 26.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Дело № 1-110/2022 [Электронный ресурс] // Судебные решения РФ : [сайт]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--plai/69705990/extended> (дата обращения: 27.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 24 июня 2021 г., № 1364-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062021-n-1364-o/?ysclid=lu9lmwd1qz590661119> (дата обращения: 26.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Жижина М. Извлечение данных с мобильных телефонов: проблемы на практике // Уголовный процесс. 2024. № 3. С. 66–71. [Вернуться к статье](#)

О. Н. Родина
курсант 4 курса
факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

Научный руководитель: Е. А. Новикова,
профессор кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент

ВИДЕОТЕХНОЛОГИИ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современное законодательство активно развивается и совершенствуется в течение нескольких лет. Обстановка в обществе накладывает свой отпечаток на законодательную базу любого государства. Цифровые технологии являются следствием нового направления развития в области цифровизации. На законодательном уровне все чаще стали закрепляться информационные научные термины [1].

В глобальном плане цифровизация — это деятельность, при которой технологии внедряются в различные сферы жизни и производства с помощью разных видов цифровой продукции. И эта концепция широко внедряется во всех без исключения странах. Видеотехнологии как принципиально новый правовой феномен в той или иной мере довольно часто используются в нормативно-правовых актах Российской Федерации.

В уголовном процессе понятие «видеотехнологии» активно стало использоваться законодателем со второй половины прошлого столетия. Современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) закрепил актуальные аспекты применения видеотехнологий в уголовном судопроизводстве в целях эффективного осуществления судебного процесса.

Ускорение темпов развития современных технологий в обществе позволяет нам сделать вывод о том, что данная область изучения требует постоянного изменения и дополнения в законодательстве Российской Федерации, что делает данную тему актуальной и основной в сфере уголовно-процессуального производства, так как технологии цифровизации успешно внедряются в России на протяжении последних лет.

Процесс цифровизации обладает определенными характеристиками, которые как позитивно влияют на человека, так и негативно. Программное

обеспечение находится в открытом доступе, что может значительно повлиять на повышение цифровой грамотности пользователей. Кроме того, использование цифровых технологий значительно упрощает и ускоряет рабочий процесс. Однако у процесса интеграции продвинутых информационных технологий в условиях активного использования интернет-ресурсов существует множество специфических разновидностей преступной деятельности. Таким образом, появляются новые термины, характеризующие данные явления, например, «киберпреступность» и «кибертерроризм» [2].

Классификация киберпреступности как особого вида преступления теперь позволяет нам идентифицировать лишь конкретные виды и методы киберпреступности. Однако объективно оценить масштабы киберпреступности невозможно, так как законов об интернет-преступлениях недостаточно для удовлетворения современных потребностей правоохранительных органов. Поскольку онлайн-системы не статичны и постоянно меняются и эволюционируют, трудно создать правовую базу для всех видов киберпреступности и основу для выявления преступлений правоохранительными органами.

Хотелось бы отметить, что в системе правоохранительных органов ключевую роль по борьбе с киберугрозами занимают органы внутренних дел, которые, в свою очередь, также уполномочены обеспечивать национальную безопасность Российской Федерации.

Кибербезопасность — это структурный элемент национальной безопасности государства, которому необходимо уделять особое внимание в процессе организации деятельности по наиболее эффективному и оперативному выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию киберпреступлений.

В сентябре 2022 г. начало работу Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий [3]. Таким образом, полномочия по борьбе с данным видом преступлений, а также с компьютерными атаками осуществляются данным Управлением. Взаимодействие с иными министерствами, а именно с Министерством цифрового развития, связи массовых коммуникаций Российской Федерации позволит Управлению оперативно решать служебные задачи [4].

Стоит сказать, что существует множество современных методик выявления и раскрытия преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий. Однако можно выделить и появление некоторых недостатков, связанных с тем, что развитие информационных технологий предопределило возникновение новых видов преступлений [5], а также совершенствование преступниками способов сокрытия следов своих деяний.

Современные технологии, используемые в криминалистике, способны выявлять следы преступных действий в сфере компьютерной информации, что также влияет на раскрытие IT-преступлений.

Использование городских видеокамер и нейросетей позволяет осуществлять поиск подозреваемых в совершении преступления, отслеживать маршруты их передвижений, а также потенциальных сообщников, распознавать людей, часто посещающих места совершения преступлений [6].

Объединение усилий деятельности правоохранительных органов и мнений ученых-криминалистов в области расследования и раскрытия преступлений, рассмотрения уголовных дел в суде, криминалистической защиты уголовного судопроизводства позволяет нам изучить целевые требования к производительности и показателям цифровых систем и технологий для целей уголовного судопроизводства, а также криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений; правовую оценку возможности использования этих систем и технологий и результатов их обработки в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве [6].

Использование видеофиксации при сборе доказательств является немаловажным аспектом в деятельности правоохранительных органов. В начале уголовного преследования и после возбуждения уголовного дела видеозаписи с камер могут являться носителями криминалистически значимой информации. Видеоизображения, полученные с помощью видеокамер систем слежения, могут быть использованы при расследовании преступлений, если они зафиксировали событие преступления, момент появления преступников, их преступные действия, а также его внешний облик.

Видео- и аудиозаписи, полученные с помощью систем слежения, представляют собой новый вид информации, которую сегодня правоохранительные органы могут использовать в борьбе с преступностью не только в качестве ориентира для поиска преступника, но и в качестве доказательства. К системам наблюдения, контроля и обучения в процессе осуществления фиксации относятся системы визуального контроля, системы наблюдения за объектами, расположенными в труднодоступных местах, учебные видео- и телевизионные системы и так далее.

В последнее время системы видеонаблюдения получили очень широкое распространение в практике охраны различных хозяйственных, бытовых объектов, а также личного имущества граждан. Системы видеонаблюдения устанавливаются в аэропортах, на станциях метро, железнодорожных вокзалах, автозаправочных станциях, автомагистралях, в торговых центрах, банках, казино, подъездах жилых зданий. Возможность использования в доказывании фиксации придомовых территорий, а также средств фиксации, размещенных при торговых центрах, значительно ускоряют процесс сбора доказательств и имеют значение при расследовании уголовного дела.

Типы систем видеотехнологий могут также включать в себя роботизированные системы видеонаблюдения со специализированными видеокамерами,

которые используются при работе на месте взрыва или на месте происшествия, связанного с обнаружением взрывных устройств.

Робот используется для контроля труднодоступных зон и деталей объектов (в узких помещениях, в проходах между вагонами, под днищем автомобилей), где установлены камеры видео- и звукозаписи. Камера установлена на вращающейся платформе и с помощью телескопического манипулятора может подниматься на высоту до 2 метров.

Одной из новейших областей применения видеотехнологий является изучение непрозрачных объектов, защищенных от видимых лучей, например, поиск тайника при досмотре, досмотр багажа в аэропортах, дистанционное обнаружение оружия под одеждой, где терагерцовые волны безопасны для организма [7]. В то же время изображения, полученные в терагерцовых лучах, характеризуются высокой контрастностью, хотя компоненты прозрачных объектов имеют высокую плотность. Использование данной системы видеотехнологий в правоохранительных органах позволило бы наиболее эффективно выполнять служебные задачи по поиску орудия совершения преступления и других предметов, имеющих значение по уголовному делу.

Сегодня аудиозапись, в отличие от фотографии и видеосъемки, используется в криминалистической деятельности следователя не только как средство визуально-аудиальной записи хода отдельных следственных действий (например, допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и т. д.), но и как техническое средство облегчения работы при предоставлении первоначальной оперативной информации о преступлении, при подготовке отдельных процессуальных документов (например, как средство сбора ориентировочной информации перед началом нескольких следственных действий, а также как средство замены рукописных схем, при осмотре места происшествия, допросе с целью подготовки последующих протоколов).

Таким образом, можно говорить о том, что видеотехнологии являются перспективным направлением совершенствования организации современного уголовного судопроизводства, носят обеспечительный характер и оказывают большое влияние на ход и результаты расследования, что служит доказательственной базой по уголовным делам. Современные тенденции развития законодательства в сфере обеспечения кибербезопасности Российской Федерации позволяют сделать вывод о том, что в настоящий момент организация деятельности органов внутренних дел находится на должном уровне. В связи с созданием Управления видится дальнейшая гармонизация законодательных актов по устранению киберугроз.

Широкое применение достижений науки и техники позволяет правоохранительным органам эффективно использовать системы видеотехнологий в процессе осуществления служебной деятельности, а видео- и звукозапись влияют

на ход проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственного действия.

---

1. Что такое цифровизация и какие сферы жизни она затронет [Электронный ресурс] // Центр 2М : [сайт]. URL: <https://center2m.ru/digitalization-technologies> (дата обращения: 01.10.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Алиханян К. Р. Организация работы МВД России в системе противодействия киберпреступлениям [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 240–242. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98865/> (дата обращения: 10.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Бегеза В. В. Организация деятельности органов внутренних дел в условиях появления новых вызовов кибербезопасности России // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2023. С. 48–56. [Вернуться к статье](#)

4. Основные угрозы информационной безопасности органов внутренних дел [Электронный ресурс] // СёрчИнформ : [сайт]. URL: <https://searchinform.ru/resheniya/otraslevye-resheniya/informatsionnaya-bezopasnost-vooruzhennykh-sil-rf/osnovnye-ugrozy-informatsionnoj-bezopasnosti-organov/?ysclid=lsudlfzbbi398233031> (дата обращения: 05.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Самоделкин А. С., Тимофеев С. В. Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2022. № 2 (101). С. 206–215. [Вернуться к статье](#)

6. Можно или нужно внедрение цифровых технологий в расследование и раскрытие преступлений? [Электронный ресурс] // Издательская группа «Закон» : [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/07/27/mozhno_ili_nuzhno_vnedrenie_cifrovyyh_tehnologij_v_rassledovanie_i_raskrytie_prestuplenij?ysclid=lpеbпzgx7r17370109 (дата обращения: 01.11.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Земляченко В. В. Технические особенности применения современных систем видеонаблюдения сотрудниками органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3. С. 61–67. [Вернуться к статье](#)

Д. В. Романюк

*курсант 2 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

*Научный руководитель: А. Н. Примаков,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

ОБЪЕКТ ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одним из системообразующих элементов состава любого уголовно наказуемого деяния, в том числе хищения, совершенного с банковского счета, является объект преступления. В практической деятельности определение данного элемента уголовно-правовой характеристики преступления имеет огромное значение, поскольку точное установление наличия или отсутствия его признаков позволяет, прежде всего, правильно определить и квалифицировать то или иное преступное общественно опасное деяние, отграничить его от смежного, не преступного, либо от малозначительного.

В теории уголовного права на данном этапе ее развития не имеется единого подхода к пониманию такой категории, как «объект преступления» [1, с. 29–32]. По мнению Г. П. Новоселова, объект преступления отождествляется с человеком или группой лиц [2, с. 43–67]. В свою очередь, Н. Д. Сергиевский считает, что это любые блага и социально значимые ценности [3, с. 49–50]. Однако доминирующим в настоящее время, по нашему мнению, является утверждение, что объектом преступления являются именно общественные отношения в определенной сфере государственной или человеческой деятельности, охраняемые уголовным законом [4, с. 24]. Об этом пишет и А. В. Наумов: «Применительно к преступлениям против собственности объектом преступления выступает не фактическое имущество, а общественные отношения, возникающие у лица на праве собственности к этому имуществу, и его защита на всех уровнях социального измерения» [5, с. 146].

Достаточно глубоко в юридической литературе изложена и аргументирована позиция касаясь родового и видового объекта хищения, совершенного с банковского счета [6, с. 13]. Проведенный анализ научных трудов современных специалистов в области уголовного права [6, с. 13] позволяет сделать вывод о том, что непосредственным объектом данного вида преступления являются нарушенные вследствие конкретного преступного посягательства отношения

права собственности, юридически выражающиеся в реализации (ограничении) субъектом правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом (цифровыми данными), которые хранятся на электронных счетах банковских, кредитных и иных финансовых учреждений и организаций. Таким образом, следует констатировать, что при совершении хищения с банковского счета практически всегда происходит нарушение установленного и охраняемого законом порядка осуществления экономической деятельности банковской, кредитной или иной финансовой организации.

Помимо этого, представляется, что дополнительным объектом хищения, совершенного с банковского счета, могут выступать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование банковских, кредитных и иных финансовых организаций и учреждений, связанные с незаконным использованием информационно-телекоммуникационных технологий и предоставлением несанкционированного доступа к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, с установленным порядком выпуска и обращения кредитных, дебетовых и иных расчетных карт и с сохранностью сведений, составляющих банковскую или коммерческую тайну. Об этом свидетельствуют и позиции ряда российских ученых (Е. А. Русскевич [7, с. 245], Н. А. Карпова [6, с. 20], Н. Г. Кадников [8, с. 268]).

Нельзя не остановиться и на предмете рассматриваемого преступления, под которым принято понимать «вещь материального мира, воздействуя на которую, субъект преступления причиняет вред объекту преступления» [9, с. 44]. Применительно к данной научной категории в теории уголовного права принято выделять четыре обязательных признака вещи (имущества) материального мира:

– физический, для наличия которого вещь (имущество) должна иметь объективную материальную сущность, занимающую определенное место в пространстве;

– экономический, который указывает на то, что вещь (имущество) должна обладать экономической ценностью и выражаться, как правило, в денежном эквиваленте;

– социальный, характеризующий вещь (имущество) как результат труда человеческой деятельности, выделенный из естественного природного состояния;

– юридический — определяет в вещи (имуществе) ее наличие и принадлежность к частной или государственной собственности, а также отсутствие у виновного на нее юридического права собственности [10, с. 374–375].

В этой части следует отметить, что обозначенный физический признак предмета преступления не в полной степени отражает характеристику предмета хищения, совершенного с банковского счета, поскольку ее содержание

предполагает материальную природу имущества, а здесь отсутствует такой элемент, как материальность, имущество в данном случае фактически закреплено на электронном банковском счете в виде определенных цифровых символов, которые имеют виртуальную бестелесную форму и не требуют от виновного при совершении противоправных действий непосредственного физического контакта, что в целом характерно для совершения хищения.

Предметом хищения, совершенного с банковского счета, как показывает следственная практика, в абсолютном большинстве случаев будут являться безналичные денежные средства — денежные средства, существующие в виде электронных записей на банковских счетах в кредитных и иных финансовых организациях; достаточно редко — иные обезличенные драгоценные символы (драгоценные металлы, монеты и т. п.).

Ответственность за совершение хищения, совершенного с банковского счета, в Республике Беларусь отдельной самостоятельной нормой не установлена, однако такие противоправные действия в зависимости от обстоятельств их совершения охватываются ст. 209 «Мошенничество» и ст. 212 «Хищение путем модификации компьютерной информации» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [11]. В правоприменительной практике в первом случае уголовная ответственность наступает, когда виновный путем обмана или злоупотребления доверием завладел безналичными денежными средствами, которые содержались в электронном виде на банковском счете, при этом потерпевший ему самостоятельно их перевел (отправил). Во втором — потерпевший предоставил реквизиты, как правило, логин и пароль для доступа к электронному банковскому счету (кошелек), и преступник, используя их, похитил денежные средства. Однако, по нашему мнению, не совсем ясным и дискуссионным представляется разграничение уголовно-правовых признаков и квалификации этих составов преступлений, сопряженных с завладением безналичными денежными средствами с банковских счетов, поскольку объект посягательства будет один и тот же, а также обман с целью завладения чужим имуществом, по смыслу п. 1 Примечания к гл. 24 «Преступления против собственности» УК, может присутствовать и в том, и в другом случае [11].

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Объектом хищения, совершенного с банковского счета, являются общественные отношения, связанные с правом собственности, юридически выражающиеся в реализации (ограничении) субъектом правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом (цифровыми данными), которые хранятся на электронных счетах банковских, кредитных и иных финансовых учреждений и организаций, доступ к которым и управление которыми осуществляются удаленно.

2. Предметом хищения, совершенного с банковского счета, являются безналичные денежные средства и иные обезличенные драгоценные электронные символы, хранящиеся в виде электронных записей (цифровых символов) на банковских счетах в кредитных и иных финансовых организациях. Действующая в доктрине уголовного права теория определения признаков предмета хищения не в полной мере соответствует современным представлениям о данной научной категории в части сопряжения его физического (материального) и виртуального элементов.

3. Ответственность за совершение хищения, совершенного с банковского счета, в Республике Беларусь в виде самостоятельной уголовно-правовой нормы либо в форме квалифицированного признака отдельно не предусмотрены. На практике ответственность за такое общественно опасное деяние установлена двумя самостоятельными статьями уголовного закона — ст. 209 и ст. 212 УК, порядок разграничения признаков которых является не совсем ясным и конкретным.

---

1. Ляпунов Ю. И. Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности // Уголовное право. 2004. № 4. С. 29–32. [Вернуться к статье](#)

2. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : НОРМА, 2001. 208 с. [Вернуться к статье](#)

3. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. СПб., 1908. [Вернуться к статье](#)

4. Семченков И. П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты уголовно-правовой проблемы : моногр. Калининград : Калинингр. юрид. ин-т, 2002. 162 с. [Вернуться к статье](#)

5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. 560 с. [Вернуться к статье](#)

6. Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2011. С. 13. 184 с. [Вернуться к статье](#)

7. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 521 с. [Вернуться к статье](#)

8. Кадников Н. Г. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2018. 836 с. [Вернуться к статье](#)

9. Загородников Н. И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды Военно-юридической академии. Вып. 13. М. : Изд-во ВЮА, 1951. [Вернуться к статье](#)

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. профессора Н. Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2019. 1096 с. [Вернуться к статье](#)

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом

Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.03.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

А. А. Черкашин

*слушатель факультета правоохранительной деятельности
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина*

*Научный руководитель: А. М. Журбенко,
доцент кафедры криминалистики
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат экономических наук*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ DEERFAKE

В настоящее время процесс развития информационных технологий все больше проникает в различные сферы жизни общества. Так, в 2017 г. появилась технология deerfake, первоначальной целью которой была помощь в развитии творческой деятельности людей. Так, например, данная технология позволяет воссоздать образ давно умершего поэта, художника, архитектора и т. д., что может активно использоваться в различного рода культурных мероприятиях, к которым можно отнести проведение выставки работ скульпторов или художников, живших несколько столетий назад, благодаря чему посетители получают возможность увидеть, услышать или даже пообщаться с воссозданным образом человека [1].

Однако появление подобного рода технологий не могло не привлечь внимание преступной среды. Несмотря на огромный потенциал и пользу, которую она может принести для общества, рассматриваемая технология также предоставляет ряд новых возможностей для осуществления преступной деятельности. При помощи технологии deerfake преступники могут проводить различные манипуляции, которые включают в себя воздействие на общественное мнение и сознание людей, обман, дискредитацию отдельных граждан, а также осуществлять мошеннические действия, которые проявляются в замене изображения, аудио- или видеозаписей с целью получения денежных средств или иных материальных благ (совершение сделки, получение кредита и т. д.).

В связи с этим существует острая необходимость, заключающаяся в создании автоматизированных систем, способных распознать применение технологии deerfake при анализе медиаконтента. Дело в том, что без использования различного рода программного обеспечения, руководствуясь лишь органами чувств человека, довольно проблематично выявить подобные манипуляции. Среди

основных следов использования технологии deepfake можно выделить следующие: аномалии данных, порождающие неестественные движения во время проигрывания медиаконтента, несоответствие метаданных исходного файла, а именно даты или географического положения устройства, при помощи которого он был создан, и т. д.

Современные криминалистические исследования выделяют способы аутентификации, позволяющие определить погрешности в использовании технологии deepfake с помощью искусственного интеллекта, которые можно разделить на два вида — пассивная и активная аутентификация.

Под активной аутентификацией в данном случае следует понимать проверку исходного кода медиаконтента. Так, например, исходный файл получаемого изображения или видеозаписи имеет определенный код, который может быть представлен в виде водяного знака или же электронной подписи, либо же код аутентификации может быть отправлен вместе с необходимым файлом. Далее производится проверка соответствия кода и изображения или файла, с которым он связан, если программа подтверждает их соответствие, это означает, что файл или изображение являются подлинными.

Пассивная аутентификация заключается в проверке наличия признаков внесения различного рода изменений, которые в случае если и были произведены, то не могли не оставить следов. В данном случае следует отталкиваться от формата файла, в котором был получен медиаконтент. Это может быть видеозапись, изображение или же аудиозапись. Для каждого из указанных форматов существуют свои следы подделки.

Так, в случае получения файла в формате изображения необходимо обратить внимание на следы копирования и перемещения изображений, а также их сращивания. Кроме того, подделка изображения оставляет после себя следы ретуширования в виде различных артефактов, а также несоответствие условий освещенности, так как при наложении одного изображения на другое или при объединении двух различных изображений очень сложно подобрать идентичные условия освещенности для каждого из них, на первый взгляд они могут быть неразличимы, однако анализ изображения на уровне пикселей, с применением искусственного интеллекта, позволяет выявить разницу [2]. С подобной задачей очень часто справляются фототехническая экспертиза или же экспертиза цифровых изображений, которые позволяют выявить следы изменения на полученной цифровой картинке. Их применение целесообразно, когда есть подозрение, что полученное изображение человека или фотографии документов были изменены при помощи того или иного графического редактора.

При получении файла в формате видеозаписи в большинстве случаев искусственный интеллект обращает внимание на появление артефактов в виде несоответствия качества видеозаписи на определенных участках рабочей

области, неравномерной склейки двух или более слоев видео, что создает резкие переходы между кадрами, или же прерывистость наложенной аудиозаписи, появление аномалий кадров, проявляющихся в неестественном движении или появлении объектов, а также отдельных частей тела человека. Для установления данных следов изменения видеозаписи применяется видеотехническая экспертиза. С ее помощью эксперты-криминалисты могут исследовать как компьютерный файл, содержащий видеозапись, так и саму видеозапись на предмет следов изменения или применения технологии deepfake. Кроме того, в рамках данной экспертизы экспертами-криминалистами может быть проведена фоноскопическая экспертиза для установления соответствия аудиозаписи и видеозаписи, находящихся в видеофайле.

Что же касается аудиофайлов, то в данном случае искусственный интеллект позволяет проанализировать интонацию речи человека, а также частоту его голоса, чтобы установить его подлинность, кроме того, использование искусственного интеллекта позволяет определить, использовались ли при изменении файла какие-либо шумовые шаблоны, позволяющие создать уникальные идентификаторы того или иного аудиофайла [3]. Для проверки подлинности подобного рода файлов могут назначаться фоноскопические или аудиотехнические экспертизы. Данный способ особенно эффективен в случае совершения мошеннических действий при помощи телефонного звонка или получения голосовых сообщений с использованием технологии по изменению или замене голоса.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что использование искусственного интеллекта при назначении и производстве фоноскопической, аудиотехнической, видеотехнической и фототехнической экспертиз является эффективным методом расследования преступлений с использованием технологии deepfake, в частности — мошенничества. Их повсеместное внедрение позволит сократить время на определение подлинности того или иного медиафайла, а также расширит возможности при осуществлении криминалистических экспертиз, проводимых в данном направлении.

---

1. Дипфейки и другие поддельные видео — как защитить себя? [Электронный ресурс] // Лаборатория Касперского : [сайт]. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/protect-yourself-from-deep-fake> (дата обращения: 14.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Что такое Deepfake видео и как сделать Face Swap [Электронный ресурс] // Сравни.ру : [сайт]. URL: <https://www.sravni.ru/text/deepfake-video/> (дата обращения: 14.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 46–52. [Вернуться к статье](#)

А. А. Шабанова

*курсант 3 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

*Научный руководитель: А. Н. Примаков,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В современном мире повседневное использование компьютерной информации в жизнедеятельности человека становится все более распространенным и общественно полезным, но при этом одновременно технологически сложным, недостаточно контролируемым и уязвимым с точки зрения информационно-телекоммуникационной безопасности и правовой регламентации этой деятельности. Мошеннические противоправные действия, совершенные с использованием компьютерной информации, являются хорошо замаскированными и трудно выявляемыми, а процесс их раскрытия и успешного расследования — достаточно сложным и многоэтапным. Помимо того, даже с точки зрения уголовного закона, далеко не всегда можно определить объективные признаки мошенничества, поскольку его характеристика в цифровом пространстве регламентирована в достаточно общем нормативном толковании.

Под мошенничеством, в соответствии с ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь, понимается завладение имуществом или правом на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1]. При этом каких-либо дополнительных признаков, касающихся совершения данного преступления с использованием компьютерной информации, в указанной норме не закреплено. Иными словами, ответственность за совершение такого вида мошенничества наступает на общих основаниях.

Предметом мошенничества выступает имущество или право на имущество, которые согласно доктринальному толкованию теории уголовного права должны обладать тремя характерными признаками: физический признак (материальность предмета посягательства), экономический признак (выражение ценности вещи в ее стоимости) и юридический признак (чужое имущество). Однако при совершении мошенничества, совершенного с использованием компьютерной информации, достаточно сложно определить первый признак — физический

облик предмета посягательства. На наш взгляд, этот вопрос является дискуссионным, поскольку очень сложно охарактеризовать «материальность» компьютерной информации как уголовно-правовой категории при определении характеристики указанного признака.

Объектом мошенничества, совершенного с использованием компьютерной информации, выступают собственность как экономико-правовая категория, а в случае противоправного приобретения права на имущество — право собственности и ограниченные вещные права или обязательственные отношения. На практике — это различные типы электронных (цифровых) данных и компьютерная информация, которые обрабатываются, хранятся и передаются посредством электронно-вычислительных машин, компьютерных устройств и систематизированных программ (электронные банковские счета, кредитные, финансовые сведения, электронные кошельки и иные средства платежей, личные данные пользователей).

Для квалификации мошенничества, совершенного с использованием компьютерной информации, необходимо обязательно установить его объективную сторону, то есть признаки, которые характеризуют внешнюю сторону преступления в реальной действительности. Перечень этих объективных признаков не является исчерпывающим, поскольку способы совершения мошенничества, связанного с использованием компьютерной информации, постоянно совершенствуются и становятся все более изощренными. Однако важно отметить, что действия виновного при этом практически всегда характеризуются обманом — ложным искажением обстоятельств и сведений, злоупотреблением доверия, введением лица в заблуждение. Как способ совершения мошенничества обман всегда предполагает наличие в действиях лиц умышленной формы вины и представляет собой такую же умышленную, целенаправленную деятельность, как само деяние.

О мошенничестве с использованием компьютерной информации и одновременно обмане как способе его совершения в правоприменительной деятельности, как правило, свидетельствуют:

– Обнаруженная модификация, изменение, копирование компьютерной информации как с разрешения, когда потерпевший был введен в заблуждение посредством обмана или злоупотребления доверием, так и без его разрешения.

– Отсутствие полного или временного доступа к электронному удаленному банковскому приложению, сервису или онлайн-платформе. Здесь следует понимать как полное или временное фактическое отсутствие доступа к таким модулям, так и различные подозрительные банковские операции и манипуляции с персональными электронными счетами.

– Неофициальный характер запроса или предложения. Очень часто преступники для установления контакта с потерпевшим используют электронные

письма или сообщения, прямые телефонные звонки, в том числе в различных мессенджерах и социальных сетях, представляясь при этом официальными должностными лицами или представителями различных организаций. Таким способом они пытаются получить доступ к личным данным пользователя, к его электронным банковским счетам, доступ к которым осуществляется посредством аутентификации (ввода логина и пароля). При этом даже если виновному по независящим от него обстоятельствам не удалось осуществить противоправные действия, его действия необходимо квалифицировать как покушение на рассматриваемое деяние.

Таким образом, в заключение изложенного отметим, что при совершении мошенничества с использованием компьютерной информации причиняется существенный вред как непосредственно частным лицам, так и государственным органам и организациям. Установление предмета и объективных признаков данного преступления с точки зрения его уголовно-правовой характеристики на практике представляется достаточно сложным, поскольку их нормативная регламентация не позволяет конкретно определить некоторые их особенности, прежде всего связанные с «материалистической составляющей» компьютерной информации и спецификой обнаружения, фиксации и изъятия следов этих преступлений.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.03.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

М. В. Шматов

*курсант 3 курса факультета подготовки
экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции
Волгоградской академии МВД России*

*Научный руководитель: М. Ю. Тарасова,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современную жизнь населения планеты невозможно представить без современных технологий. Все процессы ежедневной рабочей и бытовой деятельности человека с каждым днем подвергаются ускоренной автоматизации и роботизации с использованием современных технологий, в том числе и компьютерных. В привычном нам мире информационно-телекоммуникационные технологии (далее — ИТТ) играют все более значимую роль в жизни общества, и злоумышленники, к сожалению, активно пользуются ими для реализации своих преступных умыслов. В этой связи возникает необходимость непрерывно использовать современные технологии в области правоохранительной деятельности и стремиться к опережению технических возможностей преступников, так как в последнее десятилетие значительно увеличилось количество преступлений, совершаемых с применением ИТТ и в сфере компьютерной информации [1, с. 210–212].

Раскрытие рассматриваемых преступлений осложнено возможностью злоумышленников посягать на важнейшие общественные отношения в сфере прав и свобод личности, находясь при этом на значительном расстоянии от потерпевшего, а порой — и в другом государстве. Важной особенностью преступлений в сфере компьютерной информации является высокий уровень латентности. Вполне очевидно предположить, что значимым фактором в данной ситуации выступает отсутствие желания потерпевших обращаться в правоохранительные органы и зачастую поиск ими альтернативных возможностей восстановления своих прав (к примеру, восстановление аккаунта через администратора и пр.).

Так, в 2022 г. зафиксирован значительный прирост числа неправомерного доступа к компьютерной информации, всего выявлено 9 308 фактов (за аналогичный период предыдущего года + 45,6 %) [2]. Динамику можно проследить в таблице.

Таблица

Статья Уголовного кодекса Российской Федерации	2018	2019	2020	2021	2022	Прирост/снижение, %
272	1 761	2 420	4 105	6 392	9 308	45,6
273	733	455	371	317	200	– 36,9
274	5	4	0	1	0	100,0
274.1	1	4	22	159	519	226,4

Еще одной остро стоящей перед правоохранительными органами проблемой является несовершенство действующего уголовного законодательства, в котором отсутствует регламентация ответственности за совершение преступлений с использованием компьютерных технологий, а официальное закрепление получила только ограниченная группа деяний, для которых используется термин «преступления в сфере компьютерной информации». Несмотря на достаточно подробные разъяснения постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37, на сегодняшний день в уголовно-правовой сфере остается открытым вопрос: что является преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных технологий, и каково соотношение данного понятия и понятий «киберпреступления», «компьютерные преступления», «преступления в сфере компьютерной информации» [3]?

На состояние зарегистрированной преступности могут повлиять изменения уголовного законодательства, принятые в 2022 г. Они были обусловлены необходимостью адекватной реакции на новые общественные отношения, возникающие и реализующиеся в условиях проведения СВО на Украине, объявления частичной мобилизации, введения военного положения в отдельных местностях Российской Федерации. В результате Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК) дополнен новыми составами, направленными на обеспечение внешней, а также информационной безопасности России, неизблемость и сохранение политической и экономической основ, а также противодействие экстремистским проявлениям. Речь идет о гл. 28 УК «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 274.2 «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и сети связи общего пользования»).

Следственная практика показывает, что чем доступнее способ совершения компьютерных преступлений, тем более широкий круг лиц может их совершить. Сложность раскрытия и расследования компьютерных преступлений заключается в несоразмерности и несвоевременности модернизации сил и средств правоохранительных органов. Преступники в сфере информационных технологий

всегда оказываются на шаг впереди, имеют более современные технологии, компьютерное оборудование и программное обеспечение. На современном этапе правоохранные органы в должной мере не располагают необходимым арсеналом средств для эффективного раскрытия и расследования преступлений. В этой связи наблюдается непрерывный рост зарегистрированных преступлений, совершаемых с применением ИТТ. Для повышения эффективности раскрытия и расследования компьютерных преступлений необходимо оснастить все подразделения правоохранных органов современным техническим оборудованием, организовать обучение сотрудников, систематически привлекать специалистов в области компьютерной безопасности и хакинга. Осуществлять сотрудничество со специалистами в сфере информационных технологий следует на контрактной основе с учетом требований защиты государственной тайны.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России обратил внимание на активизацию деятельности правоохранных органов, направленную на предупреждение преступлений в сфере ИТТ, повышение цифровой грамотности населения [4]. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольцев отметил достигнутые результаты в противодействии ИТ-преступности усилиями профильных ведомств и регуляторов финансового рынка. Обратил внимание на риски дистанционных хищений, сопряженных с фактами утечки персональных данных граждан, обозначил необходимость создания дополнительных механизмов их защиты. А также заявил о повышении уровня раскрываемости рассматриваемых преступлений в результате наработанных средств и методов документирования ИТ-преступлений [4].

Вполне очевидно, что для снижения численности преступлений данной категории необходимы постоянная профилактическая работа с населением в вопросах использования информационных технологий, обеспечения своевременной и качественной защиты своей информационной деятельности, включающая специализированные, узконаправленные учебные занятия в школах, средних и высших учебных заведениях, и организация курсов финансовой грамотности среди населения. Также необходимо проводить профилактические работы в вопросах предупреждения преступной деятельности в сфере компьютерной безопасности и информационных технологий.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий и предварительного расследования преступлений в сфере компьютерной информации и с использованием компьютерных технологий правоохранные органы часто сталкиваются с проблемой при назначении судебной компьютерно-технической экспертизы.

Следователям и оперативным сотрудникам полиции приходится сталкиваться с большой загруженностью экспертных подразделений, из-за чего

происходит несвоевременное проведение экспертиз. Помимо этого, экспертные подразделения не обладают соответствующим техническим оборудованием и оснащением в сфере компьютерных и информационных технологий. Необходимо должным образом оснастить экспертные подразделения современными компьютерными и информационными технологиями, которые позволят ускорить и упростить процесс проведения судебных компьютерно-технических экспертиз, что существенно повысит эффективность расследования и раскрытия преступлений.

Таким образом, достичь решения обозначенных проблем возможно через реализацию комплексного подхода, включающего в себя научные исследования в данной области, совершенствование законодательной и технической базы, а также принятие ряда организационных и кадровых мер.

1. Кузнецов П. С. Проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. 2020. № 15 (305) С. 210–212. [Вернуться к статье](#)
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 15 дек. 2022 г., № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Состояние преступности [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 10.10.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 10.10.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамова Л. Л., Коршунов М. В.</i> Электронный формат принятия и регистрации сообщений о преступлениях.....	7
<i>Аврамчик Н. В.</i> О необходимости проведения закрытого судебного заседания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних.....	13
<i>Андроник Н. А.</i> Инсценировка как прием противодействия расследованию преступлений.....	18
<i>Бачила В. В.</i> Проведение тайных следственных действий по законодательству Грузии	23
<i>Бутько Д. В.</i> Отдельные вопросы определения срока предварительного следствия по уголовному делу, в котором соединены несколько дел	30
<i>Воснякова О. Ф., Шалюта Р. А.</i> Психическое принуждение в контексте уголовной ответственности.....	35
<i>Вульвач Р. С.</i> Объем прав отдельных участников уголовного процесса в контексте расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа	39
<i>Гриб В. М.</i> Отдельные вопросы квалификации и доказывания незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	43
<i>Довгун С. И.</i> Особенности процесса формирования показаний несовершеннолетних: понятие и сущность.....	49
<i>Евдохова Л. Н.</i> Диагностические признаки зерновых масс.....	56
<i>Жаркевич И. Л.</i> Экспертно-криминалистическая деятельность — основа научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в Республике Беларусь.....	60
<i>Журбенко А. М.</i> Аспекты криминалистической характеристики экономических преступлений, совершаемых с применением IT-технологий	64
<i>Лужинская Е. Л., Козелецкая Е. В.</i> Проблемные вопросы исследования внешнего облика человека, измененного при помощи программных продуктов	69
<i>Москвина Д. Р.</i> Сравнительно-правовой анализ основных направлений деятельности органов дознания в Российской Федерации и Республике Беларусь	73
<i>Мурадян Г. Г., Бондарук И. А.</i> Тенденции развития учебных программ по подготовке оперативных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, связанных с обеспечением кибербезопасности	79
<i>Насонов А. А.</i> Роль согласования в механизме производства следственных и иных процессуальных действий в Российской Федерации	81
<i>Павловец Г. А., Быков Д. А.</i> О проблеме копирования информации с электронных носителей в уголовном процессе Республики Беларусь.....	86

<i>Перегудова Н. В.</i> Время совершения преступления как ведущий криминогенный фактор общественно опасного деяния	90
<i>Политыко О. Е.</i> Проблемные вопросы участия педагога и психолога при проведении допроса несовершеннолетнего	95
<i>Рябцева Л. А., Киселёва В. И.</i> Мошенничество и налоговое мошенничество: сравнительно-правовой анализ.....	101
<i>Свиридов Д. А.</i> К вопросу содержания базовой методики расследования предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии).....	105
<i>Семак В. Г., Еремченко В. И.</i> Организационно-тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании хищений в сфере дорожного строительства.....	108
<i>Скоробогатый А. В.</i> О личности потерпевшего как элементе криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий: по материалам Республики Беларусь.....	113
<i>Тулбаев М. С.</i> Локализация и ликвидация чрезвычайных ситуаций	117
<i>Шаматульский И. А., Осипова Н. А.</i> Особенности проведения проверки по факту организации незаконной миграции в Республике Беларусь	121
<i>Шнейдерова Д. И.</i> Алгоритм действий на этапе проверки заявлений (сообщений) по фактам хищений в сфере оборота криптовалют	128
<i>Щерба Т. Л., Мицкевич М. С.</i> Особенности проведения проверки по факту незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов.....	135
<i>Юрченко Ю. А.</i> Соблюдение принципов криминализации при установлении уголовной ответственности за информационное противодействие деятельности Вооруженных сил и государственных органов Российской Федерации	139

Трибуна молодого ученого

<i>Будылина Е. И.</i> Особенности поиска преступником потенциальной жертвы на сервисах интернет-знакомств.....	145
<i>Горковенко В. С.</i> Некоторые аспекты использования цифровой информации при раскрытии и расследовании преступлений	148
<i>Грицианова К. П.</i> Актуальные проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в сфере незаконного оборота наркотических средств.....	153
<i>Зайцев А. Е.</i> О некоторых проблемных вопросах квалификации преступлений в сфере компьютерной информации	158
<i>Иванов А. С.</i> Возможности использования искусственного интеллекта в выявлении и предупреждении преступлений	162
<i>Кириллова А. А.</i> Возможности виртуальной аутопсии как методики расследования преступлений	166

<i>Кузьмин К. Е.</i> Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты защиты компьютерной информации в органах внутренних дел Российской Федерации	170
<i>Лаврова А. С.</i> Вопросы уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков через сеть Интернет	174
<i>Митина Е. Н.</i> К вопросу о процессуальных особенностях изъятия цифровых следов при расследовании IT-преступлений	178
<i>Родина О. Н.</i> Видеотехнологии как перспективное направление совершенствования расследования киберпреступлений	182
<i>Романюк Д. В.</i> Объект хищения, совершенного с банковского счета, как элемент уголовно-правовой характеристики	187
<i>Черкашин А. А.</i> Использование искусственного интеллекта при производстве некоторых видов криминалистических экспертиз с применением технологии deepfake	192
<i>Шабанова А. А.</i> Об особенностях квалификации объективных признаков мошенничества, совершенного с использованием компьютерной информации	195
<i>Шматов М. В.</i> О некоторых проблемах раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации и с использованием компьютерных технологий	198

[Вернуться к статьям](#)

[Вернуться на титульный экран](#)